

В.Б. Исаков

ЮРИДИЧЕСКИЕ ФАКТЫ В СОВЕТСКОМ ПРАВЕ

Юридические факты связывают право с жизнью. Практическое значение и научная ценность проблемы юридических фактов заключаются в том, что она раскрывает один из аспектов фактической обоснованности правового регулирования. Точное определение юридических фактов в нормах права, их полное и всестороннее установление в правоприменительном процессе – одно из требований социалистической законности.

Юридическая литература

В.Б. Исаков

ЮРИДИЧЕСКИЕ ФАКТЫ
В СОВЕТСКОМ ПРАВЕ

Москва
«Юридическая литература»
1984

Рецензенты:

канд. юрид. наук ИВАНОВА З.Д.

докт. юрид. наук МИЦКЕВИЧ А.В.

В книге рассматриваются понятие и виды юридических фактов, показано их значение как элементов метода и механизма правового регулирования общественных отношений. Обсуждаются актуальные проблемы построения систем юридических фактов.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов, а также работников правотворческих и правоприменительных органов.

Владимир Борисович Исаков

«Юридические факты в советском праве»

Редактор *Л.А. Плеханова*

Художник *В.И. Пантелеев*

Художественный редактор *Э.П. Батаева*

Технический редактор *Т.К. Адегова*

Корректор *В.Д. Рыбакова*

ИБ № 1351

Сдано в набор в 2.04.84. Подписано в печать 10.12.84. А 08498. Формат 84X108 1/32 Бумага типографская № 3. Гарнитура литературная. Печать высокая. Объем: усл. печ. л. 7,56; усл. кр. - отт. 7,77; учет. изд. л. 9,15. Тираж 3500 экз. Заказ № 4091. Цена 1 р. 40 к.

Издательство «Юридическая литература», 121069, Москва, Г-69, ул. Качалова, 14.

Областная типография управления издательств, полиграфии и книжной торговли Ивановского облисполкома, 153628, г. Иваново, ул. Типографская, 6.

И 120200000-080 свод. пл. подписных изд. 1984
012 (01) - 84

© Издательство «Юридическая литература», 1984

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава I. Понятие юридического факта	10
Глава II. Некоторые вопросы классификации юридических фактов...	26
Глава III. Юридические факты в системе правового регулирования.....	45
Глава IV. Индивидуальное регулирование и юридические факты.....	66
Глава V. Некоторые проблемы фактических систем.....	86
Глава VI. Фиксация, удостоверение и доказывание юридических фактов.....	102
Глава VII. Дефектность юридических фактов.....	116
Примечания.....	134

Введение

Правовое регулирование в советском обществе – мощный фактор преобразования общественных отношений, перестройки народного хозяйства, формирования позитивных социально-политических процессов. Но оно может выполнить свои задачи лишь в том случае, если опирается на объективную реальность, учитывает действительное положение дел. Социальное управление, которое игнорирует факты, неизбежно теряет свою эффективность, превращается в конечном счете в бесполезную деятельность. Это в полной мере справедливо и для правового регулирования – одной из форм социального управления.

В процессе создания юридических норм, разработки и совершенствования нормативных актов правотворческий орган должен стоять на твердой почве реальности: недопустимо ни забегание вперед, ни отставание от достигнутого уровня социального развития. Для этого нужна полная информация о социальной обстановке действия нормативного акта, финансовых, организационных и иных затратах, которые потребует его реализация; необходимо знать объективные интересы участников правовых отношений, их установки и мотивы деятельности, изучить возможные побочные последствия и многое другое. Только на базе такой информации можно разработать оптимальную модель правового регулирования, в том числе и модель юридических фактов, способную оказать позитивное воздействие на развитие социалистических общественных отношений.

Другой канал связи права с жизнью – учет фактических обстоятельств в процессе реализации правовых норм. Правовые предписания исполняются не слепо. Они вступают в силу при наличии социальных фактов. В определенных случаях правоприменительный орган может сам уточнить круг фактических обстоятельств, имеющих правовое значение. Факты, с которыми нормы права связывают правовые последствия, называются юридическими фактами.

Корни понятия "юридический факт" уходят в глубь истории юридической науки. Уже в римском праве различалось несколько оснований возникновения правоотношений. В Институциях Гая их четыре: контракт, квази-контракт, деликт, квази-деликт. Позже стали выделять пятое основание – одностороннюю сделку. Выделялись также сроки, основания заключения и прекращения брака, основания перехода вещей по наследству и другие юридические факты. Указанное деление было воспринято Кодексом Наполеона и развито в последующем буржуазном законодательстве <1>.

Общее понятие юридического факта, как и понятие правоотношения, римские юристы не сформулировали <2>. Создание этой категории связано с переработкой, осмыслением и систематическим изложением римского права его позднейшими исследователями. Немецкий юрист А. Манигк утверждал, что понятие "юридический факт" впервые ввел В. Савиньи. В работе "Система современного римского права" Савиньи писал: "Я называю события, вызывающие возникновение или окончание правоотношений, юридическими фактами" <3>.

Для исторического понимания теории юридических фактов существенно то обстоятельство, что она сложилась в русле формально-догматической юриспруденции под сильным влиянием юридического позитивизма. Отсюда – преобладание в ней догматического анализа, логических методов, увлечение схематизацией и классификациями. Юрист-догматик исходит из того, что определение юридических фактов – прерогатива законодателя, что они выступают как нечто данное, исходный пункт; юриста-догматика интересует лишь юридическое значение факта, а не причины его появления и социальное содержание. Тем не менее догматическая теория юридических фактов разработала понятие юридического факта, фактического состава, дала их классификации, сохранившие свою ценность и поныне. В исследованиях юристов-догматиков получили освещение проблемы соотношения юридических фактов и правовых последствий, секундарных прав и др.

Первоначальное развитие теории юридических фактов связано с гражданским правом (Г. Дернбург, Р. Зом, Г. Пухта, А. Тон, Е. Цительман, Л. Эннексерус). Это вполне объяснимо. Набирающий силу капитализм требовал тщательной регламентации имущественных отношений: оснований возникновения права собственности, отдельных обязательств, наследования, наступления несостоятельности и т.д. На этой базе и складывалось общее понятие юридического факта*. Подчеркнем важный момент – категория "юридический факт" возникла не как результат умозрительного развития какой-либо схоластической философской системы; она развилась из практической потребности охватить единым понятием разнообразные предпосылки движения конкретных правовых отношений.

Теория юридических фактов привлекала внимание также русских юристов: Е.В. Васьковского, Д.Д. Гримма, Н.М. Коркунова, В.И. Синайского, Г.Ф. Шершеневича и др. С позиции этой теории ими рассматривались, в частности, вопросы исковой давности, условия действительности и недействительности сделки, основания представительства. Русской юридической науке того времени было известно и понятие фактического

* Ю. Барон определяет юридический факт "как всякое обстоятельство, влекущее за собою какое-либо юридическое последствие, т.е. возникновение, перенесение, прекращение, сохранение или изменение права" (Система римского гражданского права, 3-е изд., Вып. 1., Кн. 1. Общая часть. СПб, 1909, с. 104).

(юридического) состава. "Юридические последствия, – писал В.И. Синайский, – наступают обыкновенно не в силу единичных юридических фактов, а вследствие целой совокупности их – юридического состава правоотношения" <4>. Своеобразный взгляд на юридические факты имел Л.И. Петражицкий. Справедливо отмечая односторонность формально-догматической юриспруденции, ее склонность к "юридической мистике", он давал юридическим фактам свою, субъективно-психологическую, трактовку. Под юридическими фактами, по мнению Л.И. Петражицкого, следует понимать не внешние, объективные, а представляемые события. Такое понимание юридических фактов сводит к нулю их значение в правовой системе. Со всей очевидностью практическая беспомощность и идеализм психологической теории Л.И. Петражицкого обнаружилась, когда он обратился к конкретным юридическим фактам: "Важны и имеют решающее значение в правовой жизни, – писал он, – не факты заключения договоров, как таковые, а вера в существование таких фактов" <5>. Подобное понимание юридических фактов не встретило и не могло встретить сколь-нибудь широкой поддержки практических юристов.

Современная буржуазная юриспруденция мало продвинулась в изучении юридических фактов. В английской и американской правовой доктрине не создано развернутой их теории. Следуя традициям своей правовой системы, английские и американские юристы скептически относятся к абстрактным юридическим понятиям. Юридические факты определяются ими в процессуальном смысле как обстоятельства, подлежащие доказыванию, имеющие значение для разрешения дела и т.д. В американском юридическом энциклопедическом словаре читаем: "Факт – это действие, состояние или событие, существование которого подтверждается допустимыми доказательствами". Аналогичное толкование понятия "факт" дает фундаментальный словарь английского права <6>.

Во Франции вопросы юридических фактов рассматриваются главным образом в курсах гражданского права в связи с проблемой возникновения обязательств <7>. Оценивая положение дел в этой области, П. Жюллио де ла Морандьер пишет: "Каждое из обстоятельств, за которым наше право признает силу фактора, порождающего право, производящего его переход или прекращение его, определяется особыми правилами, причем наше право не исходит из какой бы то ни было общей теории юридических фактов" <8>. Несколько большее внимание проблеме юридических фактов уделяют немецкие и итальянские юристы. Они не уклоняются от рассмотрения общих понятий юридического факта и состава, приводят их классификации, анализируют роль юридических фактов в возникновении обязательственных и иных правоотношений. Обсуждается значение юридических фактов в обеспечении автономии личности в правовых отношениях <9>.

Ослабление позиций позитивизма в буржуазной правовой науке и усиление социологических течений отразились и на теории юридических фактов. Интерес буржуазных ученых к этому кругу проблем снизился. С позиций буржуазной

социологии нормы права, правовые отношения обуславливаются совокупностью неправовых факторов; таким образом, изучение юридических фактов оказывается за рамками науки. Разрыв буржуазной юриспруденции с традиционной теорией юридических фактов носит подчас демонстративный характер, что выдает стремление отмежеваться от юридического догматизма <10>. Падение интереса к проблеме юридических фактов – одна из черт общего кризиса буржуазной юстиции, которую волнует больше конечный результат, нежели законность и юридическая обоснованность тех или иных правовых действий.

Советская юридическая наука решительно отвергла абстрактный, формально-догматический подход к правовым явлениям. "Конкретное правоотношение между двумя лицами по продаже – покупке какой-либо вещи, – писал, например, Д.М. Генкин, – создается не потому, что в Гражданском кодексе имеется норма о договоре купли – продажи, а потому, что у одного лица возникает экономическая потребность купить эту вещь, у другого лица – продать ее" <11>. Правоотношения рассматриваются советскими учеными как элементы юридической надстройки, вплетенные в сложную сеть социальных отношений и обусловленные в конечном итоге экономическим базисом общества. Однако "основные, т.е. формальные юридические понятия, – отмечал Е.Б. Пашуканис, – продолжают свое бытие в наших кодексах и в соответствующих к ним комментариях. Остается в силе и метод юридического мышления с его специфическими приемами" <12>. Советская юридическая наука разработала теорию юридических фактов на новой, материалистической основе, в соответствии с потребностями правовой системы социализма, целями и задачами общества, строящего коммунизм.

В советской научной литературе и литературе зарубежных стран социализма проблемы юридических фактов рассматриваются в монографиях, диссертациях, статьях, главах учебников по теории государства и права и по отраслевым юридическим наукам. В работах общетеоретического характера анализируются понятие и виды юридических фактов, их роль в правовом регулировании, связь с правовыми отношениями. Немало работ посвящено юридическим фактам в отраслях права. Естественно, что здесь авторов интересуют прежде всего особенности отраслевых юридических фактов и составов, способы их установления, доказательства и т.д. Разграничение исследований на "теоретические" и "отраслевые", разумеется, условно. Общетеоретические исследования нередко содержат выводы об отраслевых юридических фактах. В отраслевых работах можно встретить обобщения общетеоретического характера. Значительное число исследований выполнено "на стыке" теории юридических фактов и других разделов юридической науки. Это работы, посвященные гражданским, уголовным, трудовым, семейным, процессуальным и другим правоотношениям, срокам, сделкам, административным актам, трудовым договорам, деликтам.

Практический смысл и научная ценность теории юридических фактов заключаются в том, что она изучает один из аспектов фактической обоснованности правового регулирования. Система юридических фактов, четко очерченных в законодательстве, своевременно, полно и достоверно установленных в процессе применения права, – одна из важных гарантий социалистической законности. Использование многообразных прав и свобод советских граждан, закрепленных в Конституции СССР, зависит не только от социально-экономических возможностей советского общества, но и в немалой степени – от точного соблюдения юридических условий, определенных в законодательстве <13>. Ключевым, принципиальным вопросом современного этапа развития социалистического общества, говорилось на февральском (1984 г.) Пленуме ЦК КПСС, остается укрепление дисциплины и организованности <14>. Эффективная, действенная ответственность невозможна без четкого определения условий ее наступления, т. е. юридических фактов.

Юридические факты – одна из проблем юридической практики. Правоприменительный орган должен не только установить все необходимые для разрешения дела юридические факты, но и верно их квалифицировать. Неправильная юридическая оценка фактов ведет к тому, что одним обстоятельствам не придается должного правового значения, другим, напротив, приписываются несвойственные им качества. Умение работать с фактами, юридино-фактическая культура – необходимый элемент общей правовой культуры правоприменительного органа.

Среди ученых и практических работников существует мнение о чрезмерном консерватизме теории юридических фактов. Для этого есть известные основания. Стабильным остается определение юридического факта и фактического состава, с незначительными вариациями воспроизводятся их классификации. Едва ли не в каждой работе, посвященной юридическим фактам, анализируются сделки, акты, сроки и т.д. И все же сказать, что разработка теории юридических фактов завершена, нельзя. Место юридических фактов в механизме правового регулирования, их функции в правовой системе до конца не раскрыты, а регулирующие возможности не всегда используются в полной мере.

Задача данной работы – показать современное состояние и возможные пути решения некоторых актуальных проблем теории юридических фактов. Автор исходит из того, что юридические факты – многогранное явление правовой реальности. Они допускают неоднозначные подходы, различные теоретические толкования. Поэтому выводы, к которым приходит автор, ни в коей мере не претендуют на бесспорность.

Автор глубоко признателен С.С. Алексееву, Д.Н. Бахраху, З.Д. Ивановой, А.В. Мицкевичу за ценные замечания и рекомендации, позволившие улучшить книгу.

Глава I. Понятие юридического факта

В научной и учебной литературе под юридическими фактами понимаются конкретные жизненные обстоятельства, вызывающие в соответствии с нормами права наступление тех или иных правовых последствий – возникновение, изменение или прекращение правового отношения. Уже в этом определении видно своеобразие юридических фактов. Во-первых, это – конкретные жизненные обстоятельства, элементы объективной социальной действительности. Во-вторых, это – обстоятельства, признанные нормами права, прямо или косвенно отраженные в законодательстве. "Жизненные факты, – справедливо отмечал Н.Г. Александров, – сами по себе не обладают каким-то имманентным свойством быть или не быть юридическими фактами. Они становятся юридическими фактами только тогда, когда им такое значение придается нормами права. Факты одного и того же вида могут быть или не быть юридическими фактами в зависимости от того, как они расцениваются возведенной в закон волей господствующего класса" <1>. Такое понимание юридических фактов позволяет проникнуть в глубь этого явления, исследовать их место в правовом регулировании.

1. Материально-идеальный характер юридических фактов вытекает из философского понятия факта. В философской литературе разграничивают несколько значений категории "факт". Г.И. Садовский, в частности, отмечает, что фактом называют фрагмент (дискретный кусок) действительности. Это – первая ступень формирования данного понятия. Вторая ступень связана с пониманием того, что факт – такой элемент действительности, который дан человеку в восприятии, чувственном опыте. На третьей ступени логического развития формируется понятие "эмпирический факт". Это уже не просто воспринятое, а определенным образом запечатленное, оформленное и осмысленное явление действительности. Однако, как отмечает Г.И. Садовский, в эмпирическом факте еще не раскрыта внутренняя основа многообразных внешних его выражений. В зависимости от условий и субъективной цели исследователя, таким образом, возможно различное эмпирическое истолкование одних и тех же явлений. Это особенно прослеживается в общественных науках, где к одним и тем же социальным явлениям подходят подчас с противоположных классовых позиций. Наконец, завершающая ступень логического развития – понятие теоретического факта. Это – факт, вовлеченный в орбиту определенной теоретической системы, осмысленный посредством ее категориального аппарата. В теоретическом факте мышление возвращается к явлениям действительности, но не через чувственный опыт, а через внутреннюю связь явлений, раскрытую в теории <2>. Таким

образом, факт – явление объективной реальности, отраженное в определенной идеальной системе. Чем богаче, совершеннее идеальная система, чем точнее она выявляет и фиксирует существенные стороны объективной реальности, тем богаче и многограннее содержание фактов, выраженных на языке этой системы.

Диалектико-материалистический подход к понятию "факт" в философии служит основой для понимания фактов в других общественных, а также естественных науках.

"Существенные нюансы тех определений исторического факта, которые содержатся в работах ученых – марксистов, – пишет В.А. Дьяков, – связаны с двойственностью самого понятия, относящегося, с одной стороны, к факту в смысле исторической реальности, а с другой – к факту в смысле научно-познавательного образа этого факта. Их нельзя ни идентифицировать, ни отрывать друг от друга" <3>. Аналогичным образом расцениваются факты и в социологии <4>.

Юридические факты – разновидность социальных фактов. Это явления объективной реальности, отраженные в специфической идеальной системе – законодательстве. Можно ли считать их эмпирическими фактами? Как отмечается в научной литературе, правовое познание, связанное с установлением обстоятельств дела в правоприменительном процессе, не является ни эмпирическим, ни теоретическим. Это – разновидность специальной познавательной деятельности <5>. Язык законодательства также считается особым функциональным стилем, разновидностью делового, официального языка <6>. Думается, вопрос о юридических фактах должен быть решен аналогично. Их нельзя отнести ни к эмпирическим, ни к теоретическим, они находятся как бы "между" ними. Это обширная группа фактических обстоятельств, связанная с особой областью социального управления – правовым регулированием общественных отношений.

Признание материально-идеального характера юридических фактов позволяет увидеть, что каждый конкретный юридический факт – не случайное изолированное явление, а в известном смысле и порождение данной правовой системы. Вовлечение тех или иных обстоятельств в орбиту правового регулирования в качестве юридических фактов зависит не только от социально-экономических причин, но и в немалой степени от уровня развития законодательства, совершенства юридических конструкций, развитости юридического языка, зрелости научной мысли, сложившихся правовых традиций и т.п. Образно говоря, "за спиной" конкретного юридического факта стоит вся правовая система государства. Углубленный анализ некоторых юридических фактов (например, трудовых договоров, хозяйственных обязательств, административных актов) способен привести к обнаружению важных закономерностей, присущих правовой системе в целом.

В научной литературе и правоприменительной практике о юридических фактах часто говорят как о явлениях материальной действительности, отвлекаясь

от их нормативного опосредования, или, напротив, имеют в виду совершенствование нормативной модели юридических фактов, оставляя в стороне конкретные события и действия. Думается, такой подход вполне допустим. В сложном явлении, каким предстает перед нами юридический факт, можно выделять различные аспекты, отношения, срезы. Естественно, для определенных научных и практических целей могут понадобиться только некоторые из них. Важно лишь, чтобы материально-идеальный характер юридических фактов, тесное единство материального содержания и юридического выражения не ускользали из поля зрения ученого, практического работника.

Идеальная модель юридического факта (фактического состава) закрепляется в гипотезе юридической нормы (или нескольких норм.) "В практике применения правовых норм, – справедливо отмечал П.Е. Недбайло, – установление фактической гипотезы (фактического состава) сливается с установлением гипотезы нормы и, наоборот, анализ гипотезы правовой нормы, установленной законодателем, сливается с анализом фактического состава" <7>. Вместе с тем между гипотезой и моделью факта не следует ставить знак равенства. Гипотеза – элемент правового предписания, связанный с другими элементами – диспозицией или санкцией. Не совпадают они и по объему: модель сложного юридического факта (фактического состава) может быть закреплена в гипотезах нескольких юридических норм <8>.

Выделение материальной и идеальной сторон в понятии "юридический факт" позволяет очертить его основные признаки. Рассмотрим сначала признаки, характеризующие материальную сторону этого понятия. Юридические факты есть обстоятельства:

конкретные, определенным образом выраженные вовне. Юридическими фактами не могут быть мысли, события внутренней духовной жизни и тому подобные явления. Вместе с тем законодательство учитывает субъективную сторону действий (вину, мотив, цель, интерес) как элемент сложного юридического факта, например, состава правонарушения;

выражающиеся в наличии либо отсутствии определенных явлений материального мира. Необходимо учитывать, что юридическое значение могут иметь не только позитивные (существующие), но и так называемые негативные факты (отсутствие отношений служебной подчиненности, родства и т.п.);

несущие в себе информацию о состоянии общественных отношений, входящих в предмет правового регулирования. Юридическими фактами выступают лишь такие обстоятельства, которые затрагивают прямо или косвенно интересы общества, государства, коллективов, личности.

Другая группа признаков связана с моделью юридических фактов и раскрывает нам нормативную, идеальную сторону этого явления. Юридические факты есть обстоятельства:

прямо или косвенно предусмотренные нормами права. Многие юридические факты исчерпывающе определены в норме права. Как будет показано ниже,

существуют и индивидуально-определяемые факты, лишь в общем виде (косвенно) предусмотренные в законодательстве;

зафиксированные в установленной законодательством процедурно-процессуальной форме. Юридический факт имеет правовое значение, как правило, лишь в том случае, если он надлежащим образом оформлен и удостоверен (в виде документа, справки, журнальной записи, и т.д.);

вызывающие предусмотренные законом правовые последствия. Имеется в виду прежде всего возникновение, изменение либо прекращение правового отношения. Но юридический факт может вызвать и иные правовые последствия, например, аннулировать другие юридические факты.

Перечисленные признаки трудно свести в "классическую" дефиницию. Да и необходимо ли это? Ограничимся поэтому указанным выше кратким определением.

Разграничение материального и идеального в понятии юридического факта не следует смешивать с рассмотрением юридических фактов в плоскости конкретное – абстрактное. Необходимо различать конкретные фактические обстоятельства, реально существующие в определенной точке пространства и времени, и абстрактное, обобщенное понятие "юридический факт". При оперировании научными абстракциями неизбежно теряются какие-то частности, детали, свойственные конкретным юридическим фактам, исчезает их неповторимая индивидуальная окраска. Взамен этого на первый план выступает другое – сущностные признаки юридических фактов, их функции в правовом регулировании общественных отношений.

2. Важнейший признак юридического факта – его способность вызывать наступление правовых последствий. В чем источник данной способности? Какова природа связи факта и правовых последствий? Эти вопросы были поставлены и широко обсуждались в юридической научной литературе прошлого столетия. Немецкие юристы-догматики (Беккер, Виндшейд и др.) считали связь факта и правовых последствий особым видом причинности <9>. Иное решение у Бернгейфта и Колера, авторов известного курса германского гражданского права. Главное значение в наступлении правовых последствий они отводили правовому порядку; юридический факт, по их мнению, выступает в роли условия, "внешнего толчка" <10>. С субъективно-идеалистической точки зрения трактовал эту проблему немецкий юрист А. Манигк, который считал, что закон причинности в юридическом мире не знает пределов действительности: если философ или естествоиспытатель конструируют причину на основании следствия, то правовед конструирует следствие на основании причины. При этом самой причинности Манигк давал крайне субъективное истолкование: правовые последствия (переход собственности, появление или отпадение субъективных прав), по его мнению, есть изменения не в объективном мире, а в сознании людей. Действие юридических фактов заключается в обмене такими представлениями <11>. Сходным образом развивал проблемы юридических фактов Л.И. Петражицкий. Юридические факты,

с его точки зрения, являются "причиной или условием приписывания со стороны людей себе или представляемым другим существам обязанностей и прав" <12>. Изложенное свидетельствует о том, что буржуазная правовая мысль оказалась не в состоянии выпутаться из противоречий объективного и субъективного, объяснить с идеалистических позиций связь юридического факта и правовых последствий.

Решение этого вопроса в советской юридической науке можно свести к двум основным положениям.

Первое – признание объективной социально-классовой обусловленности правовой надстройки, в том числе и системы юридических фактов. Ярko, убедительно выражена эта мысль М.М. Агарковым: "Факты, порождающие обязательственные отношения и в конечном счете обуславливающие правовые формы движения имущественных отношений, в капиталистическом обществе определяются частной собственностью на орудия и средства производства и анархией, создаваемой капиталистической конкуренцией. Система этих фактов отражает классово-антагонистическую структуру капиталистического строя и неизбежную при этом антагонизму дисгармонию личности и общества. Факты, порождающие обязательственные отношения в обществе, построенном на социалистической собственности на орудия и средства производства и на социалистической системе хозяйства, определяются совершенно иными производственными отношениями. Система этих фактов отражает общественные отношения социалистического строя, не знающего классового антагонизма и эксплуатации человека, не знающего непримиримых противоречий между личностью и обществом" <13>.

Второе – отрицание причинно-следственной зависимости между фактом и его правовыми последствиями. Связь причины и следствия – объективно существующая связь явлений. Человек способен познать эту связь, вскрыть ее содержание, но не способен сконструировать ее по собственной воле. Между тем связь юридического факта и правовых последствий носит субъективный характер, она возникает на основе норм права – продукта творческой деятельности человека. Подводя итог дискуссии по данному вопросу, Н.Т. Судариков отмечал: "Причинная связь между явлениями не может быть привнесена из нашего сознания в объективный мир" <14>. Есть все основания согласиться с данным выводом.

В советской литературе можно встретить выражения "юридические факты – причина правовых последствий", "правовая казуальность" и т.п. Вряд ли следует расценивать их как возвращение к концепции "юридической причинности". Это, скорее, образные сравнения, нежели теоретическая позиция авторов по данному вопросу*. Концепцию "юридической причинности" можно было бы считать

* Своеобразную позицию занимал С.Ф. Кечекьян. Он считал юридические факты непосредственной причиной возникновения и прекращения правоотношений, но одновременно подчеркивал, что свести полностью причинные связи к зависимости правоотношений от

достоянием истории, если бы не одно обстоятельство. В научной литературе предпринята новая попытка истолковать связь юридических фактов и правовых последствий с точки зрения причинности. Юридические факты, пишет А.П. Дудин, "признаются непосредственной причиной, вызывающей начало регулирования отдельными нормами права отдельных фактических общественных отношений или прекращающей такое регулирование. Однако юридические факты играют одновременно и другую противоположную роль: они способствуют изменению, развитию фактических общественных отношений, а значит, и процессу правообразования..." <15>. Это положение свидетельствует о том, что в проблеме "юридической причинности" не все ясно, она нуждается в дальнейшем обсуждении. Хотелось бы высказать следующие соображения.

Прежде всего, приведенное выше положение о том, что связь факта и правовых последствий не является и не может являться причинной, по нашему мнению, правильно и не нуждается в пересмотре. Однако "не являются" – негативная характеристика; остается открытым вопрос, чем же является связь факта и правовых последствий, что она собой представляет?

Нельзя не видеть, что связь факта и правовых последствий отличается рядом специфических признаков: она субъективна по своему происхождению, поскольку основывается на норме права, а иногда и на правоприменительном акте; гарантируется системой юридических средств; по своему содержанию носит упорядочивающий, регулирующий характер; в конечном счете обусловлена общественным и государственным строем, объективными закономерностями и тенденциями общественного развития. Связь факта и правовых последствий, таким образом, представляет собой особый вид социальной зависимости, сознательно созданной людьми и защищенной правом. Нормативное закрепление и гарантирование системой юридических средств делают ее относительно стабильной, с необходимостью реализующейся при определенных условиях. Это внешне сближает связь факта и правовых последствий с объективными причинными связями, позволяет провести между ними параллель. С известной долей условности можно сказать, что перед нами – разновидность "социальной причинности", сознательно введенная в жизнь общества для упорядочения его существования.

Далее, в приведенном положении А.П. Дудина, как можно заметить, речь идет о двух неодинаковых явлениях: с одной стороны, о связи юридических фактов и правовых последствий, с другой стороны, о связи социальных фактов и обусловленных ими юридических норм. И те и другие факты автор именуется "юридическими". По нашему мнению, это ведет к тому, что теряется грань между философской и специально-юридической проблематикой в юридической науке. Ведь ясно, что в первом случае факты рассматриваются в специально-

юридических фактов значило бы отдать дань "юридическому мировоззрению" (см.: Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958, с. 164 - 165).

юридическом разрезе как элемент механизма правового регулирования; во втором случае речь идет о философской, общесоциологической проблеме, об обусловленности норм права теми или иными социальными фактами. Это – грани "фактического" в праве, которые следует отчетливо разграничивать. Как представляется, наряду с понятием "юридический факт" целесообразно ввести в научный оборот категорию "юридический фактор". Юридические факторы – те социальные факты (экономические условия, деятельность государства, судебная практика и др.), которые оказывают влияние на механизм правообразования, вызывают изменение действующего законодательства, принятие новых норм. Юридические факторы появления отдельных норм, нормативных актов, институтов права и т.д. неодинаковы. Но в любом случае они не сливаются с юридическими фактами. Изучение юридических факторов с использованием современных методов социологии позволит повысить научную обоснованность социалистического права, его эффективность.

Наконец, проблема "юридической причинности", по нашему мнению, не лишена практически значимых сторон. Юридический факт не есть причина правовых последствий. Но каковы причины появления его самого, какими предпосылками он обусловлен? Эти вопросы отнюдь не второстепенны для юридической науки. Зная причины появления в общественной жизни тех или иных фактических обстоятельств, государственные органы могут более уверенно и обоснованно строить правовое регулирование общественных отношений, прогнозировать эффективность принимаемых юридических норм.

Вопрос о причинах, обуславливающих возникновение в социальной системе фактических обстоятельств, для юридической науки, конечно, не нов. Существует развитая теория причин преступности, имеющая обширную литературу. На этой основе разрабатывается методика анализа причин отдельных видов преступлений <16>. Однако за рамками криминологии причины возникновения юридических фактов мало разработаны. Так, причинам юридических проступков в научной литературе уделяется явно недостаточное внимание, хотя проступки более распространены, чем преступления. Еще менее освещен вопрос о причинах возникновения правомерных юридических фактов – юридических поступков, сделок, административных актов*.

Не претендуя на окончательное решение проблемы причин возникновения правомерных юридических фактов, попытаемся наметить некоторые пути ее исследования. На наш взгляд, в общетеоретическом плане можно говорить о социальном механизме порождения того или иного правомерного юридического факта, охватывающем комплекс взаимосвязанных и взаимодействующих

* Определенное внимание этой проблеме уделяется в работах по правомерному поведению, правовой активности (см., в частности: Шафиров В.М. Правовая активность советских граждан. Красноярск, 1982, с. 13 - 19).

закономерностей, предпосылок, условий. Можно выделить три комплекса предпосылок.

Во-первых, общие социальные предпосылки. К ним следует отнести общественный строй, существующую систему хозяйства, сложившийся образ жизни, демографические тенденции и т.д. Данный комплекс предпосылок не всегда виден в конкретном случае. Государственные органы, должностные лица, устанавливающие правомерные юридические факты в связи с конкретным делом, порой не выявляют их социально-экономические корни. Да и вряд ли целесообразно в каждом случае выяснять, следствием каких объективных процессов явились данные правомерные факты. Но эти социально-экономические корни существуют, и они мощно формируют массив фактических обстоятельств, создавая благоприятные условия для появления одних юридических фактов и тормозя возникновение других. Изучение общесоциальных предпосылок позволяет оценить реальность тех или иных норм, институтов, нормативных актов советского права, фактическую возможность использовать закрепленные в них права и гарантии.

Во-вторых, некоторые специальные предпосылки. Это более узкая область общественных отношений, прямо обуславливающая появление конкретной категории юридических фактов. Например, факты заключения и расторжения брака связаны со сложившейся в обществе системой семейно-брачных отношений; трудовой договор, стаж и т.п. – порождение системы трудовых отношений. Специальные предпосылки представляют уже непосредственный практический интерес для правоприменительных органов, так как позволяют выявить тот социальный контекст, внутри которого сформировался и существует юридический факт. При производстве дознания, предварительного следствия и разбирательстве уголовного дела в суде компетентный государственный орган, согласно закону, обязан установить причины и условия, способствовавшие совершению преступления, принять меры к их устранению (ст. ст. 68, 140 УПК РСФСР и аналогичные статьи УПК других союзных республик). Думается, круг случаев, когда на государственные органы и организации возлагается обязанность установления причин и условий появления факта, должен быть расширен и распространяться не только на правонарушения, но и в ряде случаев на правомерные юридические факты (увольнение с работы по собственному желанию, возбуждение ходатайства об усыновлении и др.).

В-третьих, некоторые организационно-юридические предпосылки. Если, например, согласие работника на принятие полной материальной ответственности за необеспечение сохранности имущества и других ценностей, переданных ему на хранение или для других целей, не оформлено соответствующим письменным договором (ст. 121, п. 3, КЗоТ РСФСР), то подобный "юридический факт" не имеет правового значения. Следовательно, в число предпосылок, обуславливающих появление юридических фактов, входит деятельность компетентных государственных органов, должностных лиц, административно-

технических работников, которая заключается в фиксации, установлении и удостоверении юридических фактов, придании им определенной законом формы.

Выяснение общих и специальных причин возникновения правомерных юридических фактов предполагает глубокий анализ экономических и политических отношений, обобщение статистического материала, проведение в ряде случаев социологических исследований. Надо полагать, что эта проблема найдет со временем своего исследователя. Что касается деятельности государственных органов по фиксации, установлению и удостоверению юридических фактов, то этот вопрос имеет непосредственное отношение к предмету настоящей работы, и мы вернемся к нему в гл. VI.

3. Трудности в определении юридического факта, установлении его связи с правовыми последствиями во многом проистекают из того, что в правовом регулировании функционируют фактические обстоятельства различного характера, отношение которых к правовым последствиям неодинаково. В дореволюционной цивилистической литературе разграничивались основания (юридические факты) и условия юридической сделки <17>. Аналогичное подразделение мы находим у А. Манинга: "Состав правовой сделки не охватывает всех имеющих значение предпосылок" <18>. Разграничение юридических фактов и юридических условий получило признание и в советской литературе <19>.

В структуре фактических обстоятельств, связанных с наступлением правовых последствий, выделяются три круга фактов.

Первый круг – это социально значимые факты, образующие в совокупности ту или иную социальную ситуацию. Любой юридический факт, как уже отмечалось, есть лишь часть обширного комплекса социальных условий и предпосылок, связанных с данным правоотношением. Правомерно ли концентрировать все внимание на юридических фактах и отбрасывать остальные (необходимые и случайные, постоянные и переменные) элементы социальной ситуации? Анализ юридических и неюридических обстоятельств в совокупности позволяет выявить действительные рамки социальной ситуации, ее подлинное содержание. Этот анализ подчас обнаруживает такие обстоятельства, которые по тем или иным причинам не попали в число юридически значимых, но имеют принципиальное значение.

Второй круг фактов составляют юридические условия – обстоятельства, имеющие юридическое значение для наступления правовых последствий, но связанные с ними не прямо, а через одно или несколько промежуточных звеньев <20>. Например, для увольнения рабочего или служащего необходимо, помимо прочего, существование трудового правоотношения. Но следует ли из этого, что все правообразующие факты трудового правоотношения входят в правопрекращающий фактический состав? Думается, нет. Правопрекращающий состав не может и не должен вбирать в себя всю цепь предшествующих правообразующих и правоизменяющих юридических фактов. Они примыкают к нему иначе – в качестве юридических условий.

Разграничение юридических фактов и юридических условий имеет существенное практическое значение. Правоприменительный орган должен установить все необходимые юридические факты. Что касается юридических условий, то их наличие обычно презюмируется. Иначе правоприменительный орган в каждом случае должен был бы устанавливать бесконечную цепь юридических фактов, прямо и косвенно связанных с данным правовым последствием.

Существует несколько групп юридических условий. Одна из них – факты, обуславливающие правоспособность и гражданское состояние субъектов права. Сюда следует отнести, в частности, гражданство, пол, возраст, семейное положение, образование. Не являясь элементами конкретных фактических составов, эти юридически значимые обстоятельства выступают юридическими условиями для крупных массивов правовых связей. В литературе такие факты получили обобщенное наименование элементов гражданского состояния <21>.

Другая группа юридических условий – элементы правообразующих, правоизменяющих, правопрекращающих составов, предшествующих данному. Например, наличие права собственности на вещь служит юридической предпосылкой для распоряжения этой вещью – вступления в правоотношения мены, дарения, купли – продажи и т.д. Юридические основания приобретения права собственности, как правило, не входят в состав новой сделки, а примыкают к нему в качестве юридического условия. Наиболее часто в качестве юридических условий выступают факты – правоотношения, отражающие участие данного субъекта в делящихся правовых связях (особенности фактов – правоотношений будут рассмотрены в гл. II).

Юридические условия не следует смешивать с юридическими фактами, по тем или иным соображениям выведенными за рамки конкретных составов. Иногда такого рода факты тоже называют "условиями", например условия действительности сделки, условия освобождения от ответственности и др. Речь идет, как представляется, о разных явлениях. Чтобы рационально построить нормативный акт, повторяющиеся элементы фактических составов могут быть вынесены в его общую часть, урегулированы специальными нормами. Наиболее часто за рамки составов выносятся их процедурно-процессуальные элементы.

Возникает вопрос: существует ли четкая граница между юридическими условиями и юридическими фактами?

Есть несколько разграничительных признаков:

как уже отмечалось, юридические факты обуславливают правовые последствия прямо, юридические условия – косвенно, через одно или несколько промежуточных звеньев (чаще всего через факт – правоотношение);

юридический факт связан с данным конкретным правоотношением; юридическими условиями обычно детерминируется несколько различных правовых связей;

юридические факты, как правило, обстоятельства разового, ситуационного значения; юридические условия, напротив, в большинстве своем факты длительного действия.

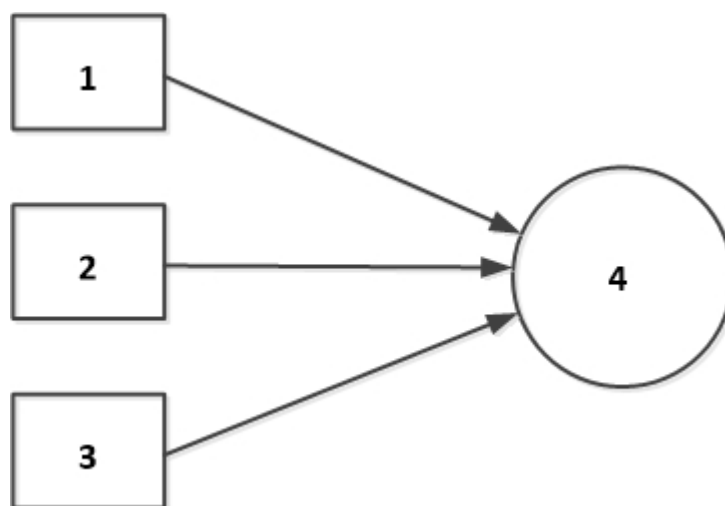
В правовой литературе гражданство, пол, возраст, состояние здоровья и т.д. часто именуют юридическими фактами. Не противоречит ли это предлагаемому разграничению юридических фактов и юридических условий? Думается, противоречия здесь нет. Данные социальные обстоятельства обуславливают особый тип правовых связей – общие (общерегулятивные) правоотношения <22>. Следует подчеркнуть, что отнесение ряда фактических обстоятельств к юридическим условиям не означает их какой-либо дискредитации, не делает их "второстепенными" юридическими фактами. В одних правоотношениях фактические обстоятельства могут быть юридическими фактами, в других, связанных с первыми, – они проявляют себя как юридические (нормативные) условия <23>.

Третий круг фактов – юридические факты. Они далеко не однородны: различаются по своим функциям, способу закрепления, степени определенности и иным существенным признакам. Но все юридические факты – это непосредственное основание наступления правовых последствий: возникновения, изменения, прекращения правоотношений, появления некоторых иных правовых последствий. Какие фактические обстоятельства могут иметь юридическое значение, а какие нет? Как из массы важных и второстепенных фактов выбрать те, которые наиболее полно обрисовывают регулируемую правом социальную ситуацию? Мы вернемся к этим вопросам в гл. III.

4. В правовом регулировании юридические факты выступают, как правило, в составе объединений, комплексов фактов. Фактическая предпосылка, состоящая из одного элемента – юридического факта, – сравнительно редкое явление. Представляется необходимым различать две категории фактических комплексов: группу юридических фактов и фактический состав.

Группа юридических фактов – это несколько фактических обстоятельств, каждое из которых вызывает одно и то же правовое последствие. Например, злостное нарушение трудовой дисциплины, пьянство, хулиганство, мелкое хищение государственного или общественного имущества и некоторые другие нарушения, каждое в отдельности, могут вызвать в соответствии со ст. 34 Жилищного кодекса РСФСР перенесение очередности на получение жилплощади.

Группу юридических фактов можно изобразить схематически:

1, 2, 3 – юридические факты
4 – правовое последствие

Рис. 1

В юридической науке группа юридических фактов не рассматривается как комплексное образование. Ее элементы обычно анализируются по отдельности, в качестве изолированных юридических фактов. Думается, это не вполне верно: элементы группы юридических фактов – не случайный набор социальных фактов, а хотя слабо организованный, но все же комплекс юридических фактов. Каковы связи, позволяющие считать группу фактов комплексом? Прежде всего, каждый элемент группы влечет одно и то же правовое последствие. В этом состоит основа их юридического родства, однопорядковости. Их юридическое единство находит и внешнее выражение – все элементы группы закреплены обычно в одном нормативном акте, в одной или в нескольких соседствующих юридических нормах. Кроме того, элементы группы близки как социальные обстоятельства. Все они связаны либо с одной, либо с несколькими близкими по содержанию ситуациями, входящими в предмет правового регулирования. Именно социальная однотипность обстоятельств лежит в основе объединения их в фактический комплекс – группу юридических фактов.

Группу с известной долей условности можно рассматривать как промежуточное образование между фактическим составом и единичным юридическим фактом. Для нее не характерны системная связь и взаимообусловленность всех элементов, свойственные фактическому составу, но все же она представляет собой нечто большее, чем простой перечень юридических фактов.

Вторая разновидность объединения – *фактические (юридические) составы*. От группы фактический состав отличается тем, что его элементы определенным образом связаны в пространстве и времени, взаимообусловлены. Правовое

последствие наступает лишь при наличии всех элементов состава в совокупности. Иными словами, фактический состав есть система юридических фактов.

Реальные фактические предпосылки правоотношений достаточно сложны по структуре. Они, как правило, не исчерпываются одним типом связи юридических фактов, в большинстве случаев мы видим использование различных типов. Можно привести немало примеров, когда основной "ствол" фактической предпосылки построен по принципу группы юридических фактов, а ее "периферийные звенья" – фактические составы. Последние, в свою очередь, могут включать не только отдельные юридические факты, но и группы, другие (подчиненные) фактические составы <24>.

Различные типы связей между юридическими фактами – отражение сложных взаимозависимостей, свойственных самим общественным отношениям. В философской и юридической литературе отмечается многофакторность, многопричинность общественных отношений. Социальный результат в большинстве случаев есть следствие не одной какой-то причины, а целого комплекса взаимодействующих между собой причин и условий <25>. Законодательство, естественно, не может не учитывать этого обстоятельства. Закрепляя юридические условия, группы юридических фактов, фактические составы, оно улавливает и отражает тем самым различные типы взаимозависимостей между общественными отношениями.

5. В теории и на практике фактические составы нередко смешивают со сложными юридическими фактами. Отражение в праве общественных отношений – далеко не простой процесс. Конкретная социальная ситуация зачастую представляет собой переплетение элементов объективного и субъективного, закономерного и случайного, материального и идеального. Поэтому в качестве юридических фактов выступают не только простые фрагменты социальной действительности, но и порой довольно сложные ее срезы. *Сложные юридические факты* – такие фактические обстоятельства, которые имеют несколько различных сторон (признаков).

Своеобразие сложных юридических фактов не всегда учитывается на практике. Например, О.В. Баринов рассматривает случай, когда работнику, нарушившему правила техники безопасности, действием механизма была причинена смерть. Поступок рабочего О.В. Баринов относит к противоправным неосторожным действиям, смерть работника – к относительным событиям <26>. Такое решение вопроса вызывает возражения. Как представляется, перед нами не два различных юридических факта, а один юридический факт – несчастный случай на производстве, отражающий соответствующую социальную ситуацию. Но это факт – сложный по содержанию, внутри него могут быть выделены субъективный элемент (поступок работника) и объективные элементы (действие механизма, смерть).

Приведенный пример свидетельствует о том, что "волевой" критерий, согласно которому все юридические факты подразделяются на события и

действия, нельзя абсолютизировать. В качестве юридических фактов могут выступать не только "чистые" события и действия, но и фактические обстоятельства, охватывающие своим содержанием то и другое, – сложные юридические факты.

Закрепление сложных юридических фактов (например, местожительства, безвестного отсутствия) в целом положительное явление в советском законодательстве. Они помогают охватить многосторонние социальные ситуации, способствуют повышению системности в правовом регулировании. В некоторых отраслях (трудовом, семейном, уголовном праве и др.) использование сложных юридических фактов объективно неизбежно. Вместе с тем можно привести примеры (в колхозном, лесном, водном законодательстве), когда сложные юридические факты связаны с недостаточной дифференцированностью правового регулирования. В принципе они могли бы быть заменены более простыми и конкретными юридическими фактами. Необходимо в каждом случае правового регулирования "нащупать" меру сложности юридических фактов, выбрать оптимальную форму их объединения – группу юридических фактов или фактический состав.

Глава II. Некоторые вопросы классификации юридических фактов

Невозможно что-либо сказать о юридических фактах, если представить их себе синкретически, как некое нерасчлененное целое. Научная классификация юридических фактов представляет собой тонкий инструмент проникновения в глубь предмета, в существо свойственных ему закономерностей. Как отмечается в литературе, значение научной классификации обуславливается ведущейся в нашей стране интенсивной работой по совершенствованию законодательства, дальнейшим развитием кодификации и систематизации <1>.

1. Классификация юридических фактов – один из хорошо разработанных в теории аспектов темы. В основу традиционной классификации юридических фактов положены три взаимосвязанных признака. Первый – "волевой" критерий, согласно которому все юридические факты подразделяются на действия и события. Действия – поступки человека, акты государственных органов и т.д. События – явления природы, возникновение и развитие которых не зависит от воли и сознания человека. По второму признаку все действия подразделяются на правомерные и неправомерные. Правомерные соответствуют предписаниям юридических норм, в них выражается правомерное (с точки зрения действующего закона) поведение. Неправомерные противоречат правовым предписаниям, причиняют вред интересам господствующего класса. Значение этого подразделения заключается в том, что оно охватывает две противоположные сферы правовых явлений: с одной стороны, договоры, сделки, административные акты, связанные с "нормальными" правовыми отношениями; с другой – проступки, преступления, вызывающие возникновение охранительных правоотношений. При самом скептическом отношении к юридическим классификациям нельзя не видеть здесь завоевания абстрагирующей юридической мысли, охватившей единой классификацией юридические факты с противоположным социальным знаком.

Согласно третьему признаку, правомерные действия делятся на юридические поступки и юридические акты. Поступки направлены на интересы и цели, лежащие вне права. Они вызывают правовые последствия независимо от того, сознавал или не сознавал субъект их правовое значение, желал или не желал наступления правовых последствий. Значительная часть правомерных поступков порождается материально-предметной деятельностью людей (производством и потреблением материальных благ, созданием произведений литературы и искусства, открытиями и изобретениями и т.п.). Юридические акты – действия, прямо направленные на достижение правового результата. Совершая юридические

акты, граждане, государственные органы и другие субъекты создают, изменяют, прекращают правовые отношения либо для себя, либо для других субъектов.

Схематически данная классификация может быть представлена следующим образом:

Рис. 2

В научной литературе предпринимались неоднократные попытки дополнить и модифицировать указанную классификацию. Действия предлагалось подразделять на односторонние и многосторонние, положительные и отрицательные; правонарушения – на умышленные и неосторожные; в числе действий особо выделять юридические факты-состояния, результативные действия; юридические факты-события разграничивать на абсолютные и относительные <2>. Мы привели лишь важнейшие модификации. Анализируя научную классификацию юридических фактов, нельзя не задаться вопросом: надежен ли ее "ствол", иными словами, насколько научно обоснованно используется сам метод классификации применительно к юридическим фактам?

Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к рассмотрению функций классификации в научном познании.

Классификация юридических фактов, как и всякая классификация, служит *средством систематизации*, предпосылкой научного анализа изучаемого объекта. Разделяя объект на части, она позволяет изучить его в расчлененном, детализированном виде. Одновременно она призвана соединить разнообразные и порой противоречивые проявления объекта, связать их в единую, цельную систему. Выступая как средство научной систематизации, классификация выполняет свою главную функцию.

Однако этим ее задачи не исчерпываются. Наряду с указанной научная классификация выполняет ряд других функций, и среди них – *объяснительную*. Определяя позицию юридического факта в классификационной схеме, мы тем самым находим его место в ряду однородных явлений, теоретически его интерпретируем, т. е. объясняем. В правовой литературе не случайно ведутся споры о месте того или иного юридического факта в научной классификации. Определить это место – значит распространить на него юридический режим (закономерности, принципы, свойства) данного класса юридических фактов, установить способ включения данного юридического факта в систему правового регулирования.

Классификация юридических фактов выполняет, далее, *эвристическую функцию*, т.е. ставит перед исследователем новые вопросы, наталкивает на нерешенные задачи. Научную гипотезу, юридическую конструкцию иногда достаточно "проиграть" на классификации юридических фактов, чтобы выявить ее уязвимые места, обнаружить, что те или иные фактические обстоятельства ею не охватываются. Это дает толчок творческой мысли, заставляет уточнять исходные положения, приводит к правильным решениям.

Классификация юридических фактов служит средством научного прогноза, выполняет *прогностическую функцию*. Разграничивая множество видов и подвидов юридических фактов, она выступает как инструмент, позволяющий зафиксировать всякие сдвиги в системе юридических фактов. Например, в криминологии отмечается свойственная социалистическому обществу устойчивая тенденция к снижению уровня преступности, уменьшению числа тяжких, особо опасных преступлений <3>. Ни эту тенденцию, ни любые другие изменения в динамике преступности невозможно зафиксировать без развернутой классификации преступлений. Научно обоснованная классификация позволяет высказывать предположения о перспективах развития тех или иных категорий юридических фактов, предвидеть эти изменения.

Классификация юридических фактов выполняет богатую по содержанию *практическую функцию*. Она способствует точному отбору и правильному закреплению юридических фактов в нормах права, помогает понять взаимосвязь различных средств воздействия на фактические отношения и процессы. Ее ценность для правоприменительных органов заключается в том, что она раскрывает правовую специфику социальных фактов, служит их полному и точному установлению.

Классификация юридических фактов – необходимое средство изучения правовых отношений, определения их отраслевой принадлежности. В этом качестве она широко используется в науке, на практике, в юридическом образовании. По нашему мнению, научная и практическая ценность классификации юридических фактов раскрыта еще не в полной мере. Ее дальнейшее развитие может оказаться полезным для решения разнообразных

задач правоправедения, в том числе для социологических исследований в юридической науке.

Науке известны различные виды классификации. Существуют распространенные классификации, когда исходный класс объектов последовательно подразделяется на виды и подвиды по различным основаниям. Примером распространенной классификации является систематика животных и растений. Есть такие классификации, в соответствии с которыми исходный класс объектов делится по независимым, не связанным в строгую систему, основаниям. В результате получается несколько "рядом расположенных" классификаций (соделений), раскрывающих с различных сторон структуру понятия (класса объектов) <4>.

Следует признать, что классификация юридических фактов тяготеет к классификациям второго типа. Она выглядит именно как "набор" различных, более или менее развитых классификаций. Естественно, что в этом "наборе" могут оказаться случайные, не вполне обоснованные деления, использоваться недостаточно четкие критерии и т. п. Возникает вопрос, следует ли стремиться к созданию, хотя бы в перспективе, распространенной (типа систематики) классификации юридических фактов, охватывающей все их возможные подразделения? На наш взгляд, постановка подобной задачи не вызывается практической необходимостью. Сверхсложная классификация могла бы привести к еще большей схематизации и формализации теории юридических фактов, оторвала бы ее от практических задач совершенствования законодательства и применения права.

На настоящем этапе развития науки структура классификационного исследования юридических фактов складывается из следующих элементов.

Классификация юридических фактов по "волевому" критерию. Эта классификация, использующая несколько взаимосвязанных критериев, уже рассматривалась выше. Ее дальнейшее развитие возможно как в направлении уточнения критериев деления (например, оснований разграничения юридических поступков и результативных действий), так и в сторону дальнейшего углубления классификации. Отраслевые науки дают интересный материал (виды договоров, административных актов), который может и должен стать объектом теоретического обобщения, послужить дальнейшему распространению данной классификации.

Вспомогательные классификации юридических фактов. Это группа относительно независимых, не связанных в систему делений юридических фактов – по отраслевой принадлежности, способу установления и закрепления фактов и др. Данные классификации дают нам "разрезы" массива юридических фактов по различным признакам, имеющим как научное, так и практическое значение. Можно сказать, что они выступают в роли "прожекторов", освещающих с различных сторон юридические факты для их изучения и практического использования.

Развитие данных классификаций видится в более широком использовании социально-экономических критериев. "Поскольку... юридические факты являются фактами общественной жизни, – отмечал Н.Г. Александров, – их классификация возможна и по признаку материального содержания, т. е. по принадлежности к той или иной сфере общественных отношений" <5>. Например, возможно выделение юридических фактов, связанных с правовым регулированием транспорта, здравоохранения, бытового обслуживания и т.д. Этот подход позволит более предметно анализировать юридико-фактическую основу правового регулирования. В перспективе он может привести к формированию новых разделов и направлений теории юридических фактов, непосредственно ориентированных на решение актуальных задач коммунистического строительства.

Дихотомические классификации. Это деления по наличию или отсутствию признака. С логической точки зрения, дихотомические классификации обладают существенным недостатком – их отрицательное подразделение слишком неопределенно, требует дальнейшего раскрытия объема. Поэтому дихотомические деления рассматриваются в науке как материал для построения более совершенной классификации. Но для практических целей в области теории юридических фактов такие классификации незаменимы. Они позволяют выделить и обстоятельно проанализировать отдельные группы юридических фактов, обладающие тем или иным своеобразием (например, сроки, факты-правоотношения, судебные решения).

Не ставя своей целью рассмотрение всех перечисленных классификаций, остановимся лишь на некоторых видах юридических фактов.

2. *Юридические действия* представляют собой результат сознательной, целенаправленной деятельности людей и иных субъектов советского права в области отношений, составляющих предмет правового регулирования. Отличительная черта современного этапа развития советской юридической науки – стремление к комплексному, системному осмыслению юридически значимого действия. Существенным вкладом в решение данной проблемы явился цикл монографических исследований, проведенных В.Н. Кудрявцевым и посвященных различным сторонам поведенческой проблематики в правоведении <7>.

В правовом регулировании действия выступают в разных качествах. С одной стороны, они служат основаниями возникновения, изменения, прекращения правоотношений, наступления иных правовых последствий. С другой стороны, действия выступают в роли того материального объекта, на который воздействуют правовые отношения и ради которого осуществляется все правовое регулирование. Рассмотрение действий в качестве юридических фактов, таким образом, есть лишь один из аспектов их изучения в правоведении.

Юридическое действие – абстрактное, обобщающее понятие. Юридическим действием является и возложение штрафа на нарушителя правил дорожного движения, и заключение брака, и вынесение приговора за совершенное

преступление. Легко заметить, что все эти юридические действия – факты различного социального масштаба, разной протяженности во времени, неодинаковой социальной значимости. В научной литературе показано, что поведение человека иерархически организовано. Элементарная единица поведения – телодвижение. Из телодвижения складываются операции, из операций – действия, из действий – деятельность и т.д. Какой "размер" поведенческой единицы необходим и достаточен для того, чтобы быть юридическим фактом? В.Н. Кудрявцев, на наш взгляд, совершенно обоснованно считает, что юридическим поступком может быть и телодвижение, и операция, и комплекс операций. Это зависит от конкретной ситуации, от того, как смоделирован юридический факт в норме права <8>. Хотелось бы подчеркнуть, что степень детализированности, конкретизированности юридических фактов не может быть произвольной. Каждой отрасли права свойственна своя степень "укрупнения" при рассмотрении юридических фактов. Если в уголовно-правовых нормах не редкость юридические факты – телодвижения, то для трудового, гражданского, семейного права это в целом не характерно. В них фигурируют юридические факты – операции и комплексы операций (действия). Для административного, государственного права свойственно использование обстоятельств еще большей степени обобщения, таких, как деятельность граждан, должностных лиц, государственных органов. Гибкое применение укрупнения и детализации юридических фактов в зависимости от отрасли права, характера регулируемых отношений позволяет использовать средства юридического воздействия в широком диапазоне – от крупномасштабных правовых предписаний, охватывающих массовые процессы, до ювелирных по точности предписаний, посвященных "узким" видам общественных отношений и ситуаций.

Юридические действия – сложный и многоплановый объект классификации. Уложить в единую классификационную схему разнообразные проявления деятельности субъектов советского права далеко не просто. В научной и учебной литературе используется ряд делений правомерных юридических фактов-действий: по субъекту (действия граждан, организаций, государства); по юридической направленности (юридические акты, юридические поступки, результативные действия); по отраслевой принадлежности (материально-правовые, процессуальные); по способу совершения (лично, через представителя); по способу выражения и закрепления (молчанием, жестом, документом) и др.

Не считая необходимым подробно рассматривать классификацию правомерных юридических фактов, остановимся лишь на одном вопросе. В теории государства и права и в отраслевых науках принято подразделять правомерные действия на юридические поступки и юридические акты. Поступки, как уже отмечалось, есть поведение, с которым право связывает правовые последствия, независимо от осознания субъектом правового значения своих действий. Юридические акты, напротив, такие действия субъектов права, которые прямо нацелены на достижение определенного юридического результата. Думается, что

критерии выделения поступков и актов можно дополнить еще одним разграничительным признаком. Социальное значение первых и вторых тоже неодинаково. Если поступки по своему содержанию – "сгустки" прошлой, уже законченной деятельности, то акты представляют собой действия, "опрокинутые в будущее". Если поступки, как правило, являются поведением материально-преобразующего характера, то акты – это действия, насыщенные социальной информацией. Их назначение – упорядочить, организовать, ввести в определенные рамки предстоящую деятельность.

Существенную научную и практическую роль играет систематизация правонарушений. К числу важнейших можно отнести подразделение правонарушений: по степени общественной опасности (преступления, проступки); по субъекту (действия индивидов, организаций)*; по объекту (против общественного и государственного строя, социалистической и личной собственности, управления, личности и т.д.); по отраслям права (уголовные, административные, гражданские, трудовые и др.); по форме вины (умышленные, неосторожные); по мотиву (хулиганские, корыстные и др.).

Как и подразделение правонарушений, классификацию правонарушений вряд ли можно считать завершенной. В науке уголовного права достигнуты определенные успехи в изучении и классификации преступлений. Классификация же проступков и мер ответственности за них нуждается в совершенствовании <9>. Детальная классификация правонарушений позволит более дифференцированно подойти к этой категории юридических фактов, глубже проанализировать их систему, полнее осмыслить юридическое значение каждой разновидности правонарушений.

Известную сложность вызывает вопрос о месте в классификации юридических фактов объективно-противоправных действий (вред, причиненный недееспособным, случайное причинение вреда и т.д.) <10>. Такие действия в определенной мере сходны с юридическими событиями. Как и события, они находятся за рамками предмета правового регулирования. Право учитывает существование подобных фактов, но не может на них воздействовать. В процессе правового регулирования объективно-противоправные действия всегда опосредуются действиями других лиц. Например, за вред, причиненный недееспособным лицом, отвечают родители, опекуны, воспитательное учреждение, если не докажут отсутствия своей вины. По нашему мнению, объективно-противоправные действия занимают промежуточное положение между юридическими событиями и юридическими действиями, сочетая признаки как тех, так и других. Данное обстоятельство позволяет еще раз увидеть относительность "волевого" критерия, необходимость дальнейшего развития

* Правонарушения государств и иных субъектов международного права в данной классификации не рассматриваются.

классификации юридических фактов-действий по разнообразным социальным и юридическим признакам.

3. *Юридические факты-состояния, факты-правоотношения.* В общетеоретической и отраслевой научной литературе широко обсуждается такая специфическая разновидность юридических фактов, как состояния. Юридическими состояниями называют сложные юридические факты, характеризующиеся относительной стабильностью и длительным периодом существования, в течение которого они могут неоднократно (в сочетании с другими фактами) вызывать наступление правовых последствий. Наличие данной разновидности юридических фактов было замечено давно. "Право может изменяться не только вследствие мимолетных событий, – писал, например, Е.Н. Трубецкой, – но и под влиянием длящихся состояний" <11>. Спорным является вопрос о месте состояний в классификации юридических фактов. Одни авторы выделяют состояния в особое звено, наряду с событиями и действиями <12>; другие полагают, что факты-состояния могут быть как юридическими действиями, так и юридическими событиями <13>. Конструктивное решение данной проблемы заключается, по нашему мнению, в том, чтобы четко сформулировать критерий выделения состояний в системе юридических фактов. Этот признак – продолжительность существования фактических обстоятельств. С данной точки зрения все юридические факты могут быть разграничены на факты краткосрочного действия и факты длительного действия (состояния) <14>.

В научной литературе высказано мнение, что юридическое значение имеет не само состояние (в браке, в трудовом договоре), а юридические факты, обусловившие его возникновение <15>. Развивая данную мысль, Р.О. Халфина показала, что в ряде случаев состояние трудно отграничить от длящегося правоотношения. На этом основании высказано сомнение в целесообразности выделения состояний в классификации юридических фактов <16>.

На наш взгляд, противоречие в данном случае кажущееся. Действительно, состояния обуславливаются определенными юридическими фактами. Например, гражданство, родство – состояния, которые имеют истоком некоторые юридические факты. Но в своем дальнейшем существовании состояние как бы отрывается от своей фактической основы. Оно приобретает самостоятельность и как юридический факт входит в фактические составы различных правовых отношений. В некоторых случаях факт-состояние – это длящееся социальное обстоятельство (например, состояние здоровья). В других ситуациях состоянием может быть правовое отношение (например, членство в ЖСК). Это вовсе не дискредитирует самостоятельность фактов-состояний, так как правоотношения, по нашему мнению, тоже могут выполнять роль юридических фактов.

Высказанные положения позволяют более четко сформулировать особенности, присущие юридическим состояниям как специфической категории юридических фактов. Во-первых, состояния отражают длящиеся, стабильные характеристики общественных отношений и участников отношений. Как правило,

это и наиболее существенные в социальном и юридическом планах признаки. Вторых, состояния обладают сильным "составообразующим действием". За время своего существования они участвуют в возникновении многих правоотношений, активно формируя тем самым индивидуальный правовой статус субъектов. Третьих, разновидностью фактов-состояний является состояние в правоотношениях.

Особенности фактов-состояний должны учитываться в правовом регулировании. Юридические состояния представляют собой своеобразный каркас системы юридических фактов. Конструкция этого каркаса имеет далеко не второстепенное значение, поскольку предопределяет место иных юридических фактов в правовом регулировании. Всякие изменения модели факта-состояния затрагивают множество правовых отношений, влекут многообразные прямые и косвенные последствия для возникновения, изменения, прекращения целых массивов правовых связей, поэтому такие изменения должны производиться с максимальной осторожностью, тщательной обработкой всех возможных последствий.

Мало исследована классификация юридических фактов-состояний. В основу такой классификации, по нашему мнению, может быть положена система признаков личности, используемая в конкретно-социологических исследованиях. Это – пол, возраст, социальное происхождение, национальность, партийность, образование, культура, квалификация, стаж работы и др. <17>. Учитывая данную систему (а она отражает именно стабильные элементы в характеристике личности), юридические факты-состояния можно сгруппировать следующим образом: характеризующие общие физиологические признаки личности (пол, возраст, состояние здоровья); характеризующие наиболее общие социальные признаки личности (национальность, гражданство, местожительство); характеризующие семейно-бытовые отношения (состояние в браке, наличие детей, иждивенцев и т.п.); характеризующие трудовую деятельность и способ получения доходов (рабочий, служащий, иждивенец, учащийся и др.); характеризующие общественно-политическую деятельность (избрание в государственные органы, награждение орденами и медалями, присвоение почетных званий и др.); характеризующие отношение к правопорядку (судимость, tuneядство и т.д.).

Приведенная классификация, как нетрудно заметить, не распространяется на социалистические организации. Но очевидно, что для них тоже можно очертить круг важнейших состояний. Например, для предприятия к числу фактов-состояний относятся режим основных и оборотных фондов, режим формирования фондов поощрения, режим кредитования и др. <18>.

К юридическим состояниям примыкают факты-правоотношения. Некоторые юридические состояния являются, как отмечалось, правоотношениями, но не всякое юридическое состояние – правоотношение, равно как и не всякий факт-правоотношение может расцениваться в качестве юридического состояния.

Включение правоотношений в число юридических фактов нельзя рассматривать как парадокс, как подтверждение тезиса о том, что "право порождает право". В форме правоотношений выступают важнейшие, наиболее значимые общественные связи. Поэтому нет ничего удивительного в том, что право использует в качестве юридических фактов такой элемент реальности, как правовые отношения. Закрепление в нормах права фактов-правоотношений обусловлено также требованием социалистической законности, внутренними закономерностями правопорядка, предполагающего координированное возникновение и существование правовых связей. Наконец, надо указать на то, что факт-правоотношение обладает значительной социальной емкостью. В обобщенном, концентрированном виде он вбирает в себя широкий массив социальных фактов. В силу этого факты-правоотношения могут эффективно использоваться в правовом регулировании <19>.

Нельзя не видеть, однако, что факт-правоотношение есть производный юридический факт, вторичный по отношению к определенной группе социальных обстоятельств. Его юридическая надежность в немалой степени зависит от совершенства юридического механизма образования правоотношений. Если данный механизм не обеспечивает должного уровня законности в возникновении правоотношений, то использование такого факта повлечет перенос ошибки в новую область общественных отношений. Это обязывает проявлять осторожность в использовании фактов-правоотношений, предусматривать средства контроля в составах, включающих такие факты.

Термин "факт-правоотношение" может создать впечатление, что юридическим фактом выступает все правоотношение в целом. На самом деле это не так. Факт-правоотношение отражает правовую связь в обобщенном виде. Поэтому юридическое значение имеет, как правило, сам факт существования (или отсутствия) того или иного правоотношения. Например, для получения служебной жилплощади необходимо наличие трудовых отношений с предприятием, учреждением, организацией; для заключения брака – отсутствие другого зарегистрированного брака.

По мнению З.Д. Ивановой, юридическим фактом является не само правоотношение, а основание его возникновения, "ибо о существовании любого правоотношения можно судить лишь на основании наличия юридического факта, являющегося основанием возникновения этого правоотношения" <20>. На наш взгляд, приведенное высказывание не вполне точно. Как и в случае с юридическими состояниями, здесь необходимо разграничить юридические предпосылки правоотношения и сам факт-правоотношение, которые и с социальной, и с юридической точек зрения не тождественны. В некоторых ситуациях юридические факты, породившие правоотношение, могут утратить со временем свое юридическое значение, но правовая связь будет жить. Например, разрыв трудовых правоотношений рабочего или служащего с предприятием, учреждением, организацией не влечет, за отдельными изъятиями, прекращения

права пользования ведомственной жилплощадью, ведомственным детским учреждением и т.п. Таким образом, существование правоотношения – более емкий юридический факт, он охватывает не только наличие законного фактического основания правоотношения, но и реальное бытие правовой связи.

4. *Юридические события.* Общественная деятельность людей представляет собой переплетение закономерного и случайного. Правовое регулирование не может не отражать того обстоятельства, что в жизнь общества, в деятельность коллективов и личностей порой вторгаются факторы стихийного характера. Подобные обстоятельства учитываются, в частности, путем закрепления в законодательстве юридических фактов-событий. Юридические события самостоятельно и в сочетании с другими юридическими фактами вызывают возникновение правоотношений, влекут изменение прав и обязанностей, прекращают правовые отношения.

В учебной и научной литературе юридические события нередко определяют как обстоятельства, наступление которых не зависит от воли и сознания человека <21>. Представляется, что подобное понимание не вполне точно отражает существо юридических фактов-событий.

Во-первых, многие события в своем зарождении могут зависеть от воли человека (рождение человека, наводнение, пожар и т.п.), но в своем дальнейшем развитии они выходят из-под его контроля. Такого рода обстоятельства О.А. Красавчиков предложил называть "относительными событиями" <22>.

Во-вторых, развитие науки и техники увеличивает возможности человека в воздействии на процессы и явления природы. То, что сегодня не зависит от воли и сознания (ливни, лавины, землетрясения), завтра может стать управляемым процессом. Область явлений, не зависящих от воли и сознания человека, не остается неизменной; соответственно сокращается и область событий.

В-третьих, право нередко придает значение самому материальному факту, отвлекаясь от связанных с ним субъективных моментов. "Многие правомерные действия людей, – отмечал, например, Н.М. Коркунов, – юридически рассматриваются совершенно так же, как и события, так, что внутренняя сторона их не имеет никакого значения" <23>.

В-четвертых, как уже говорилось, сложный юридический факт объединяет в своем содержании элементы объективного и субъективного характера. Подобного рода фактические обстоятельства трудно отнести и к событиям, и к действиям.

Разграничение юридических действий и событий – не такое простое и очевидное дело. Какого же рода фактические обстоятельства можно считать юридическими событиями? Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к рассмотрению сущности события. С философской точки зрения, событие есть прежде всего случайное явление. "Случайность..., – пишет А.П. Шептулин, – возникает в моментах пересечения необходимых причинно-следственных рядов, где как раз и образуются новые причины, включаются во взаимодействие новые элементы" <24>. Данное положение применимо и к событиям как юридическим

фактам. Юридически значимое событие имеет место лишь в тех случаях, когда "пересекаются" независимые причинно обусловленные процессы (деятельность человека, развитие природного явления). Независимость событий от воли человека, таким образом, признак не главный, производный.

Рассмотрим для иллюстрации такой юридический факт, как наводнение. Само по себе наводнение – закономерный результат цепи природных процессов. В этом заключается одна из независимых "линий причинности" в рассматриваемом явлении. Но наводнение никогда не станет юридическим фактом, если не будет "пересечения" данной линии причинности с другой – процессом человеческой деятельности. В том случае, если наводнение помешало, например, обвиняемому явиться по вызову следователя (ст. 146 УПК РСФСР), оно приобретает значение юридического факта. Следовательно, событие выступает как сложный по структуре юридический факт, включающий элементы закономерного и случайного, объективного и субъективного. В составе этого факта можно выделить признаки, относящиеся к одной причинной цепи (наводнению) и к другой (деятельности следователя). Таким образом, вывод о том, что событие представляет собой, пересечение независимых причинных цепей, не лишен известного практического значения. Он позволяет понять структуру факта-события, что важно для нормативного закрепления фактов-событий и для их установления в правоприменительном процессе.

Юридические факты-события можно классифицировать по различным основаниям: по происхождению – природные (стихийные) и зависящие в своем происхождении от человека; в зависимости от повторяемости события – уникальные и повторяющиеся (периодические); по протяженности во времени – моментальные (происшествия) и протяженные во времени (явления, процессы); по количеству участников – персональные, коллективные, массовые; с определенным и с неопределенным количеством участвующих лиц; по характеру наступивших последствий – обратимые, необратимые и др.*.

5. *Иные виды юридических фактов.* Одним из элементов классификационного исследования юридических фактов, как уже отмечалось, являются классификации по наличию или отсутствию признака – дихотомические деления. Эти деления позволяют выбрать из массива фактических обстоятельств специфические группы юридических фактов, рассмотреть их юридические особенности и своеобразие функционирования. Количество дихотомических делений неограниченно, ибо они могут создаваться по многим признакам. Рассмотрим некоторые из них.

* Сходная классификация событий дается в исторической науке. "В зависимости от времени, на протяжении которого событие длится, – пишет, например, М.А. Барг, – различают: события моментальные (происшествия), события, циклически повторяющиеся (периодические) и события большей или меньшей длительности во времени (явления, процессы)". (Исторический факт: структура, форма, содержание. – История СССР, 1976, № 6, с. 58).

По признаку их документального закрепления юридические факты могут быть подразделены на *оформленные и неоформленные*. Большинство юридических фактов существует в оформленном, зафиксированном виде. Вместе с тем определенные фактические обстоятельства могут быть не оформлены, например устная сделка между гражданами, отказ от осуществления права. Неоформленными могут быть и юридические события: рождение, смерть человека, изменение в состоянии здоровья. Подобные юридические факты можно называть латентными, скрытыми. В латентном виде существует определенная часть фактов-правонарушений.

Значительная часть фактических обстоятельств имеет юридическое значение только в оформленном, зафиксированном виде. Например, такой юридический факт, как судимость, не может приниматься во внимание, если отсутствует ее документальное подтверждение; юридически значим лишь зарегистрированный брак. Использование при принятии решений надежно зафиксированных, облеченных в законную форму фактических обстоятельств – не формализм, а требование социалистической законности, обуславливающее высокую надежность правового регулирования, стабильность возникающих правовых отношений.

Разграничение оформленных и неоформленных юридических фактов важно еще и потому, что многие фактические обстоятельства известную часть своей "жизни" существуют в незафиксированном виде. Например, трудовое правоотношение может оформляться впоследствии, после фактического допуска к работе, трудовой стаж может устанавливаться при возникновении в этом надобности. Длительный разрыв между социальным фактом и его юридическим закреплением, как правило, представляет собой негативное явление, которое способно отрицательно отразиться на правовых отношениях, причинить ущерб социалистическому правопорядку.

По признаку определенности нормативной модели юридические факты можно подразделить на *определенные и относительно-определенные*. К первой группе относятся юридические факты, исчерпывающе очерченные в норме права и не требующие какой-либо конкретизации правоприменительными органами. В их числе такие, например, фактические обстоятельства, как возраст, наличие трудовых отношений, гражданство, семейное положение и т.п. Вторую группу составляют фактические обстоятельства, которые конкретизируются компетентным органом в процессе применения нормы права. Различают несколько видов конкретизации и соответственно несколько разновидностей относительно-определенных фактов. Они подробно рассматриваются в гл. IV.

К относительно-определенным фактам примыкают фактические обстоятельства, получившие юридическое значение в порядке обратной силы закона. Обратное действие нормативного акта предполагает распространение его на отношения, возникшие до вступления этого акта в силу. Получается, что некоторые фактические обстоятельства приобретают юридическое значение (либо

иную юридическую оценку) не в момент своего возникновения, а позже, в связи с принятием нормативного акта, признавшего за ними качество юридических фактов. Образно говоря, происходит "переоценивание" фактического обстоятельства: из социального факта оно превращается в юридический. Следует, однако, подчеркнуть, что такой переоценке могут быть подвергнуты лишь надлежаще оформленные и зафиксированные в свое время фактические обстоятельства. Если социальное обстоятельство не регистрировалось, то придание юридического значения подобной категории фактов может повлечь ущемление законных прав и интересов субъектов советского права.

В теории управления информация, поступающая в государственный орган, подразделяется на первичную и производную (сводную, обобщенную). Юридические факты, как представляется, тоже бывают *первичные и производные*. В основе этого деления лежит содержание юридических фактов и их взаимоотношение между собой. В правовом регулировании нередко используются фактические обстоятельства, которые как бы надстраиваются над первичными юридическими фактами, представляют их обобщенное, систематизированное выражение. В качестве примера производного факта можно привести нуждаемость в жилье – необходимое условие для постановки на учет и получения жилой площади. Факт нуждаемости обобщает значительное число других, более конкретных фактических обстоятельств (состав семьи, отсутствие другой благоустроенной жилплощади и др.) <25>.

Закрепление в законодательстве производных юридических фактов – признак высокого уровня развития отрасли, правового института. Юридические обобщения вызревают постепенно, как результат исторического развития законодательства и правоприменительной практики. Их использование расширяет возможности правового регулирования, позволяет оперативно менять его диапазон – переходить от узкого круга ситуаций к широким предписаниям, охватывающим значительное число случаев. Производные юридические факты повышают системность правового регулирования, так как с их помощью можно координировать возникновение правоотношений. Но у них есть и отрицательная сторона. Производный юридический факт может "оторваться" от породивших его первоначальных юридических фактов, войти в противоречие с ними. Для того чтобы этого не случилось, содержание производных юридических фактов должно быть отчетливо "расшифровано" в нормах права. Например, закон не оставляет никаких сомнений относительно того, какие юридические факты охватываются понятием "обстоятельства, исключающие производство по уголовному делу" (ст. 5 УПК РСФСР). Из содержания нормы права должно быть видно, кто устанавливает и оформляет фактическое обстоятельство обобщающего характера и несет ответственность за его подлинность. Должен существовать, наконец, механизм контроля производных юридических фактов, позволяющий признавать недействительными факты, утратившие свое содержание. Таким механизмом

является, например, ежегодная перерегистрация лиц, состоящих на учете для получения жилья.

Разновидность производных юридических фактов – *расчетные* юридические факты. Это фактические показатели, коэффициенты, индексы, рассчитываемые на основе некоторых первичных фактических обстоятельств и служащие основанием для возникновения права на вознаграждение, премию, надбавку или скидку и т.п. Значительное распространение формализованных расчетов в системах заработной платы, поощрения и стимулирования заставляет обратить внимание на эту категорию юридических фактов.

Расчетные юридические факты, во-первых, должны быть юридически надежными, что зависит, с одной стороны, от качества исходной информации, а с другой стороны, от принятой методики расчета. В литературе отмечались, например, недостатки правового механизма оценки эффективности новой техники. Расчетные юридические факты здесь основываются на экономии, полученной от внедрения техники, которая нередко завышается или вообще определяется произвольно, по соглашению заинтересованных лиц <26>.

Расчетные юридические факты, во-вторых, должны быть увязаны с конечными результатами деятельности, ориентированы на них. Например, в оплате труда инспекторов охотнадзора принята система стимулирования в проценте от взысканных сумм штрафов. Чем больше штрафов взыщет инспектор, тем большая премия ему за это полагается. Как справедливо писалось в печати, подобная система стимулирования заинтересовывает не в сокращении, а в увеличении числа правонарушений, не способствует охране природы <27>.

6. Рассмотренные деления ни в коей мере не исчерпывают всех известных классификаций юридических фактов (в общетеоретической и отраслевой литературе приводится немало иных делений) <28>. Тем не менее они позволяют сделать определенные выводы о перспективах классификационного исследования юридических фактов. К нему предъявляются общие требования научной классификации (деления понятий), подробно разработанные в логике. Классификация юридических фактов, как всякая классификация, должна вестись по существенным признакам, строиться на едином основании, быть соразмерной и непрерывной; члены полученного деления не должны исключать друг друга и т.п. <29>. В дополнение к перечисленным принципам можно сформулировать несколько специфических принципов классификации юридических фактов.

Разнообразие критериев классификации. Науке и практике необходимы самые разнообразные классификации юридических фактов. Только при таком подходе можно раскрыть структуру массива юридических фактов, показать особенности тех или иных их разновидностей. Как было подчеркнуто выше, особое значение имеет классификация юридических фактов по социально-экономическим признакам.

Ограниченность "волевого" критерия. Деление по "волевому" критерию – наиболее развитая классификация юридических фактов, имеющая немало

научное и практическое значение. Однако этот критерий, как представляется, не может раскрыть всех особенностей и проявлений юридических фактов. Отсюда бесперспективны попытки свести в систему все классификации юридических фактов на основе данного деления. Модель классификационного исследования юридических фактов должна сочетать деление по "волевому" критерию с иными классификациями.

Учет единства объективного и субъективного в факте. Многие факты сочетают в своем содержании элементы объективного и субъективного характера. Например, сложные юридические факты в большинстве своем не являются ни "чистыми" действиями, ни "чистыми" событиями, они объединяют элементы того и другого. Это затрудняет точное определение места факта в классификационной схеме.

Связь с ситуацией. Юридические факты необходимо рассматривать в контексте ситуации, внутри которой они "выросли и сформировались". При этом обнаруживается, что юридический факт – не изолированное явление, а элемент более широкой фактической системы, в которой выделяются факты главные и подчиненные, первичные и производные, юридические условия и т.п. Положение факта в этой фактической системе так или иначе отражается на его месте в научной классификации.

Классификацию юридических фактов нельзя абсолютизировать – она не единственное и не исключительное средство познания. Вместе с тем при надлежащем использовании она способна быть эффективным средством научного анализа, помогать проникновению в существо юридически значимых фактов.

Глава III. Юридические факты в системе правового регулирования

Понятие правового регулирования и связанные с ним категории имеют методологическое значение для теории юридических фактов. Под правовым регулированием мы понимаем воздействие права на общественные отношения, осуществляемое через систему правовых средств – норм права, правоотношений, юридических фактов и др. Для того чтобы раскрыть роль юридических фактов в системе правового регулирования, рассмотрим их с точки зрения предмета, метода и механизма правового регулирования, покажем связь юридических фактов с другим элементом этой системы – правовыми отношениями.

1. Юридические факты – это конкретные жизненные обстоятельства, явления социальной действительности, порожденные существующей системой общественных отношений. *Предмет правового регулирования* образуют общественные отношения, затрагивающие коренные, наиболее важные интересы общества, государства, коллективов и личности и объективно поддающиеся правовому нормированию <1>. Нельзя не заметить, что предмет правового регулирования и юридические факты имеют общий источник – социальную действительность.

По мере развития социалистического общества предмет правового регулирования не остается неизменным. Одни отношения исчезают из жизни, другие, напротив, зарождаются, зреют, получают более полное правовое оформление. "Развитие общественной жизни, – отмечает В.В. Лазарев, – вносит постоянные коррективы в вопрос о фактической принадлежности соответствующих явлений к правовой сфере. Сами они настолько многообразны, что практически всегда затруднительно охватить их даже посредством общих правил" <2>.

В научной литературе отмечается свойственная социалистической правовой системе тенденция к расширению предмета правового регулирования <3>. Расширение происходит как за счет отношений, которые ранее не регулировались правом, так и (главным образом) за счет более точной и тонкой регламентации уже сложившихся отношений. Таким образом, происходит качественное изменение предмета правового регулирования, право начинает регулировать все более сложные явления социальной жизни.

Какова структура предмета правового регулирования, из каких элементов он складывается? Многие ученые исходят из того, что исходным, первичным элементом предмета правового регулирования является общественное отношение <4>. Это – верное положение, однако, нельзя не видеть, что в социалистическом обществе право все чаще регулирует сложные комплексы отношений.

Расширяются масштабы влияния права на экономические, демографические, миграционные процессы <5>. На современном этапе, как справедливо подчеркнул А.Б. Венгеров, "в качестве объектов законодательного воздействия выступают целевые комплексные научно-технические программы, ориентированные на получение конечных результатов" <6>. Все это заставляет вернуться к вопросу о структуре предмета правового регулирования.

Предмет правового регулирования многообразен, как многообразна сама социальная жизнь. Его можно рассматривать в различных аспектах – юридическом, социологическом, управленческом и др. В интересующей нас управленческой плоскости предмет правового регулирования включает следующие элементы: 1) социальные ситуации; 2) комплексы (крупные стройки, целевые программы); 3) социальные процессы.

Первичным элементом предмета правового регулирования в данном разрезе выступает, по нашему мнению, социальная ситуация. С этой точки зрения правовое регулирование предстает как разрешение конкретных социальных ситуаций (бесконфликтных и конфликтных, правомерных и противоправных и др.). Слово "разрешение" понимается здесь в предельно широком смысле, как любое упорядочение социальной ситуации, переводящее ее из неурегулированного состояния в упорядоченное, урегулированное (защита права, понуждение к исполнению обязанности, разрешение конфликта, наказание правонарушителя, предотвращение конфликта и т.п.)^{*}.

Ситуация, комплекс, процесс – различные элементы предмета социального управления и правового регулирования, но они органично взаимосвязаны. Что представляло собой в этом аспекте, например, освоение целины? Крупную социальную программу (т.е. комплекс) или социальный процесс? По-видимому, и то, и другое одновременно. Освоение целины было крупномасштабным социальным явлением, сознательно управляемым партией и государством, в том числе и с использованием правовых средств. Отсюда видно, что между комплексом и процессом нет непроходимой стены. Комплекс может перерасти в социальный процесс, процесс – распасться на комплексы. То же самое можно сказать и о социальных ситуациях. Система социальных ситуаций может перерасти в более крупный элемент социального управления и правового регулирования – комплекс. Объединение и переплетение крупного массива ситуаций образует в конечном итоге социальный процесс. Три разновидности элементов предмета правового регулирования (ситуации, комплексы, процессы), таким образом, тесно взаимосвязаны, но изначально, первичным элементом выступает все же социальная ситуация.

^{*} Интересную попытку ситуационного подхода к процессу управления предпринял Й. Кхол (см.: Кхол Й. Эффективность управленческих решений. М., 1975). Он считает управленческую ситуацию единицей исследования процесса управления, разграничивает теоретическое и практическое решение ситуации (с. 41, 45 – 46).

Как соотносятся социальная ситуация и общественное отношение? Социальная ситуация может совпадать с отношением (например, в случаях дарения, мены), может включать в себя комплекс отношений (например, устройство на работу, усыновление). Но их соотношение нельзя рассматривать только в плоскости "часть и целое". Такие ситуации, как стихийное бедствие, несчастный случай, не являются, по нашему мнению, общественными отношениями. Отношения возникают в результате появления данных ситуаций, в связи с урегулированием их последствий.

Анализ ситуации, ситуационный подход – одновременно и древнее, и молодое явление в науке. Исследование простых объектов материального мира, фрагментов, ситуаций и т.п. свойственно раннему, "элементаристскому" (по выражению И.В. Блауберга и Э.Г. Юдина) этапу ее развития <7>. Отличительная черта этого этапа – механицизм, попытки расчленить сложные объекты на простые части, свести зависимости между элементами сложных систем к связям механического типа. Отсюда – стремление рассматривать общество, государство, человека как "машины", биологизация социальных явлений, физикализм в биологии и т.п. Не избежала своего "механического" этапа и юридическая наука. В ее истории он представлен различными течениями правового позитивизма, юридическим мировоззрением, поглощенным анализом отдельных предписаний, толкованием вырванных из социального контекста понятий, юридической казуистикой.

Но наука диалектична. На новом витке своего развития она как бы возвращается к пройденному этапу, открывает его заново. Произошло так и с ситуационным подходом. В теории управления он рассматривается как одно из новых направлений <8>. Это обязывает со всей серьезностью отнестись к ситуационному подходу и в юридической науке.

Что такое социальная ситуация? Каковы ее элементы, виды? Попробуем ответить на эти вопросы – в том объеме, в каком необходимо для теории юридических фактов. Понятие "социальная ситуация" в одном из своих значений – любой произвольно взятый фрагмент существования человека, коллектива, общества. Каждая минута, каждая секунда социального существования может рассматриваться как ситуация, поскольку они наполнены социальным содержанием. Понятию "социальная ситуация" можно придать и другой, более узкий смысл. Ее можно рассматривать как ограниченный в пространстве и времени качественно определенный фрагмент существования социального субъекта. С этой точки зрения далеко не каждая минута и секунда образуют новую ситуацию. Ситуация в этом смысле – "узел" общественных отношений, относительно компактное и цельное "зерно" в процессе развития.

Социальные ситуации чрезвычайно многообразны. Они возникают и прекращаются, усложняются и упрощаются, трансформируются одна в другую и т.д. В известном смысле жизнь социального субъекта – непрерывная цепь различных ситуаций, в которые он попадает случайно либо которые создает по

собственной воле, а жизнь общества – гигантский массив ситуаций, образованный взаимным сплетением тысяч и тысяч индивидуальных "ситуационных нитей". По нашему мнению, можно выделить следующие признаки социальной ситуации:

социальная ситуация характеризуется известной пространственно-временной локализацией и тем самым отличается от социального процесса, который обычно растянут в пространстве и времени;

ситуация – относительно целостное, единое по содержанию явление, образующее завершенную частичку социальной жизни; нельзя считать ситуацией сосуществующие, но никоим образом не связанные явления;

для социальной ситуации характерна относительная стабильность состава участников – социальных субъектов, прямо или косвенно связанных с ее созданием либо изменением (в том числе и разрешением);

возникновение ситуации вызывает "прерыв постепенности" в развитии общественных отношений; ее разрешение накладывает отпечаток, иногда очень значительный, на все последующее развитие.

Основываясь на перечисленных признаках, можно сформулировать следующее определение: *социальная ситуация* – это локализованный в пространстве и времени фрагмент социальной жизни, характеризующийся качественной определенностью своего содержания и относительно стабильным составом участников.

Применительно к каждой ситуации можно разграничить механизм образования ситуации и механизм ее разрешения. Механизм образования ситуации есть комплекс причин, условий и поводов, сделавший возможным ее возникновение и существование. Некоторые соображения о структуре этого комплекса уже были высказаны в гл. I в связи с рассмотрением вопроса о причинной обусловленности юридических фактов. Механизм разрешения ситуации охватывает комплекс средств, обеспечивающих в конечном итоге ее урегулирование. Этот комплекс может включать действия самих участников ситуации, деятельность внешних по отношению к данной ситуации институтов (например, правоохранительных органов) и др.

К числу юридически значимых, социально-юридических, относятся социальные ситуации, урегулируемые с помощью юридических средств – норм права, правоотношений, актов применения, государственного принуждения и др. – или объективно требующие такого урегулирования. Эти ситуации неизбежно затрагивают общественные ценности и блага, охраняемые законом.

Нормативное правовое регулирование социально-юридических ситуаций предполагает их типизацию, обобщение. Понятна поэтому важность классификации этих ситуаций. Они могут классифицироваться по социальному содержанию (бесконфликтные, конфликтные); составу субъектов; характеру затрагиваемых ценностей (имущественные, организационные, личные и др.); области социальных отношений, в которой они возникли; отрасли права, которая регулирует разрешение данной ситуации; механизму разрешения и иным

признакам. Ряд классификаций может быть заимствован из науки управления <9>. Совершенствование правотворческой и правоприменительной практики, развитие научных юридических исследований требуют, вероятно, более детальной классификации социально-юридических ситуаций.

Ситуационный подход получил заметное развитие в буржуазном правоведении, став одним из наиболее популярных направлений. Некоторые буржуазные теоретики полагают, что не право служит разрешению ситуаций, а, наоборот, ситуация порождает право. "Центр тяжести, – пишет, в частности, Г. Кон, – находится в конкретной ситуации. В ней смысл и право. Именно она придает закону и другим источникам права значимость и само существование. Это она притягивает их к себе и, наоборот, оставляет бездеятельными, поскольку не нуждается в них" <10>. Значительное развитие в буржуазной науке получила теория конфликтных ситуаций <11>.

Ситуационный подход сочетается с прагматистскими воззрениями многих буржуазных ученых, согласно которым не столь важно соблюсти закон, сколь "правильно" разрешить конкретную ситуацию. С этой точки зрения вносятся предложения о пересмотре правовых понятий, замене их более совершенным "ситуационным" понятийным аппаратом. Так, по мнению профессора Роттердамского университета Л. Хулсмана, "целесообразно отказаться от слова "преступление" и заменить его выражением "конфликтная ситуация" <12>. Ситуационный подход в буржуазном правоведении может служить ярким примером того, как новейшие понятия и методы, применяемые вне прочной методологической основы, в конечном итоге заводят исследователя в тупик. "Многие буржуазные правоведы... – пишет В.К. Забигаило, – призывают изменить взгляд на право, предлагают рассматривать его не только как совокупность отдельных норм для разрешения конкретных казусов, но и как цельную систему – составную часть социальной системы, зависимую от общества и оказывающую на него целенаправленное воздействие" <13>. Подход к праву как к влиятельной силе воздействия на ход социального развития провозглашается чуть ли не последним достижением научной мысли, однако хорошо известно, что основоположники марксизма-ленинизма, анализируя сущность права, закономерности его функционирования и развития, с очевидностью доказали относительную самостоятельность права как фактора социального развития.

Говоря о значении и перспективах ситуационного подхода, необходимо предостеречь против неоправданного энтузиазма, переоценки его возможностей. Анализ ситуаций не отменяет существующих направлений научных исследований. Понятийный аппарат ситуационного подхода не может заменить сложившуюся в советской юридической науке систему понятий. Следует точно определить отрасли науки, проблемы, в которых ситуационный подход применим и может принести позитивный результат.

Понятия "ситуация", "жизненная ситуация" широко используются в советской криминологии. Под жизненной ситуацией в ней понимается

"определенное сочетание объективных обстоятельств жизни человека, непосредственно влияющих на его поведение в данный момент" <14>. Ситуация в криминологическом смысле отграничивается, с одной стороны, от свойств личности правонарушителя, а с другой – от его поступка, поведения в данной ситуации. Это дает возможность оценить соотношение объективных и субъективных, долгосрочных и ситуационных факторов, породивших в совокупности неправомерный поступок <15>.

Понятие "ситуация" (проблемная ситуация) в известных рамках может быть использовано для определения объекта законодательной политики. В конечном итоге назначение законодательства и юридической науки заключается в том, чтобы своевременно предвидеть и способствовать разрешению проблем (проблемных ситуаций), возникающих в общественной жизни. Однако следует сознавать, что понятие "ситуация" здесь используется в ином, социально-философском, смысле <16>.

Другая область, где может быть с успехом применен ситуационный подход, – наука процессуального права. Социальная ценность юридического процесса заключается прежде всего в том, что он представляет собой исторически сложившийся высокоорганизованный способ разрешения конфликтных ситуаций. Совершенствование социалистических общественных отношений немислимо без высокой культуры разрешения конфликтов, возникающих в общественной жизни. Кроме этого, процесс представляет собой форму, посредством которой органы социалистического государства разрешают неконфликтные (например, организационно-управленческие) ситуации. При ситуационном подходе многие понятия науки процессуального права могут получить новую, плодотворную интерпретацию*.

Наиболее широкое применение ситуационный подход нашел в криминалистике и судебной экспертизе. Советскими учеными дано понятие следственной ситуации, изучена ее структура, показана динамика в процессе расследования преступления <17>. Высказан ряд интересных соображений об использовании ситуационных методов при проведении экспертиз, а также о ситуационной экспертизе как самостоятельном виде судебной экспертизы <18>. Понятия "ситуация", "социальная ситуация" могут быть использованы при решении ряда проблем в теории государства и права, политической науке, административном, трудовом, международном праве и др. <19>.

Подход к правовому регулированию как разрешению социальных ситуаций может дать позитивные результаты в одном из, казалось бы, традиционных

* Например, категория юридического спора. И.М. Зайцев обоснованно подчеркивает конфликтную природу правового спора, показывает значение процесса как средства разрешения конфликта (см.: Зайцев И.М. Хозяйственный спор и арбитражный процесс. Вопросы теории. Саратов, 1982, с. 6 – 17).

разделов науки – теории юридических фактов. Существует несколько точек соприкосновения ситуационного подхода и проблематики юридических фактов.

Первая. Анализ ситуаций позволяет полнее понять существо юридических фактов, их социальный источник. Ведь юридические факты – это элементы (фрагменты) социальной ситуации. Возьмем, например, ситуацию безвестного отсутствия. В социальном плане она характеризуется целым рядом признаков – прерываются семейные, родственные связи, остается имущество и т.п. Законодательство, однако, закрепляет лишь два юридических факта, необходимых и достаточных для "идентификации" данной ситуации, – отсутствие сведений о месте пребывания гражданина и срок – один год (ст. 18 ГК РСФСР). Таким образом, в качестве юридических фактов выступают не всякие, а ключевые элементы ситуации, фиксирующие главное в ее социальном содержании.

Вторая. Понятие "ситуация" позволяет определить место юридических фактов в системе правового регулирования. В этом плане функция юридических фактов заключается в том, чтобы зафиксировать юридически значимую ситуацию. "Хотя большинство юридических фактов в государственном праве представлено юридическими актами, – справедливо указывает Т.А. Синцова, – следует отметить, что основанием к их принятию является обычно определенная ситуация в сфере материальной жизни общества" <20>. Появление юридических фактов сигнализирует, что юридически значимая ситуация налицо. Этот сигнал как бы "включает" правовую программу, заложенную в норме права, приводит в действие весь юридический механизм.

Третья. Ситуационный подход дает возможность найти единый контекст для рассмотрения юридических фактов и правовых последствий. В этом плане юридические факты и действия субъектов "внутри" правоотношения – не разрозненные явления, а звенья единой развивающейся социально-юридической ситуации, элементы ее урегулирования.

Четвертая. Данный подход позволяет точнее обрисовать задачу правоприменительных органов. Эта задача заключается не просто в том, чтобы зафиксировать наличие юридических фактов, а в том, чтобы установить регулируемую законом социальную ситуацию и разрешить ее.

Ситуационный подход может оказаться полезным при формализации юридических норм, в осуществлении автоматизированного поиска правовой информации, ибо социальная ситуация в конечном счете более точный ориентир, чем юридические факты, выбор которых не всегда адекватен содержанию регулируемых отношений. Несколько предваряя дальнейшее изложение, можно сделать вывод, что ситуационный подход – перспективное направление в решении многих проблем теории юридических фактов.

2. Отражая возникновение социальной ситуации в сфере правового регулирования, юридические факты выступают одним из элементов *юридического метода*. Под методом правового регулирования (юридическим, общеправовым методом) в литературе понимается совокупность приемов и способов воздействия

права на социалистические общественные отношения <21>. Эти приемы и способы чрезвычайно многообразны. Не касаясь всех аспектов юридического метода, рассмотрим его элементы, связанные с определением социальных ситуаций, входящих в предмет правового регулирования.

Право фиксирует социальную ситуацию путем указания на круг субъектов – участников правовых отношений. "Наделение лиц правосубъектностью, – справедливо отмечал С.Ф. Курылев, – представляет собой ступень в процессе правового регулирования" <22>. Осуществляя субъектную дифференциацию, наделяя участников правовых отношений неодинаковой правосубъектностью, право тем самым определяет рамки их возможного поведения, в общем виде устанавливает возможность их участия в тех или иных юридически значимых ситуациях <23>. Это – первый элемент юридического метода.

Второй элемент – определение объектов правоотношений. Дифференцируя правовой режим объектов (например, территорий, объектов государственной собственности), право тем самым устанавливает пределы для их функционирования в правовых отношениях. Этим достигается упорядочение общественных отношений, исключается возникновение некоторых категорий правовых отношений (например, купли – продажи земельных участков и других предметов, изъятых из гражданского оборота).

Третий элемент метода – закрепление юридических фактов. Устанавливая круг субъектов и допустимые объекты правоотношений, право лишь самым общим образом определяет место социально – юридической ситуации в системе общественных отношений, дает ее "предварительные координаты". В отличие от этого юридические факты представляют собой круг обстоятельств, непосредственно связанных с данной ситуацией, отражающих специфические условия ее возникновения. Закрепление в нормах права юридических фактов позволяет предельно точно зафиксировать социально-юридическую ситуацию, приблизить правовое регулирование к жизни. Три рассмотренных элемента метода можно сравнить с координатной системой, где первых два направления обеспечивают "грубую" настройку, а третье – точное определение участка воздействия.

Содержание метода правового регулирования, естественно, не исчерпывается определением социальной ситуации, он должен дать в какой-то форме модель ее преобразования (урегулирования, разрешения), т.е. определить поведение участников данной ситуации. В ходе дискуссии о юридических нормах, развернувшейся в начале 60-х годов, было подчеркнуто то обстоятельство, что поведение людей может определяться различными способами, в том числе указанием на цели и задачи деятельности <24>. Действительно, модель поведения субъектов может быть очерчена путем описания действий, операций, установления целей и задач деятельности, определения общих требований к процессу деятельности и к ее результату (стандартизация) и др. Право использует здесь различные приемы, которые зависят, с одной стороны, от характера

регулируемых отношений, а с другой – от исторически сложившегося подхода к их регулированию. Но в конечном итоге в этом следует согласиться с И.С. Самощенко: любая модель поведения воплощается в комплексе прав и обязанностей <25>. Именно указание на права и обязанности составляет ту часть метода правового регулирования, которая представляет собой модель преобразования социальной ситуации.

Каковы перспективы подхода к юридическим фактам как элементу метода правового регулирования? Что дает или может дать этот подход? Прежде всего он позволяет увидеть различие отраслевых методов правового регулирования. Например, для гражданского права характерны относительно развитое регулирование отношений "по субъекту", значительный удельный вес регулирования "по объекту" (правовой режим отдельных форм собственности, определение предмета обязательств и т.д.), а также достаточно детализированная система юридических фактов. В административном праве картина выглядит иначе. В этой отрасли дифференцированное регулирование "по субъекту" в известной степени заменяет иные направления регулирования. Отличительная черта уголовного права – развитое регулирование "по объекту" и предельно детализированная система юридических фактов. Как подчеркнули В.П. Божьев и Е.А. Фролов, применительно к уголовно-правовым отношениям "решающее значение имеет объект правоотношения, так как он определяет не только сферу фактических отношений, для воздействия на которую возникают соответствующие правоотношения, но и цель, смысл их существования" <26>. Определенное структурное своеобразие имеют методы и в других отраслях советского права. Сопоставление отраслевых методов позволяет увидеть, что между элементами метода существуют не только взаимодействие, но и известное "разделение труда". Более детализированное определение субъектов или объектов правовых отношений в нормах права позволяет снять часть "нагрузки" с системы юридических фактов. Это необходимо учитывать при совершенствовании структуры регулирования в отраслях права, при разработке нормативных актов, в процессе кодификации законодательства.

Перспективная черта данного подхода – возможность его социологической интерпретации. Структура правового регулирования здесь непосредственно связывается со структурой общественных отношений, элементами юридически значимых ситуаций. Это открывает возможность социологической проверки тех или иных положений теории, способствует выявлению новых закономерностей правового регулирования. Данный подход неплохо "стыкуется" с поведенческим направлением в теории государства и права, допускает применение логико-математических методов и т.д. Следует помнить, однако, что главная цель этого подхода в теории юридических фактов – выявление роли и значения юридических фактов как элемента метода, всестороннее раскрытие их возможностей в правовом регулировании социалистических общественных отношений.

3. Один из аспектов проблемы юридических фактов связан с понятием *механизма правового регулирования*. Под последним в научной литературе понимается совокупность юридических средств, с помощью которых осуществляется правовое регулирование. К числу элементов этого механизма относят юридические нормы, субъективные права и обязанности (правоотношения), акты применения права, акты реализации прав и обязанностей <27>.

Являются ли юридические факты элементом механизма правового регулирования? В научной литературе мы находим различный ответ на этот вопрос. Некоторые ученые полагают, что значение юридических фактов сводится к тому, чтобы обеспечить переход от одной стадии правового регулирования (регламентации общественных отношений) к другой стадии (правоотношению), и что они не образуют по этой причине самостоятельного элемента в механизме правового регулирования. "Сам по себе юридический факт, – пишет, например, Ю.И. Гревцов, – является жизненным обстоятельством, с которым норма права связывает возникновение, изменение или прекращение правоотношения. Следовательно, юридический факт – необходимая предпосылка правового отношения и не больше" <28>. В противовес этому существует мнение, что юридические факты выполняют в механизме правового регулирования ряд самостоятельных задач и являются его элементом. "Понимание юридических фактов лишь как предпосылки движения правоотношения, – считает С.И. Реутов, – обедняет их подлинное значение – важнейшей составной части механизма правового регулирования" <29>.

Юридические факты, по нашему мнению, представляют собой самостоятельный элемент в механизме правового регулирования. Этот вывод основывается, во-первых, на характере связей юридических фактов с другими элементами правового механизма. Правильное закрепление юридических фактов в гипотезах юридических норм – одна из задач, стоящих перед правотворческими органами при разработке нормативно-правовых актов. Полное, точное и достоверное установление юридических фактов – необходимая предпосылка для применения правовых норм. Юридические факты, следовательно, связаны не только с правоотношениями, но и с иными элементами механизма правового регулирования. Во-вторых, роль юридических фактов, как будет показано ниже, не исчерпывается образованием, изменением, прекращением правоотношений. Сказанное свидетельствует об относительной самостоятельности юридических фактов, заставляет признать их самостоятельным элементом в механизме юридического действия права.

Каковы функции юридических фактов?

В общественных науках понятие "функция" употребляется в различных значениях. В наиболее общем виде ее определяют как "воздействие друг на друга элементов целостной системы, а также ее взаимодействие с другими системами (вещами), обеспечивающее ее устойчивое существование" <30>. Понятие

"функция", таким образом, позволяет исследовать взаимодействие различных элементов внутри более сложного образования, рассматриваемого как система, выявить задачи, которые осуществляет каждый элемент по отношению к иным элементам и к системе в целом.

Функциональный (структурно-функциональный) подход широко используется в советской юридической науке. Наиболее развито исследование функций государства и его органов, права, правосознания <31>. Перспективным представляется структурно-функциональный подход в теории правового регулирования. Наряду с социальными функциями правового регулирования в целом он может и должен вскрыть функции его элементов – норм права, правоотношений, юридических фактов. В философской литературе обоснованно подчеркивается, что структурно-функциональный подход – не какое-то модное течение, а объективная тенденция современной науки. В своем непосредственном применении он призван конкретизировать общие теоретические идеи, приблизить их к практике, обеспечить их проверку в социологических исследованиях <32>.

Функции юридических фактов – обобщенная характеристика их роли в механизме правового регулирования. Поскольку, как уже отмечалось, правовое регулирование – сложная, многоплановая система, соответственно не одинаковы и функции, которые выполняют в ней юридические факты. Можно выделить основную, дополнительные и специальные функции юридических фактов.

Основная функция юридических фактов в правовом регулировании состоит в обеспечении возникновения, изменения, прекращения правовых отношений. Каждый юридический факт вызывает либо правообразующие, либо правоизменяющие, либо правопрекращающие правовые последствия. Правильно понять и оценить значение указанной функции можно лишь в более широком контексте, в связи с функциями других элементов механизма правового регулирования. Отправным, ведущим его элементом выступают юридические нормы. Именно они содержат властную программу (модель) поведения субъектов. Другим элементом механизма правового регулирования выступает правоотношение – конкретная модель поведения для конкретных субъектов, программа действий в определенной социально-юридической ситуации*. Юридические факты обеспечивают переход от общей модели прав и обязанностей к конкретной. В этом – основная функция юридических фактов в механизме правового регулирования. Как отмечается в научной литературе, весомый процент ошибок правоприменительных органов связан с установлением юридических фактов. Значительная часть судебных приговоров, решений, административных актов и т.п. отменяется по причине неполного либо неправильного установления фактических обстоятельств дела <33>. Сказанное позволяет сделать вывод, что

* Мы разграничиваем правоотношение как модель и правоотношение как общественное отношение (см. также: Ткаченко Ю.Г. Методологические вопросы теории правоотношений. М., 1980, с. 94 - 120).

возникновение, изменение и прекращение правоотношений – сложный "узел" правового регулирования. Обеспечивая надежное возникновение, изменение, прекращение правовых отношений, юридические факты способствуют тем самым стабильному функционированию всей системы правового регулирования.

Дополнительные функции. Функциональному подходу, как и любому другому теоретическому подходу, свойственно противоречие абстрактного и конкретного. С одной стороны, он предполагает обобщенную характеристику функций фактов в регулировании общественных отношений. С другой стороны, нельзя не сознавать, что функции юридических фактов в конкретных отношениях неповторимы. В возникновении семейных правоотношений эти функции одни, в возникновении, скажем, трудовых правоотношений – другие. Юридические факты столь же уникальны, сколь уникальны и возникающие из них правоотношения. Задача теории заключается в том, чтобы на основе изучения закономерного вернуться к конкретному, дать ему научное объяснение. Применительно к юридическим фактам это означает, что их функции в правовом регулировании не исчерпываются триадой "обеспечить возникновение, изменение, прекращение". Многие юридические факты наряду с основной функцией несут "дополнительные обязанности".

В ряде правовых отношений юридические факты выполняют функцию *гарантий законности*. Применительно к юридическим фактам термин "гарантии законности" имеет два различных смысла. Закрепление в нормах права юридических фактов, их установление правоприменительными органами призвано очертить точные условия, при которых (и только при которых!) могут наступать правовые последствия. "Юридические факты... – пишет, например, Н.П. Воронина, – служат не только предпосылкой возникновения субъективного права на жилище, но и его гарантией, обеспечивающей реализацию названного права, позволяющей устранить произвол обязанных лиц и контролирующих их органов, так как являются объективным критерием, с помощью которого компетентный орган судит о наличии (отсутствии) субъективного права" <34>. В этом смысле любой юридический факт, закрепленный в норме права, выступает гарантией социалистической законности. Но слову "гарантии законности" можно придать другой, более узкий смысл. Существуют юридические факты, связанные с особо важными участками правового регулирования, на которых лежит повышенная ответственность за состояние законности. Имеются ввиду, например, основания для отказа в приеме искового заявления (ст. 129 ГПК РСФСР), основания для возбуждения и прекращения уголовного дела (ст. ст. 5, 108 УПК РСФСР), обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность (ст. ст. 38, 39 УК РСФСР). Эти юридические факты – "ключевые точки" правового регулирования, поскольку законное принятие искового заявления или возбуждение уголовного дела предопределяет правомерность всех последующих действий. Поэтому закрепление указанных юридических фактов не только служит

возникновению, изменению правоотношений, но и выступает как важная гарантия законности.

Другая дополнительная функция юридических фактов связана с *предварительным воздействием норм права* на общественные отношения. В области права люди не только ориентируются на правовые последствия, но и учитывают юридические факты, которые эти последствия обуславливают. Появление одних юридических фактов соответствует интересам субъектов, и они делают необходимые шаги к тому, чтобы эти факты возникли, других юридических фактов стараются избежать. Юридические факты, таким образом, не пассивный элемент механизма правового регулирования. Они могут использоваться и реально используются законодательством как средство воздействия на поведение субъектов.

Предварительное действие норм через юридические факты не одинаково. В фактических составах, включающих "абсолютное" событие, оно наименьшее. Закрепление таких юридических фактов может иметь лишь некоторое предупредительное значение, ориентировать на принятие мер, которые предотвращали бы вредоносные последствия стихии. Более выражено активизирующее действие сроков. Своевременные действия субъектов позволяют избежать отрицательных последствий, наступающих в связи с истечением сроков. Наибольшая нагрузка лежит на юридических фактах, обуславливающих предоставление (либо непредоставление) определенных социальных благ – пенсии, премии, условно-досрочного освобождения от наказания и др. Основной социально полезный эффект в данных случаях наступает именно от появления юридических фактов. Можно выделить в итоге две формы предварительного воздействия норм на поведение субъектов. Когда юридические нормы очерчивают границу правомерного и неправомерного поведения, их предварительное воздействие носит пассивно-предупредительный характер. Оно выражается в том, что субъекты не совершают запрещенных действий. Напротив, когда норма права закрепляет положительные последствия, она имеет активно-стимулирующее значение, поощряет субъектов к совершению указанных в ней действий <35>.

В научной литературе рассматриваемые функции юридических фактов обычно не отделяют от функций правовых норм <36>. Думается, что это не вполне точно. Функции всех элементов механизма правового регулирования связаны с действием юридических норм, и юридические факты – не исключение, однако это не лишает их самостоятельного значения. В рассматриваемых ситуациях позитивный эффект в общественной жизни связан с появлением (либо не появлением) юридических фактов. Именно через них осуществляется предварительное воздействие правовых норм. По нашему мнению, это позволяет говорить об особой дополнительной функции юридических фактов в правовом регулировании общественных отношений.

Предварительное (через юридические факты) действие правовых норм представляет собой фундаментальное явление правовой действительности,

требующее комплексного юридического, социологического, психологического изучения. С.Л. Рубинштейн отмечал: "В силу того, что человек, благодаря наличию у него сознания, может предусмотреть, заранее представить себе последствия своих действий, он самоопределяется во взаимодействии с действительностью... Решение вклинивается в ход событий, в их детерминацию не извне: оно есть результат процессов, которые сами являются звеном в ходе событий и детерминации действия" <37>. С этой точки зрения, та очевидная истина, что юридические факты вызывают правовые последствия, оказывается не бесспорной. Существует и обратная связь: правовые последствия могут вызывать к жизни юридические факты. И юридические факты, и правовые последствия, хотя и по-разному, опосредуют самоопределение человека по отношению к правовой действительности.

Юридические факты осуществляют и некоторые другие дополнительные функции – они ограничивают пределы свободного усмотрения, служат предотвращению правонарушений и преодолению их вредоносных последствий. Эти функции будут рассмотрены в гл. гл. IV и VII. Отметим лишь, что существование дополнительных функций подтверждает активный характер юридических фактов, их самостоятельную роль в правовом регулировании.

Специальные функции юридических фактов связаны с включением их в качестве элементов в фактические составы, представляющие собой систему фактов. В силу этого обстоятельства юридические факты осуществляют определенные функции не только по отношению к "большой системе" – правоотношению, но и по отношению к "малой" – фактическому составу. В нем юридические факты выполняют прежде всего *правопорождающую функцию*. Она заключается в том, что юридические факты могут вызывать наступление промежуточных правовых последствий (например, правообразовательного правомочия, предварительного организационного правоотношения <38>) либо окончательных правовых последствий всего состава в целом. Юридические факты могут выполнять в составе и прямо противоположную *правопрепятствующую функцию*. Наличие некоторых юридических фактов тормозит развитие фактического состава и наступление правовых последствий. Например, наличие близких родственных отношений препятствует совместной службе лиц, если их служба связана с непосредственной подчиненностью или подконтрольностью одного из них другому (ст. 20 КЗоТ РСФСР).

Юридические факты могут выполнять в составе и некоторые другие функции, например *правоуничтожающую*. Данная функция заключается в том, что юридический факт может аннулировать юридическое значение других фактических обстоятельств. Так, если в течение года рабочий или служащий не подвергается новому взысканию, он считается вообще не подвергавшимся взысканию (ст. 137 КЗоТ РСФСР). Противоположная функция юридических фактов – *правовосстанавливающая*. В семейном праве, например, восстанавливаются права и обязанности супругов, допускается восстановление

родительских прав и т.п. Как отмечал Е.М. Ворожейкин, правосстанавливающее действие юридических фактов нередко сочетается с прекращением правовых отношений. Так, отмена усыновления прекращает отношения усыновителя и усыновленного и в то же время в ряде случаев восстанавливает отношение ребенка с родителями и другими родственниками <39>.

4. В механизме правового регулирования юридические факты наиболее тесно контактируют с *правоотношениями*. Именно в связи с ними осуществляется основная функция юридических фактов.

В научной литературе проблема связи юридических фактов и правоотношений исследована достаточно обстоятельно. Показано, что юридические факты выступают в роли "рычажков", приводящих в действие нормы права, связующих звеньев между нормами права и правами (обязанностями) субъектов <40>. "Необходимость определенного юридического факта для возникновения и развития правоотношения, – отмечает Р.О. Халфина, – с особенной четкостью подчеркивает неразрывную связь реального поведения и правовой формы, невозможность в реальной жизни отделить одно от другого" <41>. Значительное внимание уделяется данной проблеме и в отраслевой научной литературе <42>. В связи с этим из обширной темы "юридические факты и правоотношения" рассмотрим лишь один вопрос – значение юридических фактов в динамике правового отношения.

Связь юридических фактов и правового отношения нельзя рассматривать упрощенно, полагая, что правоотношение возникает "из нормы и юридических фактов" в законченном, завершенном виде. Если бы правовая связь всегда существовала в том виде, в каком она первоначально возникла, право утратило бы важнейшее средство оперативного воздействия на общественные отношения. На практике мы видим другое. В процессе развития меняется состав субъектов многих правоотношений, модифицируются их права и обязанности. "В процессе уголовно-правового отношения, – отмечает, например, А.И. Санталов, – характер и объем прав и обязанностей сторон может меняться. Права и обязанности не являются застывшими, постоянно данными характером и степенью общественной опасности преступления" <43>. Таким образом, любое правоотношение – не застывший однажды каркас правовой связи, а ее динамичная, развивающаяся модель, развертывающаяся по мере того, как развивается регулируемое общественное отношение, охватывающая, по возможности, все его варианты, формы и социальные проявления.

Динамика правоотношения складывается из его возникновения, изменения, прекращения, которые нередко отдалены друг от друга во времени и пространстве. Тем не менее они не какие-то изолированные стадии, а этапы единого процесса. Отсюда вытекает вывод, имеющий принципиальное значение для теории юридических фактов: правообразующие, правоизменяющие, правопрекращающие юридические факты следует рассматривать не как изолированные фактические предпосылки (именно так они чаще всего

рассматриваются), а как звенья единого процесса развития фактической основы правоотношения. Эта фактическая основа проходит этап формирования, на котором накапливаются правообразующие элементы состава (действия, события, сделки, акты), затем, после возникновения правоотношения, на нее накладывается новый "слой" юридических фактов (прежде всего это акты реализации прав и обязанностей), и, наконец, завершающим звеном выступают правопрекращающие факты.

С прекращением правоотношения социальные факты, бывшие его фактической основой, сами по себе, конечно, не исчезают. Меняется их юридическое качество. Они либо утрачивают юридический характер, либо меняют свое юридическое значение – образуют фактическую основу нового правоотношения, продолжающего первое. Например, отношения по надзору за лицами, освободившимися из мест лишения свободы, – непосредственное продолжение исправительно-трудовых отношений. Сравнивая начало правоотношения и его завершающий этап, мы убеждаемся, что за время его существования социальные отношения, как правило, проходят значительный путь развития: урегулируются взаимоотношения субъектов, разрешается конфликтная ситуация. При нормальной реализации правовой связи социальные отношения в конце цепочки всегда более организованы и упорядочены, чем в ее начале.

Развитие фактической основы правоотношения происходит двумя способами. Во-первых, путем *наслоения* новых фактов на какую-то фактическую основу. Преимущественно этим путем происходит развитие трудовых, процессуальных и некоторых иных правоотношений. На исходные юридические факты наслаиваются новые фактические обстоятельства (поступки, акты, события), приводящие к изменению либо к прекращению правового отношения. Так, правоотношение студента и вуза возникает при наличии успешной сдачи вступительных экзаменов, приказа о зачислении и ряда других юридических фактов, входящих в правообразующий фактический состав. К этой фактической основе присоединяются факты сдачи предусмотренных учебным планом экзаменов и зачетов, прохождение практики, приказы о переводе на следующий курс и, наконец, решение Государственной экзаменационной комиссии. Правопрекращающий состав возникает на основе всей цепи правоизменяющих фактов. Но возможен и другой тип развития – путем *отслоения* фактов. Например, при миновании надобности в лесопользовании соответствующее право предприятий, учреждений и организаций подлежит прекращению (ст. 36 Основ лесного законодательства Союза ССР и союзных республик). Таким образом, правопрекращающий состав возникает путем отпадения правообразующего юридического факта – надобности в лесопользовании.

Юридические факты, вызывающие развитие правоотношения, могут быть вероятными либо маловероятными, позитивными, негативными либо нейтральными <44>. Вероятные факты порождают массовые, типичные варианты развития правоотношений. Маловероятные – редкие, исключительные. В

правотворческой и правоприменительной практике вероятные изменения нуждаются в обстоятельной регламентации, вышестоящие суды должны регулярно обобщать по ним текущую практику, анализировать ошибки. Второе деление дает оценку социального содержания фактов. Позитивные факты свидетельствуют, что отношение идет по социально полезному пути развития, негативные – наоборот. К нейтральным относятся факты, не несущие ярко выраженного позитивного либо негативного содержания. В развитии трудового правоотношения позитивными фактами будут, например, повышение квалификации, совмещение профессий, работы и учебы; негативными – нарушение трудовой дисциплины, причинение материального ущерба; нейтральными – временный перевод для замещения отсутствующего работника, командирование и т. п. Результатом негативного развития правоотношения является временное снижение индивидуального правового статуса участника, лишение его некоторых прав, льгот и преимуществ.

Изменение правового отношения может быть подразделено также на количественное и качественное. Это деление особенно важно для понимания роли юридических фактов в динамике длящихся правоотношений. Очередной взнос квартирной платы, поставка части продукции в рамках долгосрочного хозяйственного договора, отбытие части срока наказания и т. п. влекут изменения в правоотношении, служат своеобразным (причем, правомерным) "шагом" в его развитии. Но подобное развитие носит чисто количественный характер, оно не меняет юридического качества правовой связи. Перепланировка жилплощади, изменение вида режима осужденному – юридические факты, вызывающие качественные изменения, которые охватывают значительный объем содержания правовой связи, носят стабильный характер и отражаются на всем последующем движении правового отношения.

Качественные изменения правоотношения не всегда легко отграничить от прекращения прежней правовой связи и возникновения новой, продолжающей первую. Вместе с тем изменение правоотношения и его прекращение (с возникновением нового правоотношения) имеют неодинаковое правовое значение. Например, в трудовом праве при увольнении работника и, следовательно, прекращении трудовых правоотношений прерывается в известных случаях трудовой стаж, теряется ряд льгот и преимуществ. При переводе (изменении трудового правоотношения) этого не происходит. Вот почему в трудовом праве уделяется значительное внимание разграничению правоизменяющих и правопрекращающих юридических фактов <45>. Сложной проблемой является изменение процессуальных правоотношений. Влечет ли изменение предмета иска, замена ненадлежащей стороны изменение процессуального правоотношения либо возникновение нового? Ответить на этот вопрос не всегда просто <46>. Отграничение изменения правоотношения от его прекращения важно для решения вопросов правопреемства в международном праве <47> и многих других.

Какие критерии существуют для отграничения изменения правоотношения от его прекращения, за которым следует возникновение нового правоотношения? За основу разграничения, по нашему мнению, необходимо взять степень изменения основных структурных элементов правоотношения – его субъектов, объекта, содержания (прав и обязанностей). "Длящиеся пенсионные правоотношения, – пишет, например, Т.М. Кузьмина, – могут изменяться. При этом меняются либо объект правоотношения (вид пенсии), либо субъект (как выплачивающий пенсию, так и получающий ее, например, при изменении состава семьи), либо содержание (например, при пересмотре размера пенсии в связи с приобретением непрерывного или общего стажа работы, дающих право на надбавку)" <48>. Представляется, что изменение одного из перечисленных элементов – это, как правило, изменение правоотношения. Изменение двух и тем более трех элементов почти всегда влечет прекращение прежней связи и возникновение новой.

В развитии правоотношений не редкость такая ситуация, когда одни и те же юридические факты обуславливают возникновение одних правоотношений, изменение или прекращение других. Например, призыв на действительную военную службу прекращает трудовые правоотношения, изменяет в известных случаях жилищные, порождает целый комплекс прав и обязанностей дисциплинарного характера. Это затрудняет установление функций юридических фактов. Однако нельзя не видеть, что подобное объединение функций – отражение объективной взаимосвязи регулируемых правом отношений, присущих им "взаимопереходов". Изучение роли юридических фактов в динамике правоотношений, раскрытие их многообразных функций в правовой системе – одна из важных задач, непосредственно связанная с укреплением социалистической законности, повышением эффективности правового регулирования в социалистическом обществе.

Глава IV. Индивидуальное регулирование и юридические факты

Под индивидуальным регулированием мы понимаем решение субъектами права юридически значимых вопросов, которым законодатель по тем или иным причинам не дал исчерпывающей нормативной регламентации. Индивидуальное регулирование осуществляется на основе норм и принципов советского права, но неизбежно допускает известную долю свободного усмотрения. Можно заметить, что функции индивидуального регулирования и юридических фактов соприкасаются и даже в известной степени "конфликтуют". Первое призвано "смягчить" формальную определенность правового регулирования, вторые, напротив, обеспечивают ее. Индивидуальное регулирование способствует гибкости правового регулирования, юридические факты – большей его стабильности. Что же такое индивидуальное регулирование? Как сопрягаются юридические факты и индивидуальные акты в механизме правового регулирования? Попытаемся ответить на эти вопросы.

1. Термин "индивидуальное регулирование" вошел в категориальный аппарат науки сравнительно недавно, но сама проблема свободного усмотрения имеет давнюю историю. К ней обращались крупнейшие представители юридической мысли. Гуманист и просветитель Чезаре Беккариа писал о свободе усмотрения: "Нет ничего опаснее общепринятой аксиомы, что следует руководствоваться духом закона. Это все равно, что уничтожить плотину, сдерживающую бурный поток произвольных мнений" <1>. Вопросы автономии воли, пределов судейского усмотрения широко обсуждались в дореволюционной русской литературе. В. И. Синайский понимал под частной автономией известный простор, оставляемый правопорядком каждому лицу при вступлении в юридические сделки. В ней, считал он, находит свое выражение способность к самоопределению в области гражданского оборота. Вместе с тем В.И. Синайский отмечал: "Термин автономия не имеет точно определенного значения; не сложилось и общепризнанного учения о природе автономии" <2>. Под своим углом зрения проблема автономии воли разрабатывается в современной буржуазной правовой науке. Французский юрист де ла Морандьер видит истоки автономии воли "не только в свободе воли, выражением которых они служат, но и в соответствии этих воли потребностям общества, в сотрудничестве отдельных людей с законодателем" <3>. Приведенное положение идеализирует буржуазную правовую систему и место в ней индивидуального (автономного) регулирования, ибо практика современной буржуазной юстиции свидетельствует не о "соответствии" и "сотрудничестве", а о глубоком конфликте личности и государства <4>.

В советской правовой системе индивидуальное регулирование выступает одним из средств точного, тонкого регулирования общественных отношений. Оно необходимо прежде всего для обеспечения социалистической законности. "Никакая норма... – пишет А. М. Яковлев, – не в состоянии охватить всего многообразия фактов, вызывающих применение уголовного закона; и пределы предусмотренного законом усмотрения суда – это пределы возможного учета конкретных особенностей как совершенного преступления, так и личности виновного. Вместе с тем, перейдя за определенные границы, свобода усмотрения суда (как и иных органов уголовного правосудия) чревата опасностью не только нарушения принципа равенства всех перед законом и судом, но и вынесения ошибочных, а то и произвольных решений" <5>. Сочетание нормативного и индивидуального регулирования необходимо и в правовом регулировании хозяйственных отношений. Это один из аспектов централизации и децентрализации в социальном управлении. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР о проведении экономического эксперимента подчеркивается, что оптимальная система управления должна соединять эффективное руководство из единого центра с широкой самостоятельностью объединений и предприятий, их высокой ответственностью за результаты работы <6>. Индивидуальное регулирование и есть форма самостоятельности в области правового регулирования. Проблема индивидуального регулирования, таким образом, непосредственно связана с актуальными задачами совершенствования народно-хозяйственного механизма, всей системы социального управления.

В советской научной литературе проблема индивидуального регулирования относится к числу дискуссионных проблем. Высказаны различные точки зрения как о существовании индивидуального регулирования, так и его месте в системе действия права. Некоторые авторы считают индивидуальное регулирование нетипичной ситуацией правоприменительного процесса <7>. Другие полагают, что индивидуальная конкретизация – функция правоприменительной деятельности <8>. Высказано мнение, согласно которому индивидуально-конкретизирующая деятельность представляет собой элемент системы правового регулирования <9>. Наконец, высказывается сомнение в самой обоснованности постановки этой проблемы. Так, по мнению В.В. Лазарева, правовое регулирование может быть одно – нормативное <10>.

По нашему мнению, в системе правового регулирования можно выделить три части: нормативную регламентацию, локальное и индивидуальное регулирование. Нормативная регламентация представляет собой регулирование общественных отношений путем установления норм – общих правил поведения. Индивидуальное регулирование, как правило, – децентрализованное регулирование, состоящее в разрешении конкретных ситуаций на основе норм права с элементом свободного усмотрения <11>. Локальное регулирование – переходное звено между ними, сочетающее элементы первого и второго. Признание индивидуального регулирования самостоятельным элементом системы

правового регулирования не влечет его отождествления с нормативной регламентацией, напротив, позволяет полнее понять их различие и взаимодействие. Правовое регулирование понимается в этом аспекте как единый управленческий процесс, где происходит не простая "расшифровка" нормативного решения на нижележащих уровнях управления, а качественное его обогащение за счет подключения в процесс регулирования творческого сознания, воли, интересов, опыта, информационных резервов субъектов социалистического права. Конечный результат – разрешение социально-юридической ситуации – достигается взаимодействием всех элементов системы правового регулирования.

Индивидуальное регулирование представляет собой вид правомерной деятельности субъектов советского права, обладающий рядом отличительных признаков: это деятельность, связанная с решением юридически значимых вопросов, которым норма права не дала исчерпывающей регламентации, опирающаяся в той или иной степени на усмотрение субъектов права; протекающая в установленной законодательством процедурно-процессуальной форме; результатом которой является индивидуальный правовой акт (судебное решение, административный акт, договор и т.п.), конкретизирующий права и обязанности участников правового отношения.

Индивидуальное регулирование, по нашему мнению, не тождественно реализации права. Любая реализация права – сознательная деятельность. В этом смысле элемент усмотрения присутствует во всякой реализации права, даже в соблюдении запретов. Но не всякое усмотрение – индивидуальное регулирование. В последнем случае усмотрение приобретает особое юридическое качество: оно выступает организующим фактором в процессе правового регулирования.

Индивидуальное регулирование в социалистическом обществе не имеет ничего общего с произвольной, не основанной на законе деятельностью. Частичная неурегулированность общественных отношений не означает, что они существуют в "юридическом вакууме". Не предопределяя конкретного содержания индивидуального акта, законодательство устанавливает рамки, в которых должно осуществляться такое регулирование. Важное значение имеют, в частности, принципы социалистического права. Соответствие индивидуальных актов требованиям социалистической законности обеспечивается, далее, нормативным регулированием процесса (процедуры) их издания. Законным является лишь такой индивидуальный акт, который соответствует нормам и принципам законодательства, принят в установленном законом порядке и надлежаще оформлен.

Существует множество форм индивидуального регулирования, которые можно классифицировать по различным основаниям.

С точки зрения *взаимного положения субъектов*, индивидуальное регулирование может быть субординационным либо координационным. В первом случае оно осуществляется органами социалистического государства, уполномоченными на то общественными организациями. Индивидуальный акт

издается в одностороннем порядке на основе компетенции органа или организации. Это, например, многие акты правосудия, административные акты. Во втором случае индивидуальное регулирование (эту форму называют иногда автономно-договорной <12>) выражается в выработке сторонами договора, соответствующего нормам права и отражающего их согласованную волю. Эта форма индивидуального регулирования широко используется в области гражданско-правовых, трудовых отношений.

По *объему конкретизации* индивидуальное регулирование подразделяется на альтернативное, факультативное и ситуационное <13>. Первая форма предполагает выбор одной из определенных в законе альтернатив, например одного из возможных наказаний за правонарушение. Факультативная конкретизация сходна с предыдущей формой. Здесь тоже имеет место альтернатива, но один вариант указан как основной, другой (или другие, если их несколько) – в порядке исключения. Наиболее "свободная" форма индивидуальной конкретизации – ситуационная. Законодатель не связывает усмотрение субъекта какими-либо вариантами, указывая лишь, что решение должно соответствовать "обстоятельствам дела", выноситься с учетом "конкретной ситуации".

В зависимости от *конкретизируемого элемента юридической нормы (объекта конкретизации)* разграничиваются конкретизация гипотезы, конкретизация диспозиции (санкции), одновременная конкретизация гипотезы и диспозиции (санкции). В первом случае объектом конкретизации являются юридические факты – фактическая предпосылка правоотношения. Во втором – конкретизируются правовые последствия (права, обязанности). Это наиболее распространенная форма индивидуального регулирования. Конкретизация правовых последствий может происходить на этапе "завязки" правоотношения и в процессе его развития. В разной степени эта форма индивидуального регулирования применяется во всех отраслях советского права. Третья форма, напротив, является довольно редкой. Одновременная конкретизация и юридических фактов, и правовых последствий предоставляет правоприменительному органу слишком широкую возможность для усмотрения, что не лишено негативных сторон. Можно согласиться с М.А. Гурвичем, который отмечал: "Если предоставить суду возможность по любому делу включать в состав фактических материалов дела факты, не указанные в гипотезе материально-правовой нормы, или исключать их из гипотезы, либо отходить от ее диспозиции или санкции, то в целом подобная деятельность мало чем отличалась бы от "порядка", в котором норм права вообще не существовало" <15>.

Подробный анализ форм индивидуального регулирования выходит за рамки настоящей работы. Изложенные же выше соображения позволяют подойти к вопросу о взаимоотношении индивидуальных правоприменительных актов и юридических фактов. В механизме правового регулирования их функции тесно переплетаются. Прежде всего индивидуальные акты могут выполнять функцию

юридического факта и элемента фактического состава. Не будучи сторонником идеи индивидуального регулирования, В.В. Лазарев справедливо отметил, что "правоприменительные акты призваны сыграть роль дополнительного юридического факта, в связи с которым приходят в движение правовые отношения" <16>. Появление индивидуального акта – необходимое условие для завершения фактических составов трудовых, пенсионных, жилищных и многих иных правовых отношений. Вместе с тем, подчеркивается в научной литературе, индивидуальный акт – не рядовой элемент фактического состава. Он как бы аккумулирует юридическое содержание фактического состава, подводит итог его развитию <17>. Не случайно в большинстве составов индивидуальный акт предусмотрен в качестве его завершающего элемента. Включение индивидуального акта в фактический состав призвано обеспечить контроль со стороны государства за возникновением, изменением, прекращением правовых отношений.

Но взаимоотношение юридических фактов и актов индивидуального регулирования имеет и другую сторону. В юридической практике их нередко рассматривают как различные и даже противоположные части фактического состава. Задачу первой части – юридических фактов – видят в том, чтобы ограничить вторую часть – акт индивидуального регулирования. Например, молодым рабочим и служащим при наличии ряда обстоятельств (возраста, стажа работы, детей и др.) может предоставляться ссуда на улучшение жилищных условий и обзаведение хозяйством за счет фонда социально-культурных мероприятий и жилищного строительства <18>. Юридические факты здесь не только создают предпосылку для принятия индивидуального акта (решения администрации и профкома о выдаче ссуды), но и устанавливают для него известные рамки. В некоторых ситуациях стороны вынуждены "дождаться" всех необходимых юридических фактов. В данном случае, по нашему мнению, можно говорить еще об одной дополнительной функции юридических фактов: с их помощью ограничиваются пределы свободного усмотрения при издании индивидуальных правовых актов.

Данная сторона функционирования юридических фактов иногда преувеличивается – они рассматриваются исключительно как средство ограничения полномочий государственных органов и должностных лиц <19>. Думается, это – односторонний подход. Юридические факты призваны не только "формализовать" деятельность государственных органов и должностных лиц, но и сигнализировать о возникновении социально-юридических ситуаций, обеспечивать своевременность и точность правовой реакции.

Индивидуальное регулирование приводит, к тому, что в процесс правового регулирования "подключаются" фактические обстоятельства, которые не определены с достаточной отчетливостью в нормах права. Эту группу фактических обстоятельств можно назвать индивидуально-определяемыми (или относительно-определенными) фактами. Что они собой представляют? Можно ли

считать их юридическими фактами? Индивидуально-определяемые факты имеют юридическое значение для наступления правовых последствий – возникновения, изменения, прекращения прав и обязанностей субъектов правовых отношений. Их особенность заключается в том, что они требуют не только установления (как любые юридические факты), но еще и конкретизации со стороны правоприменительного органа. Однако данное обстоятельство, по нашему мнению, не препятствует считать индивидуально-определяемые факты юридическими. Рассмотренные формы индивидуального регулирования позволяют выделить следующие разновидности индивидуально-определяемых фактов.

*Бланкетные факты**. В некоторых случаях гипотезы юридических норм закрепляют не конкретные факты, а целый круг фактических обстоятельств. Юридическое значение может приобрести любой факт из этого круга. Например, условием для выплаты страхового вознаграждения может стать любое условие (страховой случай) из числа фактов, определенных договором страхования.

Оценочные факты. Это юридические факты, в нормативной модели которых законодатель использует оценочные понятия, например: "малозначительность", "исключительный цинизм", "невозможность совместного проживания" и т.п. Оценочные понятия характеризуются рядом особенностей: с логической стороны им свойственна известная неопределенность и незавершенность содержания; с юридической стороны существенно то, что содержание оценочного понятия устанавливается непосредственно субъектом применения права <20>. Оценочные факты, таким образом, это фактические обстоятельства, которые признаются юридическими фактами в процессе индивидуального регулирования.

Факты, признанные юридически значимыми в процессе восполнения пробела. С точки зрения теории юридических фактов, пробел – это социально-юридическая ситуация, полностью или частично неурегулированная законодательством. Неурегулированность общественных отношений может быть "плановой", когда законодатель сознательно оставляет некоторые вопросы в "компетенции" индивидуального регулирования. Но она может быть и случайной – тогда перед нами пробел <21>. Преодоление пробела предполагает оценку фактических обстоятельств компетентным государственным органом, придание юридического значения фактам, которые не были до того юридическими.

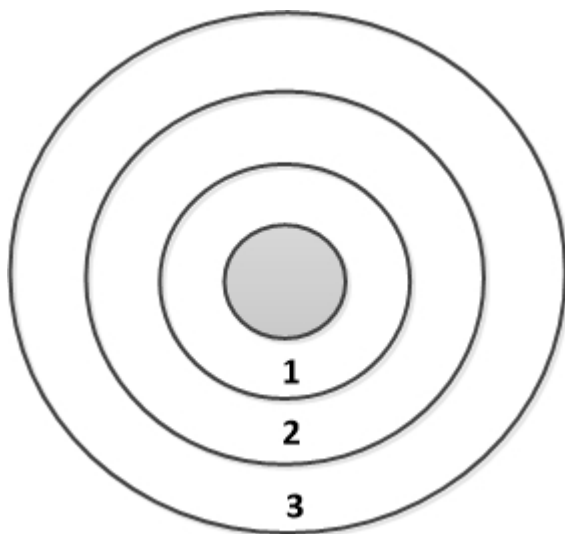
Факты, обусловившие принятие акта применения права. Принятие акта применения права обуславливается, как правило, чрезвычайно сложным и разветвленным комплексом фактических обстоятельств. Некоторые элементы этого комплекса точно указаны в нормах права, другие – представляют собой индивидуально-определяемые факты.

* Термин "бланкетные юридические факты" предложил О.А. Красавчиков (см.: Красавчиков О. А. Указ. работа, с. 68, 73 – 75).

Среди правоприменительных актов выделяются индивидуальные акты органов государственного управления. Выступая правовой формой государственного управления, они опосредуют многообразную деятельность этих органов. Индивидуальные акты не одинаковы, различны фактические обстоятельства, обуславливающие их издание. Каково значение юридических фактов для принятия индивидуальных актов органов государственного управления?

2. Правильное решение по любому вопросу может быть принято только при наличии полной и достоверной информации <22>. С точки зрения теории управления, юридические факты – разновидность информации, используемой при выработке решения – индивидуального акта. Как выглядит информационная основа правоприменительного акта органа государственного управления и какое место в ней занимают юридические факты?

Массив фактической информации, используемой при выработке управленческого решения, как правило, достаточно многообразен. В него входят информация о состоянии объекта управления, целях и задачах управления, лимитирующих факторах, нормативная информация, опыт решения аналогичных ситуаций в прошлом и др. К какому виду управленческой информации следует отнести юридические факты? Во-первых, юридические факты – это разновидность информации о состоянии объекта управления. Наличие или отсутствие юридических фактов – показатель наличия или отсутствия социально-юридической ситуации, которая, как уже отмечалось, выступает первичным элементом предмета социального управления. Во-вторых, юридические факты представляют собой одновременно и нормативную информацию. Они закреплены в нормах права и для государственного органа обязательны. Наличие юридических фактов влечет для субъекта управления совершенно определенные последствия – возникновение права либо обязанности рассмотреть сложившуюся ситуацию и принять по ней соответствующее решение. На фактическую основу индивидуальных актов органов управления можно взглянуть и с другой, юридической, точки зрения. При этом выясняется, что она не исчерпывается юридическими фактами, а включает иные социальные и юридические обстоятельства. По нашему мнению, в фактической основе индивидуальных актов органов управления можно выделить три круга фактов (рис. 3).

- – индивидуальный акт
- 1 – юридические факты
- 2 – индивидуально-определяемые факты
- 3 – иные социальные обстоятельства, учитываемые при выработке индивидуального акта

Рис. 3

Первый круг составляют юридические факты. Это фактические обстоятельства, которые прямо зафиксированы в нормах права. Например, в Законе о государственных пенсиях (ст. ст. 8 – 12) предельно конкретно определены юридические факты, на основе которых назначается пенсия. В ту же группу следует включить презюмируемые фактические обстоятельства, факты, имеющие преюдициальное значение.

Все перечисленные обстоятельства в совокупности с актом применения вызывают совершенно определенные правовые последствия – возникновение, изменение или прекращение правоотношения.

Во второй круг входят индивидуально-определяемые факты. Это обстоятельства, очерченные в нормах права относительно – определенным образом и конкретизируемые государственным органом. Сюда относятся прежде всего оценочные факты (например, обстоятельства, служащие основанием для представления к награде, поощрению). В процессе правового регулирования индивидуально-определяемые факты выполняют двойную функцию. С одной стороны, они открывают возможность для усмотрения правоприменительного органа, позволяют учесть особенности регулируемой ситуации. А с другой стороны, они устанавливают известный предел этому усмотрению, вводят его в русло юридической конкретизации. Оценочные юридические факты не следует смешивать с неточно определенными фактами. Не всегда гипотеза юридической нормы определяет юридические факты с той полнотой и строгостью, которая

необходима. Эта нечеткость восполняется либо средствами толкования, либо путем преодоления пробела.

Третий круг фактов – иные социальные обстоятельства, учитываемые при вынесении решения (индивидуального акта). К их числу относятся разнообразные сведения о состоянии социально-юридической ситуации, участниках отношений, прогноз развития ситуации и др. Немалую роль здесь играет информация о последствиях ранее принятых решений по аналогичным ситуациям и др. Данный вид фактических обстоятельств не является, по нашему мнению, юридическими фактами. Это социальный "фон", на котором возникают и существуют юридические факты. Но различие между юридическими и неюридическими фактами, как уже отмечалось, нельзя абсолютизировать. Изучение "социального фона" юридического факта позволяет правоприменительному органу лучше понять смысл того или иного события или действия. Социальные обстоятельства могут носить на себе "следы" юридических фактов, содержать информацию об их существовании либо отсутствии. В этом случае они включаются в правоприменительный процесс в качестве доказательственных фактов. Наконец, в процессе разрешения юридического дела может обнаружиться неточность нормативной модели юридических фактов, т.е. пробел. В этом случае (при преодолении пробела) социальный факт может приобрести юридическое значение, перейти в категорию индивидуально-определяемых фактов.

Разграничение трех кругов в составе фактической основы индивидуального акта позволяет увидеть, что по своей фактической обоснованности акты органов государственного управления не одинаковы. Одни акты базируются на строго определенных в законе юридических фактах и не могут быть вынесены при их отсутствии. Фактическая основа других индивидуальных актов определена не столь строго. Как представляется, в зависимости от способа связи с юридическими фактами и объема свободного усмотрения индивидуальные акты органов государственного управления можно разделить на три группы:

Определенные. Это индивидуальные правовые акты, издаваемые на основе исчерпывающе определенных в законе юридических фактов, наличие которых обуславливает, как правило, возникновение обязанности государственного органа принять соответствующее решение. Конкретизация юридических фактов при вынесении актов данного типа – минимальная (государственный орган обязан лишь установить соответствующие факты), но при этом не исключается конкретизация правовых последствий. Например, при наличии всех необходимых юридических фактов исполком обязан вынести решение о предоставлении жилья. Какое конкретно жилье будет предоставлено, зависит в значительной мере от его усмотрения. Установление юридических фактов в известной степени связывает свободу усмотрения правоприменительного органа, что вытекает из требований социалистической законности, необходимости гарантировать законные права и интересы граждан и организаций в данных правовых отношениях. Однако в любом случае государственный орган не превращается в "автомат", механически

реагирующий на юридические факты, не исключаются инициатива и распорядительный характер его действий.

Относительно-определенные. Это индивидуальные акты, юридико-фактическая основа которых определена менее строго. Здесь компетентный орган может конкретизировать и юридические факты. Конкретизация может выражаться в установлении содержания оценочных понятий, в решении дела с учетом "конкретных обстоятельств", "индивидуальной обстановки" и т.п. Соответственно и связь юридических фактов с правовыми последствиями носит здесь "менее жесткий" характер. При наличии юридических фактов возникает, как правило, не обязанность, а лишь право компетентного органа издать индивидуальный правовой акт.

Дискреционные. Это индивидуальные акты, фактические предпосылки которых в законодательстве не определены либо определены в самом общем виде (например, указанием на цели и задачи деятельности, предметы ведения). Определение фактических предпосылок для принятия данных актов находится целиком в компетенции соответствующего органа. Разумеется, издание подобных актов может быть только правом органа, но не его обязанностью. Основная масса дискреционных актов связана с оперативно-управленческой деятельностью государственных органов (расстановка кадров, определение конкретных заданий, планирование мероприятий и др.) <23>.

Не следует, однако, полагать, что фактические предпосылки дискреционных актов совершенно неопределенны и эти акты могут приниматься произвольно. Такие акты должны издаваться в рамках компетенции соответствующего органа, с соблюдением процедуры; соответствовать принципам законодательства, решениям партии и правительства, указаниям вышестоящих государственных органов. В обеспечении законности дискреционных правовых актов значительная роль принадлежит прокурорскому надзору, народному контролю, различным формам внутриведомственного контроля. Своевременность принятия этих актов и их содержание зависят от контроля вышестоящих органов за деятельностью подчиненных, систематической проверки исполнения. Таким образом, издание дискреционного правового акта не является абсолютным и бесконтрольным правом государственного органа. Несмотря на отсутствие в законодательстве четких фактических условий для принятия данных актов, они соответствуют, как правило, требованиям социалистической законности.

Предложенная классификация актов государственного управления, разумеется, не единственно возможная. Существуют и другие подходы к решению этого вопроса <24>. Более того, приведенное подразделение нельзя абсолютизировать. Как справедливо отмечается в научной литературе, "органы государственного управления обладают разной степенью самостоятельности при применении правовых норм. Можно различать сферу связанной администрации, сферу дискреционных полномочий и тысячи переходов от связанности к широкой самостоятельности" <25>. Точное определение характера юридико-фактической

обоснованности индивидуальных правовых актов в зависимости от их назначения – одна из актуальных задач советского законодательства.

В современном законодательстве наметились две противоположные, но взаимодействующие и взаимопереплетающиеся тенденции. Одна из них – дальнейшее развитие системы юридических фактов, все более тонкая и скрупулезная проработка оснований возникновения правоотношений. Данная тенденция прослеживается в уголовном законодательстве, некоторых институтах гражданского, трудового, пенсионного законодательства. Другая тенденция – упрощение формально-юридических моментов (юридических фактов, процедур) и одновременно расширение индивидуального регулирования. Некоторое увеличение области свободного усмотрения при этом компенсируется усилением общесоциальных гарантий законности, развитием юридической культуры граждан и должностных лиц. Данная тенденция прослеживается в некоторых институтах административного и хозяйственного законодательства. Очевидно, что отмеченным процессам нельзя дать однозначную оценку. Обе тенденции имеют и позитивные, и негативные стороны. Задача заключается в том, чтобы в каждом конкретном случае найти оптимальное, единственно верное сочетание формально-юридических ограничений и свободы усмотрения.

3. Поступательное развитие социалистического общества предъявляет все более высокие требования к системе социального управления. "Ключом к решению исторически важной задачи – соединить достижения научно-технической революции с преимуществами развитого социализма – является совершенствование государственного управления. Речь идет о том, чтобы привести эту систему в полное соответствие с требованиями жизни, поднять на качественно новый уровень, повысить научную обоснованность, а тем самым и эффективность" <26>. Один из путей повышения эффективности государственного управления – оптимальное сочетание количественной и качественной информации при выработке управленческих решений. Количественный подход в управлении необходим. Научно обоснованная система количественных показателей способна дать объективную характеристику происходящим явлениям и процессам, их структуре, динамике, определяющим тенденциям. Но нередко чисто цифровое благополучие количественных показателей мешает увидеть качество происходящих процессов, действительное положение дел. Это особенно остро ощущается в сфере управления наукой, научно-техническим прогрессом <27>. Борьба за высокое качество новой техники, промышленной продукции, товаров и услуг предполагает существование надежного механизма оценки качества и использования "качественной" информации в государственном управлении.

Соотношение количества и качества – сложная научная, философская проблема. Каждый объект, процесс имеет как количественные, так и качественные признаки, которые находятся в диалектическом единстве. Накопление количественных признаков приводит в конечном счете к качественным

изменениям. Развитие качества всегда имеет и количественную сторону. Вместе с тем между количеством и качеством всегда существует грань. Как отмечал Ф. Энгельс, качество имеет бесконечное множество количественных градаций <28>.

Сложную диалектику количества и качества не всегда легко уловить в практической деятельности. Конкретный пример этого – трудности и противоречия современного научно-познавательного процесса. С одной стороны, внедрение количественного подхода, точных математических методов, безусловно, прогрессивная тенденция развития науки. С другой стороны, они не могут вытеснить качественного анализа, качественных оценок. "Замена трудных качественных суждений неадекватными механическими данными, – пишет видный английский ученый, лауреат Нобелевской премии С. Хиншелвуд, – не является рационализацией или проявлением эффективности или же беспристрастностью и объективностью, а просто представляет собой весьма печальное отсутствие ответственности" <29>.

В правовом регулировании используются различные виды оценок, в том числе и качественные <30>. Качественные оценки имеют ряд специфических признаков. Во-первых, объектом оценки служат качественные признаки явлений, которые, как правило, не могут получить исчерпывающей и однозначной количественной характеристики. Например, компетентность инженера, квалификация работника – качественные оценки, под которые не всегда можно подвести количественную базу. Но эти оценки имеют существенное значение в решении вопросов управления, оплате труда, поощрении работников. Во-вторых, для качественной оценки характерно отсутствие исчерпывающего, точно определенного критерия. Качественные оценки не допускают жестко установленных стандартов. Отсюда известная неопределенность, проблематичность их содержания. В-третьих, качественная оценка предъявляет высокие требования к субъектам, участникам оценочной деятельности, их общей и профессиональной культуре. Субъектом оценки должен быть человек, обладающий необходимыми знаниями, опытом и, кроме того, творческим воображением, интуицией, позволяющей ему уловить качество сложного явления. В-четвертых, качественной оценке свойственна относительная неопровержимость. Это означает, что практика не располагает средствами для немедленной проверки истинности качественной оценки. Ее истинность или ложность можно выявить в первом приближении путем сопоставления с другими качественными оценками, а в конечном счете путем использования данной оценки в практической деятельности.

Как соотносятся оценки и факты? С философской точки зрения, это сложная научная проблема. А.А. Ивин констатирует, что "проблема возможности логических связей оценочных и фактических утверждений пока не решена" <31>. Но практика находит свои пути решения философских проблем. В области социального управления оценка, выработанная надлежащим путем, может

служить средством объективного отражения действительности, *может сама становиться фактом.*

Каково значение оценочных фактов в правовом регулировании?

Приведем два конкретных примера. Первый пример. В.П. Рассохин предлагает создать при Государственном комитете СССР по науке и технике вневедомственную экспертную комиссию, которая раз в пять лет оценивала бы деятельность НИИ и КБ, принимая во внимание не только количественные показатели, но и качество деятельности – "репутацию научного учреждения". ГКНТ, по мнению автора, необходимо предоставить право решать вопрос о ликвидации НИИ и КБ, отличающихся низким научным потенциалом <32>. Второй пример: Е.Л. Белиловский выступает за изменение системы оценки творческой деятельности научных работников. По мысли автора, в основу правового регулирования труда ученых должна быть положена формализованная оценка научного результата их деятельности. Автор отмечает, что применение данного показателя существенно модифицирует структуру правового регулирования в данной области отношений. Надежная оценка результата труда позволит снять контроль за процессом труда, усилить элемент саморегулирования в научной деятельности <33>.

В изложенных предложениях не все представляется бесспорным. Но мы и не ставим цель разбирать их достоинства и недостатки по существу. Эти предложения интересны для нас тем, что позволяют на конкретных примерах показать возможное место качественных оценочных фактов в правовом регулировании общественных отношений.

По нашему мнению, качественные оценки (качественные оценочные факты) могут найти широкое применение в правовом регулировании. Они способствуют значительному расширению сферы правового регулирования, поскольку позволяют охватить юридической регламентацией такие явления и процессы, которые иным путем либо вообще не регулируются, либо регулируются неэффективно. Качественные оценки делают правовое регулирование более глубоким, с их помощью можно разграничить ситуации, отличающиеся чрезвычайно "тонкими" качественными признаками. Одновременно качественные оценки обладают значительной обобщающей силой, так как позволяют "подвести итог" сложным, подчас противоречивым явлениям, отделить в них главное от второстепенного. Наконец, немаловажное достоинство качественных оценок – оперативность. Их можно получить, как правило, значительно быстрее, чем систему количественных показателей (особенно, если количественные данные собираются впервые). В определенных ситуациях оперативность имеет для управления первостепенное значение.

Но нельзя не видеть и негативных сторон качественной оценки. Сам ее характер создает угрозу односторонности и субъективизма. В форме качественных оценок могут существовать мнения и убеждения, не имеющие ничего общего с научным управлением. Относительная непроверяемость качественных оценок

может затруднить защиту законных прав и интересов граждан и организаций. В результате нельзя исключить парадоксальную ситуацию, когда юридические факты – средство обеспечения законности – окажутся причиной проникновения субъективизма в правовое регулирование.

Можно же сгладить негативные стороны качественных оценок? Думается, да. Их эффективность определяется прежде всего способом использования в государственном управлении. Во-первых, качественная оценка явления, процесса, ситуации может выступать как оперативная управленческая информация. В этом случае она не порождает у государственного органа каких-либо новых прав и обязанностей. Она используется в совокупности с иной оперативной информацией при выработке текущих и перспективных решений. Во-вторых, она может иметь значение юридического факта, порождающего право государственного органа принять решение по данному вопросу. Именно так предлагает использовать ее В.П. Рассохин. В-третьих, качественная оценка может выступать в роли юридического факта, обуславливающего в совокупности с другими фактами обязанность государственного органа отреагировать на возникшую ситуацию, принять то или иное решение.

Следовательно, юридическое значение имеет не всякая качественная оценка, а лишь такая, которая в соответствии с нормой права порождает конкретные права либо конкретные обязанности государственных органов. Круг подобных ситуаций не должен быть чрезмерно широким. Неоправданное использование качественных оценок взамен определенных юридических фактов может привести к дестабилизации правового регулирования. Вместе с тем при соблюдении ряда условий качественные оценки (качественные оценочные факты) могут стать его надежным средством.

К числу этих условий следует отнести развитие и совершенствование культуры оценочной деятельности, которая предполагает строгое соблюдение процедуры оценки, тщательное оформление ее результатов. Уже одно это само по себе дисциплинирует ее участников. В тех случаях, когда оценочная деятельность затрагивает права и интересы граждан (например, если оцениваются служебное соответствие работников, их квалификация), им должна быть обеспечена возможность принять участие в обсуждении, дать объяснения в устной или письменной форме, обжаловать принятое решение, если оно представляется ошибочным.

Эффективность оценочной деятельности в немалой степени зависит от отношения к ней непосредственных ее участников. У должностных лиц, экспертов, членов коллегиальных совещательных органов должно сформироваться твердое убеждение, что они привлечены к выработке высокоценной управленческой и правовой информации, на которую будут опираться многие последующие решения. В общественном мнении должна укрепиться мысль, что оценочная деятельность – ответственное и престижное дело, свидетельствующее о высокой компетентности работника, его причастности к решению ключевых

проблем социального развития. Определенное значение в этом плане имеет совершенствование форм стимулирования (в том числе и материального) за компетентность и высокое качество оценочной деятельности.

Оценочная деятельность может быть эффективной лишь при условии правильного определения "узла оценочности" в системе общественных отношений. В правовом регулировании необходимо точно очертить, какие обстоятельства являются оценочными, а какие носят социально-определенный характер и лишь устанавливаются компетентными органами. При этом целесообразно, по нашему мнению, вместо множества оценок, рассеянных по всем частям нормативного акта или правового института, создавать крупные "узлы оценочности". Оценочную деятельность в таком случае легче контролировать, ее результаты обладают большей надежностью.

Следующее условие эффективной оценочной деятельности – разработка критериев (стандартов) качественной оценки. Значительная роль субъективного фактора в качественной оценке не означает, что она сводится к беспелляционному утверждению "я думаю так". В качественной оценке, как отмечалось, не может быть исчерпывающих стандартов, но определенные ориентиры в ней могут и должны быть. Важно, чтобы участники оценочной деятельности проявляли известное единство в понимании содержания и пределов "качества", в противном случае коллективная оценочная деятельность будет невозможной.

Уже подчеркивалось, что качественная оценка не исключает использования количественных показателей. Например, количество авторских свидетельств – один из показателей творческих возможностей инженера, количество отмененных и измененных приговоров и решений – показатель качества работы судьи. Но единство качественных и количественных показателей относительно, оно не должно приводить к подмене качественной оценки набором "простых" количественных индексов. В частности, высокий процент измененных и отмененных судебных актов может объясняться тем, что судье поручаются особо сложные дела. Разумеется, количественный показатель в этом случае не отражает действительной квалификации должностного лица.

Необходимо выбрать далее надежный способ формализации качественной оценки. В теории социального управления выработано немало способов формализации: экспертные оценки, тестовые методики, балльные системы и др. Задача заключается в том, чтобы в каждом конкретном случае найти оптимальную методику, обеспечивающую получение наиболее надежных результатов. Как показывает практика, это совсем не просто. Министерство тракторного и сельскохозяйственного машиностроения, например, применило пятибалльную шкалу оценок для анализа деятельности подчиненных промышленных объединений. При этом учитывались такие показатели, как степень удовлетворения потребности страны в продукции отрасли, объем народно-хозяйственного эффекта от выпускаемых машин, технический уровень

производства, напряженность планов, ритмичность производства и др. Пять баллов получало объединение, которое реализовало все показатели, размер премии при этом увеличивался вдвое. Оценка "четыре" влекла получение премии в полуторном размере и т.д. <34>. Оцениваемые параметры, как можно заметить, достаточно сложны. Вряд ли относительно простая пятибалльная система способна надежно дифференцировать различные ситуации в данной области отношений.

Важное условие эффективной оценочной деятельности – высокая ответственность участников за ее результаты. Ведомственный подход, местничество, некомпетентность порой проникают в оценочную деятельность, накладывая отпечаток на отдельные решения в области технической и экономической политики. Для предотвращения подобных явлений важно использование не только персональных, но и коллегиальных форм ответственности (по типу ответственности Ученого совета перед ВАК СССР). Ответственность за качественную оценку должна органично сочетаться с ответственностью за реализацию мероприятий, которые из нее вытекают. Резкая поляризация "экспертов" и "исполнителей", когда одни лица вырабатывают оценку, а другие – несут на себе тяжесть реализации, может вызвать эрозию оценочного механизма, рассогласование системы управления в целом.

В использовании качественных оценок возможны две крайности. Одна – безграничное доверие к оценочной информации, признание ее непогрешимой. Следует сознавать, что качественные оценки есть лишь один из способов отражения сложной и противоречивой реальности. В процессе принятия решений они должны использоваться в совокупности с социально-определенными обстоятельствами, количественной информацией и т.п. Другая крайность – пренебрежение оценочными фактами. Компетентную, выработанную с соблюдением установленной процедуры оценку недопустимо произвольно пересматривать. Для государственных органов она должна иметь четко выраженный юридический статус – рекомендательный, управомочивающий или обязывающий. Игнорирование качественных оценок в государственном управлении может привести к снижению либо к полной утрате ценных качественных характеристик явлений и процессов общественной жизни.

Глава V. Некоторые проблемы фактических систем

Общественным отношениям свойственна системность. Социальные процессы, явления, ситуации существуют во взаимодействии, более или менее тесной внутренней взаимосвязи. Юридические факты – средство отражения данной системности, перевода ее в плоскость правового регулирования. Можно ли говорить в связи с этим о какой-то особой системности юридических фактов? Образуют ли они систему? И если да, то что лежит в ее основе?

Можно указать три системообразующих фактора. Во-первых, юридические факты – не изолированные действия и события, они возникают в соответствии с логикой развития социалистических общественных отношений. И в этом смысле системность юридических фактов есть отражение и продолжение системности общественных отношений. Во-вторых, юридические факты предусматриваются в нормах права, представляющих собой достаточно развитую систему. Правовые нормы закрепляют взаимосвязь и взаимозависимость юридических фактов различных отраслей, институтов, нормативных актов (регулятивных и охранительных, материальных и процессуальных). Таким образом, в массиве юридических фактов как бы отпечатывается системность, свойственная юридическим нормам. В-третьих, юридические факты в качестве элемента механизма правового регулирования должны использоваться комплексно, системно. "Фактики, – писал В.И. Ленин, – если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще похуже" <1>. Рациональное использование всего "фонда" юридических фактов требует подхода к ним как к системе. Настоящая работа не претендует на то, чтобы поставить все проблемы системности юридических фактов. Будут рассмотрены лишь три вопроса, которые представляются наиболее актуальными: выбор юридических фактов, системные связи между ними, приемы использования юридических фактов в правовом регулировании.

1. Какие социальные обстоятельства могут и должны иметь юридическое значение? Как из массы важных и второстепенных признаков социальной ситуации выбрать именно те, которые должны стать юридическими фактами? Это далеко не второстепенный вопрос. "Правовое регулирование общественных отношений, – справедливо отмечает Д.А. Керимов, – оказывается тем эффективнее, чем точнее оно выражает реальные политические, экономические и духовные условия, процессы и потребности развития общества" <2>. С этой точки зрения выбор юридических фактов – одна из сторон тонкого, точного регулирования общественных отношений.

Отправной момент выбора юридических фактов – выявление их места в структуре правового регулирования. Прежде чем конструировать конкретные составы, необходимо решить вопрос, каким методом будут регулироваться данные отношения, какая группа правовых средств будет привлечена для их упорядочения. Только в этом контексте можно установить функции юридических фактов – действительную роль сроков, состояний, договоров, односторонних актов и т.п. – в регулировании общественных отношений. В структуре правового регулирования, как уже отмечалось, принципиальное значение имеет соотношение между строго определенными юридическими фактами и актами индивидуального регулирования. Для административного метода это соотношение одно, для гражданско-правового или уголовно-правового – иное. Неверное установление места юридических фактов в общей картине правового регулирования – стратегическая ошибка, способная снизить их роль в правовой системе.

Следующий шаг в выборе юридических фактов – определение социальной ситуации (вида ситуаций), служащей предметом правового воздействия. Задача заключается в том, чтобы в цепи общественных отношений найти звено, допускающее правовое регулирование. Далеко не каждый участок общественных отношений пригоден для данных целей.

Подобная социальная ситуация, по нашему мнению, должна быть объективно контролируемой, т. е. поддаваться социальному контролю с использованием правовых средств. Большое значение имеет наличие сложившихся институтов контроля, надежных организационных средств, временных, материальных и кадровых ресурсов и др. Но дело, конечно, не только в этом. Решая вопрос о выборе ситуации, следует исходить из ее содержания, состава участников, места в системе общественных отношений. Необходимо учитывать и возможные побочные последствия правового регулирования данной ситуации.

Социальная определенность – еще одна обязательная черта ситуации, подлежащей юридическому регулированию. Достаточно определенными должны быть участники отношений, их социальные роли, характер социального противоречия и т. д. Ситуации многовариантные, с большим количеством модификаций, затрудняют правовое регулирование, поскольку правотворческий орган сталкивается с необходимостью охватить единым правилом большое число неоднородных случаев. Трудности возникают и в правоприменительной практике при квалификации таких ситуаций. Легко объяснить в связи с этим ту дискуссионность, которая существует в науке уголовного права вокруг понятия "хулиганство" <3>. Данное понятие охватывает чрезвычайно широкий круг неоднородных ситуаций. Между тем в юридической науке давно подмечена закономерность: чем больший круг правоограничений предусмотрен санкцией нормы, тем более точно должны быть определены действия, за которые она применяется <4>. Разумеется, существует немало случаев, когда законодательство вынуждено регулировать ситуации с большим количеством вариантов. Подобную

ситуацию, как правило, можно "разделить" на несколько относительно простых. Это позволяет избежать "уязвимого звена" в структуре правового регулирования, обеспечить более надежную регламентацию общественных отношений.

Правильное определение структуры правового регулирования в целом и непосредственного участка воздействия (социальной ситуации) позволяет сделать завершающий шаг – перейти к выбору юридических фактов. Выбор юридических фактов – сложная творческая задача, решаемая в процессе разработки нормативных актов, при кодификации законодательства и в ряде других случаев. Вряд ли здесь возможен перечень правил, одинаково пригодных для каждой отрасли права. Но некоторые общие принципы выбора юридических фактов, по нашему мнению, существуют. Мы сформулируем их в форме требований, которым должны, как представляется, отвечать юридические факты.

Требования к юридическим фактам можно подразделить на две группы: социологические и специально-юридические. Первая группа обусловлена особенностями социального содержания фактов, способом их связи с социальной ситуацией. Вторая – вытекает из особенностей права, которые не могут не учитываться при выборе юридических фактов.

Рассмотрим первую группу требований. По своему социальному содержанию юридический факт прежде всего должен *адекватно отражать социальную ситуацию*. По отношению к социальной ситуации юридические факты выполняют двоякую роль. Во-первых, идентификационную, поскольку они призваны точно обозначить социальную ситуацию, обеспечить ее фиксацию в правовом регулировании. В этом качестве юридические факты выступают в роли "индексов", свидетельствующих о наличии социально-юридической ситуации. Во-вторых, разграничительную, состоящую в том, что юридические факты очерчивают рамки ситуации, позволяют отграничить ее от сходных случаев*.

В качестве юридических фактов должны выступить постоянные, стабильные элементы социально-юридической ситуации, отражающие ее социальную сущность, причем в регулировании однотипных ситуаций необходимо соблюдать известное единообразие, которое не всегда выдерживается. Например, в Литве рабочий или служащий вправе отозвать свое заявление о расторжении трудового договора только до издания администрацией приказа об увольнении (ст. 41 КЗоТ Литовской ССР). В Армении можно отозвать свое заявление, если на это место не был приглашен новый работник (ст. 34 КЗоТ Армянской ССР). В законодательстве Украины вопрос решен иным образом: если работник не оставил работу и не требует расторжения трудового договора, администрация не вправе

* Аналогичные функции выполняют факты, используемые в социологическом исследовании. "Маркировка" социальных ситуаций, отграничение одного круга событий от другого – ключевой вопрос конкретно-социологического исследования (см.: Рейзема Я. В. Информационный анализ социальных процессов. Проблемы социологической информатики. М., 1982, с. 125 – 126).

его уволить по ранее поданному заявлению <5>. Подобное различие в юридических фактах, когда речь идет об аналогичных ситуациях, вряд ли можно признать обоснованным.

Важное требование, предъявляемое к юридическому факту, – его *юридическая надежность*. Эта характеристика отражает, с одной стороны, постоянство связи факта с социальной ситуацией, а с другой – стабильность его социального содержания. Неустойчивые, склонные к внутренним изменениям обстоятельства не должны, как правило, использоваться в качестве юридических фактов. Недостаточно устойчивым, например, оказался такой юридический факт, как средний балл по аттестату зрелости, который учитывался ранее при поступлении в вуз. Из года в год наблюдался рост средних баллов в аттестатах, который, однако, не отражал действительного качества знаний <6>. Подобные "плавающие" факты требуют осторожного к себе отношения. Их использование может существенно исказить социальный эффект правового регулирования. Вопрос о причинах ненадежности юридических фактов заслуживает специального рассмотрения. Здесь отметим лишь, что она может быть вызвана неудачной конструкцией правового регулирования, отсутствием юридических гарантий, в частности ответственности за фальсификацию юридических фактов, недостатками в работе фактофиксирующих органов и другими обстоятельствами.

Юридическому факту, далее, должна быть свойственна *адаптивность*, способность в известном смысле "приспосабливаться" к меняющимся условиям. Может показаться, что данное требование противоречит требованию надежности, но на самом деле этого противоречия нет. Например, ч. 2 ст. 465 ГК РСФСР, регулируя возмещение вреда здоровью подростка, опирается на такой юридический факт, как "средний заработок неквалифицированного рабочего в данной местности". Очевидно, этот заработок – величина переменная. По мере повышения уровня жизни в данной местности будет увеличиваться и размер возмещения по делам о причинении вреда. Следует отчетливо сознавать, что в меняющемся мире нет и не может быть абсолютно неизменных фактических обстоятельств. С течением времени социальный смысл и юридическое значение фактов могут существенно модифицироваться. Поэтому чрезмерная "жесткость" юридических фактов столь же нежелательна, сколь и их необоснованная "текучесть". Адаптивность не противоречит надежности юридических фактов, а, напротив, дополняет ее, выступает одним из аспектов надежности.

Важное значение при выборе юридических фактов имеет учет социальных, психологических, информационных и иных факторов, определяющих динамику социальной ситуации. В данном случае с особой отчетливостью проявляется то обстоятельство, что правовое регулирование – элемент социального управления и должно подчиняться общим его принципам. Юридические факты, как и все социальное управление, необходимо связывать с коренными социальными интересами, конечными результатами деятельности. Нарушение этого принципа приводит к тому, что, например, председателю колхоза бывает "выгодней"

оставить урожай картофеля под снегом, чтобы снизить показатель невывезенного остатка, железнодорожному диспетчеру – затормозить движение на соседних участках, чтобы обеспечить "благополучие" на своем, телефонистке – не отвечать на телефонные звонки и т.д. Неточно выбранные показатели (производные юридические факты) становятся причиной появления ложных интересов, вместо стимулов правовое регулирование создает "антистимулы" <7>.

К юридическим фактам предъявляются, как уже отмечалось, "специально-юридические" требования. Нельзя забывать, что юридические факты представляют собой элемент юридической формы общественных отношений, одно из средств правового регулирования. Поэтому каждый новый факт должен органично включаться в процесс правового регулирования, не быть "инородным телом" среди юридических фактов отрасли, правового института, нормативного правового акта. Каковы специально-юридические критерии выбора юридических фактов?

В качестве юридических фактов могут выступать лишь такие социальные обстоятельства, которые можно закрепить формально, наличие или отсутствие которых можно с достоверностью установить. Например, в качестве юридических фактов иногда указываются старость, творчество, здоровье и т.п. <8>. Вряд ли эти социальные обстоятельства, сами по себе достаточно существенные, могут быть юридическими фактами. Так, невозможно установить, когда наступает старость. В данном случае юридическое значение могут иметь возраст, инвалидность и др., но не старость, не здоровье. В отборе юридических фактов важно учитывать, далее, существующую систему фиксации и удостоверения юридических фактов. Если социальное обстоятельство никем не фиксируется, оно вряд ли может быть использовано в качестве юридического факта. Например, в настоящее время не существует единообразной регистрации дисциплинарных проступков, некоторых других видов антиобщественных действий. Это препятствует использованию данных фактов в качестве юридических. Наконец, в выборе и закреплении юридических фактов нельзя не считаться с правовыми традициями, сложившимися установками практических работников. Новое, необычное обстоятельство может быть неверно понято и неправильно истолковано. Определенную традицию надо поддерживать и в выборе наименования документов, содержащих фактическую информацию (протокол, акт, справка и т.п.).

Область юридических фактов не остается неизменной. По мере развития общественных отношений, совершенствования системы правового регулирования некоторые факты могут утрачивать свое юридическое значение, другие – его приобретать. Например, размер экономии, полученной от изобретений технологического характера, в свое время не имел юридического значения и не учитывался. Развитие правового регулирования сделало этот факт юридически значимым <9>.

Точный выбор юридических фактов не только специально-юридическая, но и важная социально-политическая проблема. Неверное определение круга юридически значимых обстоятельств делает рамки запрещенного и дозволенного расплывчатыми, нечеткими. Это снижает ценность права, создает условия для "обхода закона" и различных злоупотреблений. Напротив, точное определение в нормах юридических фактов способно повысить эффективность правового регулирования, оказать позитивное воздействие на экономику, социально-политическую и культурную жизнь общества.

2. Точный выбор юридических фактов – первое, но не единственное условие построения их оптимальной системы. Любая система – это неразрывное единство элементов и соединяющих их системных связей – структуры <10>. Каковы же системные связи юридических фактов?

Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо еще раз уточнить аспект исследования. Система юридических фактов может пониматься в двух смыслах – материальном и идеальном. В первом – речь идет о взаимосвязи реальных, возникающих в жизни фактических обстоятельств; во втором – о системной связи юридических норм, точнее, их гипотез, в которых закреплены модели юридических фактов. Нас интересуют системные связи реальных фактов, однако, как того требуют задачи теоретического исследования, мы будем искать в этих связях типическое, закономерное.

Можно выделить различные типы связей между юридическими фактами: генетические и функциональные, координационные и субординационные, положительные и отрицательные и др. Генетические связи существуют, например, между фактом-состоянием и юридическими фактами, обусловившими возникновение этого состояния; функциональные – между элементами фактического состава. Взаимоотношение материальных и процессуальных фактов может быть рассмотрено с точки зрения координации и субординации фактических обстоятельств. Связи положительного типа наблюдаются в тех случаях, когда один юридический факт предполагает существование другого (например, высшее образование предполагает наличие среднего), связи отрицательного типа – когда один факт исключает существование другого (например, состояние в браке исключает другой зарегистрированный брак). Возникает вопрос, что представляет собой система юридических фактов, к какому типу систем она относится?

Система юридических фактов, на наш взгляд, должна быть отнесена к классу *больших систем*. Понятие большой системы широко используется в настоящее время в экономической науке, социологии и других общественных науках, но его источником является кибернетика <11>. В научной литературе существуют различные подходы к определению данного понятия. По мнению Д.А. Поспелова, большая система характеризуется следующими признаками: невозможностью полной формализации объекта управления; непостоянством структуры и функционирования объекта управления; многоканальностью

управления и нечеткостью самих критериев целесообразности; наличием в данных системах людей, обладающих свободой действий <12>. Очевидно, что система юридических фактов в целом удовлетворяет признакам большой системы. Для системы юридических фактов характерны:

а) большое число элементов: фактическая система включает значительное количество юридических фактов, групп юридических фактов, составов всех отраслей советского права;

б) непостоянство элементного состава и структуры: с течением времени новые факты вводятся в юридический оборот, другие – выбывают из оборота; система расширяется за счет индивидуально-определяемых фактов; под воздействием различных факторов меняются связи между фактами и т.д.;

в) значительная распределенность элементов в пространстве и времени: юридические факты возникают на всей обширной территории государства, а в известных случаях – и за его пределами. В результате формируется обширный, определенным образом ориентированный в пространстве и времени массив фактических обстоятельств;

г) наличие "человеческого фактора". Системе юридических фактов, как и многим другим правовым явлениям, свойственно тесное переплетение объективного и субъективного. "Человеческий фактор" проявляет себя, в том, что именно человек сознательно конструирует и совершенствует данную систему, именно человек выступает "автором" подавляющего большинства юридических фактов;

д) относительная замкнутость: юридическими фактами являются не всякие социальные обстоятельства, а лишь такие, которые прямо предусмотрены в нормах права либо допускаются ими. Область юридических фактов ограничена предметом правового регулирования. Обстоятельство, существующее за этими рамками, не может включаться в фактическую систему.

Указанные признаки позволяют сформулировать определение: *большая фактическая система* – это широкий комплекс юридических фактов, взятых в масштабе нормативного акта, правового института, отрасли права или всей правовой системы за определенный отрезок времени.

Интересный и сложный вопрос – типология фактических систем. В порядке первого приближения их можно подразделить на открытые и закрытые <13>. Открытые – допускают появление элементов, прямо не предусмотренных действующим законодательством. Например, согласно ст. 4 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, гражданские права и обязанности возникают не только из оснований, предусмотренных законодательством, но и из действий граждан и организаций, которые хотя и не предусмотрены законом, однако в силу общих начал и смысла гражданского законодательства порождают гражданские права и обязанности. Закрытыми являются фактические системы, элементный состав которых установлен исчерпывающе. С наибольшей точностью определены, например, юридические

факты в уголовном законодательстве. Преступлениями являются прямо предусмотренные уголовным законом общественно опасные деяния (ст. 3 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик).

Существующие в настоящее время фактические системы не всегда оптимальны и, по нашему мнению, нуждаются в совершенствовании. Использование системных связей юридических фактов в известной мере – резерв правового регулирования. Каковы же возможные направления совершенствования больших фактических систем?

В научной литературе отмечается, что некоторые юридические факты несут *неоправданно большую нагрузку*. Так, в правовом регулировании труда медицинских работников значительное место принадлежит специальному трудовому стажу. Оплата труда, присвоение почетных званий, повышение квалификации и многие другие правовые возможности поставлены в прямую зависимость от стажа. Преувеличенное значение специального стажа мешает профессиональному росту молодежи, не стимулирует к повышению профессионального мастерства лиц с большим стажем, не способствует росту качественных показателей в деятельности работников здравоохранения <14>. Очевидно, что в системе юридических фактов, сложившихся в области здравоохранения, должны быть "пересмотрены приоритеты".

Важное требование к системе юридических фактов – стыковка юридических фактов (составов). Фактические предпосылки сопряженных правовых отношений должны "стыковаться" во времени, в пространстве, не содержать несовместимых юридических фактов. Например, в состав отчетности о производстве промышленной продукции (форма-П), срок представления которой установлен 3-го числа каждого месяца, включен показатель по расходу фонда заработной платы. Но отчетность по расходу фонда заработной платы представляется лишь 7-го числа. К этому приспособлена вся методика ее начисления и учета. Предпосылки возникновения двух различных обязанностей оказались, таким образом, несостыкованными во времени <15>. Напротив, обеспечение взаимосвязи юридических фактов и составов различных правоотношений создает заметные преимущества. Например, основанием для оплаты проезда в командировке является предъявление проездного билета. Он снабжен для этого необходимыми реквизитами. Таким образом, билет выполняет двоякую функцию – проездного и отчетного документа. В данном случае видно, что "стыковка" позволила сократить отчетность и документооборот, упростила правовое регулирование.

В ряде случаев юридические факты и составы одних правоотношений не просто стыкуются, а непосредственно *привязываются* к юридическим фактам и составам других правоотношений. Например, осужденный может быть оставлен в следственном изоляторе для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию, в частности при условии, если он впервые осужден к лишению свободы за преступления, не являющиеся тяжкими (ст. 16, ч. 1, Исправительно-трудового кодекса РСФСР). Регулирование трудового отношения в следственном изоляторе,

таким образом, поставлено в зависимость от оснований возникновения "первичного" уголовно-правового отношения. Этим достигается упрощение оснований возникновения "вторичных" правоотношений, обеспечивается взаимосвязь и взаимозависимость правовых связей. В данном случае подчиненность одного правоотношения другому представляется оправданной. Но нельзя не видеть, что подобная "привязка" имеет пределы. Юридические факты, к которым "привязывается" возникновение другого правоотношения, должны быть в достаточной степени надежными, иначе ошибочное возникновение одного правоотношения повлечет ошибочное возникновение другого. Есть еще одна причина, заставляющая с осторожностью подойти к подобной "привязке". Упрощая основания возникновения правоотношений, она в то же время ведет к усложнению связей между ними. Юридические факты и составы правоотношений оказываются в многочисленных "перекрестных" взаимосвязях. Очевидно, что для подобных связей существует разумный предел. Его превышение приводит к тому, что "право начинает порождать право", возникает почва для разнообразных формально-юридических коллизий.

Юридические факты существенно различаются по признаку динамизма, подвижности. Одни юридические факты отражают относительно стабильные социальные обстоятельства, другие – подвижные. По нашему мнению, в большой фактической системе желательна *локализация узлов частых изменений*. Система юридических фактов в целом выигрывает, когда динамичные, изменчивые фактические обстоятельства закрепляются в специальном нормативном акте, приложении к нормативному акту и т. п. В качестве примера можно привести Список производств, цехов, профессий и должностей с вредными условиями труда, работа в которых дает право на дополнительный отпуск и сокращенный рабочий день. По характеру закрепленных фактов этот список не может быть стабильным, периодически в него вносятся изменения. Использование данного списка ограждает от частых изменений другие нормы трудового и пенсионного законодательства, стабилизирует всю систему юридических фактов, используемых отраслевым законодательством. С точки зрения юридической техники, целесообразно установить определенную периодичность пересмотра (и переиздания) такого рода перечней. Это гарантировало бы, что правоприменительные органы и граждане будут руководствоваться действующим, а не устаревшим и отмененным документом.

Большая фактическая система – не застывшее навсегда образование. Значительный научный и практический интерес представляет изучение динамики больших фактических систем. Их изменение определяется двумя факторами – развитием общественных отношений, которые рождают (или больше не рождают) определенные юридические факты, и совершенствованием правовых норм. При этом темпы развития отдельных "участков" фактической системы неодинаковы. Н.Ф. Кузнецова отмечает, например, что в уголовных кодексах существуют нормы, которые с момента принятия закона и до настоящего времени изменились

3 – 5 раз <16>. Неравномерность и недостаточная координированность развития отдельных участков фактической системы могут привести (и практически приводят) к утрате системных связей. В процессе совершенствования законодательства следует стремиться к устранению "чересполосицы" фактических обстоятельств, восстановлению и развитию системных связей между юридическими фактами.

3. Эффективность правового регулирования складывается в конечном счете из эффективного использования его конкретных элементов – норм права, актов применения, юридических фактов и др. Каждый элемент системы может вносить свою "лепту" в конечный эффект, а может и тормозить его. Многое зависит от избранного приема правового регулирования.

Что представляют собой приемы правового регулирования, каково содержание данного понятия? Установление прав, обязанностей, запретов, закрепление юридических фактов и т.п. может осуществляться различными способами. Приемы правового регулирования, как представляется, это эмпирически найденные, наиболее эффективные способы использования юридических средств. Другими словами, – это оригинальные, творческие законодательные находки, оправдавшие себя на практике. Приемы правового регулирования примыкают и в известной степени перекрещиваются с приемами юридической техники. Последние – тоже результат изучения и обобщения опыта законодательной деятельности, среди них тоже могут быть интересные находки, своего рода "юридические изобретения" <17>. Но все же приемы правового регулирования и приемы юридической техники не тождественны. Первые – связаны с внутренним содержанием правового регулирования, вторые – с его внешним выражением и оформлением*.

Проблема приемов правового регулирования заставляет затронуть более общий вопрос – о роли в науке систематизированного опыта. По нашему мнению, систематизированный опыт представляет собой часть научного знания, которая не совпадает с теорией. Систематизированный опыт – предмет для дальнейшего научного обобщения, один из источников, питающих теорию. Но его задачи этим не ограничиваются. Систематизированный опыт позволяет увидеть новые, назревшие проблемы, требующие разрешения проблемные ситуации. Он выступает в качестве одного из критериев истинности при обсуждении перспективных идей и направлений в науке. Обобщение опыта необходимо для выявления и распространения передовых образцов деятельности и т.п. Таким образом, систематизированный опыт выполняет разнообразные и ответственные

* В связи с этим следует согласиться с критическим замечанием З.Д. Ивановой, высказанным в наш адрес: выбор элементов в фактический состав, совершенствование структурных связей в составе и т.д. – это приемы правового регулирования, а не юридической техники (см.: Иванова З.Д. Юридические факты и возникновение субъективных прав граждан. – Сов. государство и право, 1980, № 2, с. 34).

задачи <18>. В области юриспруденции систематизация опыта, в том числе приемов правового регулирования, их использования, достоинств и недостатков, эффективности и др., – необходимая предпосылка для совершенствования законодательства, практики его применения.

Изучение приемов правового регулирования особенно важно для теории юридических фактов. Исторически сложилось так, что в этом разделе правоведения существует известный "перекос" в сторону дедуктивно-логических методов получения нового знания. Социальная и правовая действительность представлена в нем, главным образом, в виде примеров из законодательства и правоприменительной практики. Разумеется, для современного уровня науки такое положение дел не может считаться нормальным. Перспективы и само существование теории юридических фактов зависят от того, сможет ли она освоить эмпирические методы исследования. Изучение приемов правового регулирования заметно расширяет эмпирическую базу теории юридических фактов, открывает новый важный канал связи с юридической практикой.

Обратимся к рассмотрению конкретных приемов. Один из них – *опережающее наступление правовых последствий*. Существо данного приема заключается в том, что правовое последствие наступает как бы "авансом", до наступления всех необходимых юридических фактов. Этот прием применяется в некоторых формах расчетов, когда денежные суммы переводятся без волеизъявления плательщика, в трудовых правоотношениях и др.

Существование опережающего наступления правовых последствий было замечено еще в дореволюционной литературе <19>. Критикуя схоластическое, формально-догматическое объяснение этого правового явления, Ю.С. Гамбаров писал: "Не надо только подставлять под это предписание ни фикции наступления данных юридических фактов в момент, предшествующий их действительному наступлению, ни такого мистического представления, как будто последствия этих фактов возникли уже в прошлом, но оставались скрытыми от наших глаз" <20>. Мистическое объяснение, разумеется, необходимо отвергнуть, однако вопрос остается открытым: в чем причина опережающего наступления правовых последствий, каков его смысл?

Приведем конкретный пример. Существует категория рабочих и служащих, подлежащих утверждению в должности вышестоящим органом. Однако трудовое правоотношение с ними возникает сразу после издания соответствующего приказа (или фактического допуска к работе). Они трудятся в качестве "исполняющих обязанности", и лишь впоследствии оформляется весь состав фактов, необходимых для существования данного правоотношения. Выгоды опережающего наступления правовых последствий здесь очевидны: сокращается перерыв в работе, в трудовом стаже. В течение времени, необходимого для утверждения, гражданин имеет возможность трудиться и получать заработную плату. Можно сказать, что в данном случае опережающее наступление правовых последствий ускоряет развитие правоотношений, делает более быстрым

"юридический оборот". Но в приведенном примере видны и негативные стороны рассматриваемого приема. Досрочно возникшее правоотношение существует, по выражению В.Л. Гейхмана, "в состоянии неуверенности" <21>. Не вполне ясен характер этой правовой связи: охватывает ли она все содержание "нормального" трудового правоотношения либо только его часть? Наконец, под видом опережающего наступления правовых последствий может происходить скрытая девальвация правовой формы, когда граждане или должностные лица откладывают "на потом" оформление существенных элементов правовых отношений.

В законодательстве применяется и прямо противоположный прием правового регулирования – *отсрочка в наступлении правовых последствий*, когда они не наступают, несмотря на наличие заверченного фактического состава. Причиной отсрочки может быть, например, несущественное процедурно-процессуальное нарушение, обнаружившееся в ходе административного правоприменительного процесса (отсутствие в правообразующем документе одной из подписей, печати и т.п.). Компетентный орган в этом случае вправе рассмотреть дело в полном объеме и принять по нему решение. Одновременно указываются недостатки, подлежащие исправлению. Повторное рассмотрение дела происходит в упрощенном процедурном порядке: соответствующее должностное лицо или другой орган по его поручению (секретариат, бухгалтерия, отдел кадров) устанавливает, что дефект устранен, принятое решение приводится в действие <22>. Несмотря на различия отсрочки и опережающего наступления правовых последствий, эти приемы имеют сходные юридические задачи – способствовать динамизму правового регулирования, сокращению и упрощению юридических процедур. Иные задачи у отсрочки исполнения приговора в уголовном праве. В данном случае отсрочка есть одно из проявлений гуманизма советского законодательства, позволяющего не применять уголовное наказание к лицу, если его исправление и перевоспитание возможно без изоляции от общества. По истечении срока отсрочки суд выносит определение об освобождении осужденного от наказания либо о направлении в исправительно-трудовое учреждение для отбывания наказания, назначенного приговором (ст. 46.1 УК РСФСР).

Еще один прием правового регулирования – *образование "пакета" юридических фактов*. В дипломатической практике "пакетом" называют комплекс вопросов, подлежащих решению в неразрывной совокупности <23>. Указанный прием, однако, применяется и за рамками международного права. "Пакетом" можно назвать любой фактический состав, в котором искусственно соединены выгодные и невыгодные, желательные и нежелательные элементы. Назначение "пакета" заключается в том, чтобы усилить предварительное действие юридических фактов, их стимулирующую функцию. Например, в некоторых странах не выплачивают страховку за ранение в автомобильной катастрофе, если

доказано, что пострадавший не пользовался поясом безопасности <24>. "Пакет" фактов в данном случае стимулирует использование ремней безопасности.

Достоинство рассматриваемого приема регулирования заключается в том, что он не требует для своей реализации какой-либо правоприменительной процедуры. В своем действии он опирается на психологические механизмы, интересы субъектов права. Причем эффект этого действия может быть немалым. Объединяя в "пакет" различные юридические факты, можно добиться лучшей сбалансированности интересов государства, коллектива, личности в возникновении правовых отношений.

Есть у этого приема и свои теневые стороны. Объединение разнородных юридических фактов может привести совсем к иному результату, чем тот, на который рассчитывал правотворческий орган. Например, в советском законодательстве существует норма, в силу которой от предприятий и организаций не принимается статистическая отчетность об использовании изобретений до выплаты вознаграждения изобретателям. Данным правилом преследовалась цель – стимулировать предприятия к скорейшей выплате вознаграждения. Однако реальным результатом оказалось снижение числа используемых изобретений <25>. Неясны также субъекты, правомочные создавать "пакеты" фактов и область правоотношений, в которых может использоваться данный прием. Не являются редкостью случаи, когда должностные лица связывают решение вопросов, входящих в их компетенцию, с различного рода произвольными условиями. Так, выдача справки в ЖЭК ставится в зависимость от отсутствия задолженности по квартплате, разрешение на коллективный выезд в лес – от наличия в организации первичной ячейки Всероссийского общества охраны природы и т.д. <26>. Подобного рода "пакеты" фактов вряд ли можно считать законными. На наш взгляд, недопустимы какие бы то ни было "дополнительные условия" в фактических составах, определенных в законодательстве. Законный порядок регулирования отношений не должен подменяться их доморощенным "доурегулированием".

Рассмотрим в заключение еще один прием правового регулирования, который можно условно назвать *блокированием возникновения правоотношений*. Реализуя свою правосубъектность, граждане и организации вступают в многочисленные правовые отношения. Тем самым они приобретают новые права и обязанности, создают для себя новые правовые возможности. Но какие-то возможности при этом неизбежно утрачиваются. Например, заключение трудового договора с одним предприятием исключает существование второго подобного правоотношения (кроме случаев совместительства), наличие квартиры в государственном жилищном фонде не совместимо с правом собственности на жилой дом. Таким образом, в правовом регулировании существует не только проблема "стыковки" правоотношений, но и проблема "блокирования" одновременного возникновения некоторых правовых связей.

Как решается эта задача? Вот один из возможных вариантов: поступая на работу, рабочий или служащий передает трудовую книжку на хранение в отдел кадров. Это позволяет контролировать возникновение трудовых отношений, исключает "параллельные" трудовые договоры, незаконное совместительство и т.п. Передача трудовой книжки на хранение выступает как бы "ключом", блокирующим иные правовые возможности. С теоретической точки зрения интересно то, что позитивный правовой эффект здесь достигается "попутно", как побочный результат правильного оформления трудовых отношений рабочего или служащего с предприятием. Прием блокирования упорядочивает развитие системы правовых отношений, способствует скоординированному возникновению правовых связей, укрепляет единство социалистического правового порядка.

Рассмотренные приемы, разумеется, ни в коей мере не исчерпывают многообразных способов использования юридических фактов в правовом регулировании общественных отношений. Выбрать оптимальный прием регулирования – значит найти правовое средство (или сочетание юридических средств), с максимальной полнотой отвечающее содержанию регулируемых отношений. Дальнейшее изучение и систематизация приемов правового регулирования, как представляется, – одно из перспективных направлений теории юридических фактов.

Глава VI. Фиксация, удостоверение и доказывание юридических фактов

Всякий юридический факт представляет собой единство содержания и формы – внешнего выражения этого содержания. Юридические факты по своей природе таковы, что они, как правило, не могут существовать в неоформленном виде. Социальное обстоятельство лишь тогда порождает правовые последствия, когда оно определенным образом зафиксировано и установлено законными средствами в правоприменительном процессе. Такие социальные обстоятельства, как трудовой стаж, образование, нуждаемость в жилье и т.п., вообще не могут войти в правовое регулирование без их регистрации, законного процедурно-процессуального оформления. Сказанное позволяет понять значение фиксации, удостоверения и доказывания юридических фактов для их функционирования в механизме правового регулирования.

1. Система фиксации и удостоверения юридических фактов изучается под своим углом зрения отраслевыми юридическими науками. "Состав (или единичный факт), – отмечает, например, Т.М. Кузьмина применительно к пенсионным правоотношениям, – фиксируется в определенном порядке уполномоченными на то органами" <1>. В систему органов, фиксирующих факты, которые имеют значение в области пенсионного обеспечения, она включает ВТЭК, загс, комиссии по социальному страхованию, военные комиссариаты, архивы, домоуправления и др. Участники данных процедурно-процессуальных отношений подразделяются на первичные (фиксируют первоначальные факты) и вторичные (на основании фактических данных принимают решения о назначении пенсии или предоставлении иного блага) <2>.

В общетеоретическом плане вопрос о системе фиксации и удостоверения юридических фактов разработан недостаточно. Между тем это один из важнейших вопросов общей теории процессуальной формы в советском праве. Какова структура рассматриваемой системы, из каких элементов она складывается? Взятая в общем виде данная система включает в себя, во-первых, органы, организации и должностных лиц, уполномоченных фиксировать те или иные фактические обстоятельства; во-вторых, установленные законом средства фиксации и стандартные процедуры работы с ними (издание приказов, оформляющих те или иные факты; внесение записей в личные дела, в трудовые книжки; регистрация тех или иных фактов записями в журналах, составление актов и т.п.); в-третьих, действия по выдаче информации о юридических фактах (свидетельств, копий, выписок, справок и др.).

В фактофиксирующей системе необходимо различать деятельность общего и деятельность специального назначения. Общая фактофиксирующая деятельность связана с регистрацией различных фактических обстоятельств независимо от их использования в конкретных правоотношениях (фиксация стажа работы, возраста, местожительства, семейного положения и т.п.). Результаты этой фактофиксирующей деятельности могут использоваться для возникновения, изменения, прекращения самых различных правовых отношений. Специальная фактоустановительная деятельность ведется компетентными государственными органами по конкретному юридическому делу (гражданскому, пенсионному, уголовному) и осуществляется, в пределах, необходимых для разрешения именно данного дела. Результаты специальной фактоустановительной деятельности, выраженные в правоприменительном акте (решении, приговоре суда), приобретают общее юридическое значение, в том числе преюдициальное, могут использоваться для разрешения иных юридических дел.

Фиксация и удостоверение фактов – близкие, сопряженные, но все же не совпадающие виды деятельности. Фиксация представляет собой регистрационную деятельность, документальное закрепление фактических обстоятельств. Удостоверение состоит в подтверждении истинности фактов, их существования. Фиксация и удостоверение факта нередко сливаются в едином акте (например, регистрация брака, нотариальное удостоверение сделки), но они могут существовать и порознь (например, удостоверение подлинности документа, аутентичности копии).

Реальные системы фиксации и удостоверения юридических фактов существенно различаются в зависимости от характера юридического факта, его социальной значимости, области правовых отношений, с которыми связан данный факт. Рассматривая состав органов и организаций, ведающих фактофиксирующей деятельностью, можно выделить несколько групп субъектов:

а) судебные органы, фиксирующие юридические факты в приговорах, решениях, определениях; в эту же группу входят органы государственного арбитража;

б) специальные государственные органы, подразделения государственных органов и должностные лица, занимающиеся исключительно или в основном фактофиксирующей деятельностью (нотариальные конторы, загсы, ВТЭК, архивы, отделы кадров и др.);

в) иные государственные органы, организации и должностные лица, осуществляющие в пределах своей компетенции фиксацию и удостоверение юридических фактов наряду с управленческой, производственной, социально-культурной и иной деятельностью (домоуправления, главные врачи больниц, руководители учреждений, инспектора государственных инспекций и др.).

Система фиксации и удостоверения юридических фактов, таким образом, включает несколько подсистем, отличающихся далеко не одинаковым уровнем развитости, нормативной урегулированности, юридической культуры. Следствием

этого является разный уровень "юридической надежности" фиксируемых и удостоверяемых ими фактов. Различия отчасти обусловлены характером самих фактических обстоятельств, их несовпадающим значением в регулировании общественных отношений. Но очевидно и то, что сама фактофиксирующая деятельность не всегда отвечает необходимым требованиям, особенно когда она сочетается с управленческой, производственной деятельностью.

Существенным шагом в упорядочении деятельности по фиксации и удостоверению юридических фактов явилось принятие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 августа 1983 г. "О порядке выдачи и свидетельствования предприятиями, учреждениями и организациями копий документов, касающихся прав граждан" <3>. Установлено, что предприятия, учреждения и организации обязаны свидетельствовать копии документов, необходимых для представления гражданами в эти предприятия, учреждения, организации, если законодательством не предусмотрено представление копий таких документов, засвидетельствованных в нотариальном порядке. Следовательно, на субъекта, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, возлагается полная ответственность за свидетельствование всех необходимых для этого фактов.

Указ от 4 августа 1983 г. урегулировал также порядок разрешения заявлений о выдаче копий документов, которыми располагают предприятия, учреждения, организации. На такие заявления был распространен общий режим рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан, установленный Указом Президиума Верховного Совета СССР "О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан" <4>. Данный вопрос фактофиксирующей деятельности не имел до этого четкой правовой регламентации.

Вместе с тем система фиксации и удостоверения юридических фактов нуждается в дальнейшем совершенствовании. Организации, для которых фиксация и оформление юридических фактов не являются основным видом деятельности, не всегда уделяют достаточное внимание этому участку работы. Важные фактические обстоятельства закрепляются небрежно, с большим опозданием, что существенно осложняет защиту законных прав и интересов трудящихся <5>. Должностные лица и работники, выполняющие фактофиксирующие функции, практически не несут за свои действия ответственности, ибо их ошибки и упущения выявляются зачастую через много лет, когда возможность привлечения к дисциплинарной ответственности уже утрачена (ст. 136 КЗоТ РСФСР). Нередко сами граждане, вступая в те или иные правоотношения, пренебрегают их юридическим оформлением. Правовая связь складывается на ненадежной, по существу, дефектной фактической основе. Такого рода правоотношения – один из главных источников сложных "казусных" ситуаций, возникающих в правоприменительной практике. В правовой пропаганде необходимо настойчиво проводить мысль, что своевременное оформление

юридически значимых обстоятельств – не формализм, а необходимая предпосылка эффективного управления, важный элемент юридической культуры.

Нуждаются в совершенствовании процедуры фактографической деятельности. Нередко оформление юридических фактов сопряжено с созданием ненужных промежуточных документов <6>. По нашему мнению, необходимы дальнейшая унификация и стандартизация фактографических процедур. Это обеспечит простой и единообразный порядок оформления юридических фактов, своевременную и быструю выдачу свидетельств об их существовании. Более эффективно должны использоваться фактофиксирующие документы универсального назначения (паспорт, трудовая книжка, свидетельство о рождении). Недопустимо требовать представления различных справок, разрешений, отношений, если необходимые данные могут быть получены из записей в этих документах <7>. Между тем подобная практика до сих пор не преодолена <8>. Требуют осторожного отношения и критической оценки предложения "нагрузить" универсальные фактофиксирующие документы дополнительными функциями, в частности делать в паспорте отметки о совершенных правонарушениях, аморальном поведении и т.п. <9>. Как представляется, паспорт и иные документы общего характера выполняют в правовой системе достаточно важную задачу – фиксируют и официально удостоверяют гражданское состояние личности. Попытка превратить их в средство кары отрицательно скажется на осуществлении их основной функции.

2. Факты, прежде чем они проявят свое юридическое значение, должны быть надлежащим образом установлены. Установление и доказывание юридических фактов – одна из традиционных проблем юридической науки. В гражданском и уголовном процессе по этому вопросу имеется обширная литература. Определенное внимание проблеме установления и доказывания юридических фактов уделяется и в других отраслевых юридических науках <10>. Однако в общей теории государства и права этот круг вопросов сравнительно нов. Очевидно, что вслед за общетеоретическим осмыслением юридической ответственности, процедурно-процессуальной формы, состава правонарушения нуждается в таком же исследовании проблема установления и доказывания юридических фактов <11>. Настоящая работа, разумеется, не претендует на рассмотрение всего круга вопросов общей теории юридического доказывания. Затронем лишь некоторые проблемы, находящиеся на стыке теории юридических фактов и теории доказывания.

Отправной "точкой" правоприменительного процесса выступает, как уже отмечалось, юридически значимая социальная ситуация. Именно она – основание и конечный объект социально-правового организующего воздействия. Но в сферу правового регулирования социально-юридическая ситуация входит не непосредственно, а через своего "представителя" – юридический факт. Юридические факты (фактические составы) выступают непосредственным объектом процессуальной деятельности, предметом установления и доказывания.

Юридическими фактами могут быть как явления прошлого (например, правонарушения), так и обстоятельства настоящего (например, возраст, членство). В большинстве случаев они не выступают как исчерпывающе данная субъекту чувственная реальность. Правоприменительный орган (или иной субъект процессуального познания) судит о юридических фактах на основании иных связанных с ними социальных обстоятельств. В правоприменительном процессе эти вторичные фактические обстоятельства выступают в роли *доказательственных фактов*. С юридическим фактом, подлежащим установлению, доказательственные факты могут быть связаны различным образом: прямо либо через посредствующие звенья; их связь может быть необходимой либо только вероятной и т.п. Но в любом случае они представляют собой явления действительности, на которых отразились (запечатлелись) те или иные "следы", позволяющие судить о наличии или отсутствии устанавливаемых юридических фактов.

Юридические факты устанавливаются в правоприменительном процессе посредством *доказательств*. Доказательства – это фактические данные, имеющие значение для установления юридических фактов, выраженные в предусмотренной законом форме. Понятие доказательства – один из спорных вопросов советской юридической науки <12>. Наиболее конструктивен, по нашему мнению, подход к доказательствам как единству материального (фактического) содержания и законного источника (средства) доказывания. Подобное понимание доказательств, выработанное в результате длительной дискуссии об их сущности, наиболее правильно отражает диалектическое единство содержания и формы в данном явлении. Оно логично продолжает понимание юридических фактов как единства материальных фактов и их идеальной (нормативной модели). Из этого можно сделать вывод, что многие основополагающие правовые явления (правоотношения, юридические факты, доказательства) имеют сложную природу, выступают как неразрывное единство материального (фактического) содержания и юридической формы его выражения.

Завершающим этапом процесса доказывания юридических фактов является их оценка. Оценочность – неотъемлемый элемент целесообразной сознательной деятельности. Она пронизывает весь ход процессуального познания, начиная с самых первых его этапов: оцениваются различные версии, относимость и допустимость отдельных фактов, их достоверность и т.п. Наибольшую трудность, как свидетельствует практика, представляет оценка достаточности собранных по делу доказательств (меньше трудностей вызывает определение достоверности отдельных доказательств) <13>.

С точки зрения теории информации, правоприменительная деятельность может рассматриваться как процесс преобразования информации о фактических обстоятельствах дела в информацию о принятом решении. Ключевым моментом этого преобразования является юридическая оценка фактических обстоятельств, их квалификация. В каком соотношении находятся установление фактов и их

правовая оценка? Охватывается ли квалификация фактов понятием доказывания? В научной литературе существуют различные точки зрения на этот счет <14>. По нашему мнению, заслуживает внимания мысль, что в процессуальном доказывании органически сочетаются две равноценные стороны – мыслительная и практическая, находящиеся в диалектическом взаимодействии <15>. Юридическая оценка фактов (квалификация) – один из элементов мыслительной деятельности в доказывании. Предварительная юридическая оценка необходима на самых ранних этапах правового познания, она имеет организующее, направляющее значение, управляет процессом поиска и собирания доказательств. Но окончательная оценка, по нашему мнению, выходит за рамки доказывания, становится самостоятельным звеном правоприменительного процесса. Следует согласиться с В.Н. Кудрявцевым, что действия по установлению фактических обстоятельств "сами по себе не составляют содержания процесса квалификации, а лишь создают для него необходимые предпосылки (условия), обеспечивающие правильное применение закона" <16>.

Содержанием юридической квалификации является сопоставление информации о фактических обстоятельствах с их юридической моделью, закрепленной в юридической норме. Именно в результате квалификации фактическое обстоятельство признается юридическим фактом, официально приобретает качество юридического факта или состава. Ошибка в квалификации означает приписывание фактам несвойственного им юридического значения либо игнорирование фактов, имеющих юридическое значение. И первое, и второе влечет принятие необоснованного, незаконного решения.

Фактическая основа правоприменительного акта иногда включает не только факты, установленные в определенном порядке, но и некоторые другие обстоятельства. Имеются в виду факты, признанные судом общеизвестными, имеющие преюдициальное значение <17>; презумпции и фикции. Эти факты не нуждаются в доказывании, они входят в состав юридических (или доказательственных) фактов в "готовом" виде. Устранение из процесса этих фактических обстоятельств сделало бы процессуальную деятельность неоправданно формальной и казуистичной, отяжелило бы юридический процесс.

Изложенное выше, хотя и схематическое описание процесса установления юридических фактов, позволяет сделать следующие выводы:

нельзя ни отождествлять юридические факты, доказательственные факты, доказательства, ни разрывать их. Это неразрывно связанные, но не тождественные элементы процесса правового познания;

установление юридических фактов представляет собой информационный процесс, содержание которого заключается в преобразовании информации о фактах: из скрытой формы – в явную; из разрозненной – в систематизированную, упорядоченную; вероятного знания – в достоверное;

установление всех необходимых обстоятельств позволяет дать им юридическую оценку (квалифицировать) – признать или не признать за ними качество юридического факта (фактического состава).

Разграничение юридического факта и доказательственного факта нуждается в одном уточнении. Обычно доказательственные факты выступают средствами установления юридических фактов и в силу этого не включаются в предмет доказывания. Но из этого правила могут быть исключения. В ряде случаев законодательство закрепляет не только юридические факты, но и доказательственные факты, их подтверждающие. Например, ст. 48 КоБС РСФСР определяет не только главный факт, необходимый для судебного установления отцовства (рождение ребенка у родителей, не состоящих в браке), но и некоторые доказательственные факты (совместное проживание и ведение общего хозяйства, совместное воспитание либо содержание ребенка). Причина этого видится в стремлении законодателя ограничить средства доказывания наиболее надежными, позволяющими с достоверностью установить искомый факт и одновременно оградить от вторжения в область интимных отношений <18>. Доказательственные факты, следовательно, могут приобретать самостоятельное правовое значение: переходить при определенных условиях в категорию юридических фактов.

Аналогичным образом надо решить вопрос и об источниках (средствах) доказывания. В ряде случаев закон ограничивает источники доказывания тех или иных фактов. Устанавливается, например, необходимость предъявления документа в подлиннике (диплома, паспорта, трудовой книжки и др.). В подобных ситуациях источник фактической информации, по нашему мнению, также приобретает самостоятельное правовое значение, становится юридическим фактом (элементом состава)*. Использование иного источника для получения фактической информации влечет дефектность фактического состава.

Сказанное позволяет сделать вывод, что процесс – не только форма жизни закона, но и способ бытия юридических фактов. Вне юридического процесса, помимо него, значительная часть фактических обстоятельств не может быть вовлечена в правовое регулирование и не в состоянии оказать какое-либо влияние на общественные отношения.

3. Будучи единым по своей формально-логической основе, процесс установления и доказывания юридических фактов существенно различается в зависимости от степени нормативной урегулированности, детализированности процедуры, состава участников, средств доказывания, характера гарантий законности и др. В результате складываются различные процессуальные производства с неодинаковым процессуальным режимом.

Изучение процессуальных производств и режимов – одно из новых направлений в общей теории юридического процесса <19>. Под процессуальным

* Самостоятельное материально-правовое значение юридических документов отмечал, в частности, М.М. Агарков (см.: Агарков М.М. Учение о ценных бумагах. М., 1927, с. 5 – 6).

правоприменительным производством понимается "качественно однородная группа развивающихся во времени процессуальных действий по властной реализации каких-либо обособившихся материально-правовых предписаний" <20>. В качестве процессуальных производств выступают, например: в гражданском процессуальном праве – исковое и особое производство, в административном праве – производство по жалобам и заявлениям, производство о применении мер государственного принуждения <21>. Что касается процессуального режима, то это понятие охватывает качественно однородную совокупность процессуальных требований, обуславливающих своеобразие правоприменительной деятельности по рассмотрению и разрешению однотипных юридических дел <22>.

Различные процессуальные производства характеризуются неодинаковым процессуальным режимом установления и доказывания юридических фактов. С этой точки зрения классификация процессуальных производств (и вообще процедурно-процессуальных форм) представляет существенный интерес для теории юридических фактов. Попытку такой классификации, имеющую общетеоретическое значение, предпринял А.П. Шергин. Он разграничил: 1) производство в органе административной юрисдикции первой инстанции; 2) ускоренное производство; 3) специальное производство по применению административных взысканий за совершение преступлений, не представляющих большой общественной опасности; 4) производство в органе административной юрисдикции второй инстанции <23>.

Положительным в приведенной классификации является то, что автор использовал критерий развитости административно-правовой процедуры. Отрицательным – то, что, помимо этого критерия, в данной классификации использованы еще два – положение административного органа и характер правонарушения. В результате типология, предлагаемая А.П. Шергиным, построена на сложном комплексном основании и не доведена, к сожалению, до конца.

Степень развитости – наиболее важный (и наиболее сложный) критерий классификации процедурно-процессуальных форм. Сложность заключается в том, что "степень развитости" – неопределенное понятие, допускающее различные толкования. И все же приблизительная группировка по этому критерию возможна и необходима. К первой группе можно отнести простейшие процедуры (регистрационные, протокольные производства и т.п.). В них, как правило, не выделяются этапы, стадии, отсутствует подробная регламентация процессуальных действий. В фактическом составе подобная процедура представлена отдельными процедурно-процессуальными актами (например, регистрация брака или развода в органах загса). Вторая группа – процедурно-процессуальные формы средней развитости. К этой группе следует отнести процедуру рассмотрения дел в административных комиссиях, органах социального обеспечения, государственных арбитражах и др. Для них характерен более высокий уровень

нормативной урегулированности. Между участниками процесса складывается, хотя и не всегда достаточно развитая, система правовых отношений. Более совершенны и документальные формы, обслуживающие процедурно-процессуальную деятельность. К третьей группе – наиболее развитым процессуальным формам – следует отнести гражданский процесс (исковое производство) и уголовный процесс. Их отличает детальная регламентация деятельности участников на всех стадиях процесса. В результате процессуальное производство выглядит как развитый комплекс процессуальных правоотношений. С гражданским и уголовным процессом связаны (что тоже нельзя сбрасывать со счета) обширная опубликованная судебная практика, значительное число научно-вспомогательной литературы (комментариев, обзоров практики и т.п.). Все это в совокупности обуславливает высокий авторитет данной процессуальной формы, особый климат законности внутри нее, что признают даже представители буржуазной юстиции <24>. Тенденции развития процессуальной формы заключаются в дальнейшем укреплении гарантий законности, расширении сферы судебной защиты, росте культуры и морально-политического авторитета советского суда <25>.

Процедурно-процессуальные формы можно классифицировать и по другому критерию – в зависимости от "широты охвата" ими правовых отношений. В данном аспекте выделяются, во-первых, процедурно-процессуальные формы индивидуального типа. Они созданы для строго определенного вида правоотношений и не рассчитаны на использование в каких-либо других отношениях. В качестве примера можно привести процедуру приема в высшее учебное заведение. Эта достаточно развитая процедура "сконструирована" специально для данного типа правовых отношений. Во-вторых, можно выделить процедурно – процессуальные формы отраслевого типа. Они обслуживают возникновение нескольких видов правоотношений, как правило, в рамках отрасли. Производство в товарищеском суде, в комиссии по трудовым спорам – примеры отраслевых процедурно-процессуальных форм. К третьей группе – к общеправовым процедурно-процессуальным формам – следует отнести гражданский и уголовный процессы. Есть основания к тому, чтобы включить в эту группу некоторые административно-правовые производства <26>. Отличительная черта общеправовых форм – их универсальный характер. Посредством этих форм происходит установление правообразующих, правоизменяющих, правопрекращающих, регулятивных и охранительных юридических фактов многих отраслей права.

Третий критерий классификации процедурно-процессуальных форм – уровень их нормативной регламентации. По этому критерию следует разграничивать процедурно-процессуальные формы, регламентированные на уровне отдельных юридических норм; формы, регулирование которых осуществляется на уровне специального процессуального института; формы, урегулированные на уровне самостоятельной отрасли права. Уровень

нормативной регламентации той или иной процедурно-процессуальной формы, как правило, соответствует широте ее использования в регулировании общественных отношений, т.е. более универсальные формы отличаются и более обстоятельной нормативной регламентацией.

Изложенная классификация, разумеется, не претендует на разрешение всех проблем типологии процедурно-процессуальных форм. Существуют и иные классификации, ориентированные на свои научно-исследовательские задачи <27>. Дело, конечно, не в том, чтобы обязательно классифицировать своеобразные и трудносопоставимые процедурно-процессуальные производства и формы, а в том, чтобы такая классификация служила средством решения научных и практических задач. В частности, она должна помочь выбрать оптимальную процедурно-процессуальную форму для установления того или иного юридического факта (фактического состава). Необходима ли для реализации данного фактического состава развитая процессуальная форма либо можно ограничиться простой моделью процесса? Требуется ли данный юридический факт "индивидуальной" процедурно-процессуальной формы или можно опереться на одну из уже существующих "типовых" форм? Это достаточно важные практические вопросы.

На XXVI съезде КПСС отмечалось, что "совершенствование организационных структур управления не терпит косности" <28>. Устранение косных, формально-бюрократических процедур – одна из сторон этой проблемы. Правовые и социальные последствия неоптимальной процедурно-процессуальной формы можно показать на примере ранее действовавшего порядка взыскания материального ущерба, причиненного предприятию рабочим или служащим. Длительное время существовал порядок, когда незначительный ущерб взыскивался по распоряжению администрации. С 1 января 1971 г. вступила в силу иная, более сложная процедура: возмещение могло быть произведено администрацией только при наличии письменного согласия работника. При отсутствии согласия ущерб подлежал возмещению в судебном порядке. Расширение судебного порядка взыскания ущерба преследовало очевидную цель – усилить правовые гарантии охраны заработной платы рабочих и служащих. Эта задача является необходимой и важной. Но очевидно и то, что она должна решаться не за счет искусственного усложнения правовых процедур. Немного находится лиц, отмечал Б. Пугинский, добровольно признающих свою вину и согласных хотя бы частично возместить причиненный ущерб. Оформление исковых материалов требовало немалых затрат труда и времени. Да и общественное мнение складывалось не в пользу руководителей, "таскающих по судам" своих работников <29>. Как показал опрос работников юридических служб 335 предприятий страны, причиненный работниками ущерб взыскивался редко или вообще не взыскивался более чем в половине случаев. Средний размер возмещения по отчетным данным 55 предприятий выборочной совокупности (за 3 года) составил 2 – 3% от суммы причиненного ущерба <30>. Неоптимальность процедуры взыскания материального ущерба с рабочих и служащих отмечалась и

другими учеными, специально обращавшимися к исследованию этой проблемы <31>. В постановлении Совета Министров СССР и ВЦСПС от 28 июля 1983 г. "О дополнительных мерах по укреплению трудовой дисциплины" признано целесообразным вернуться к порядку возмещения ущерба по распоряжению администрации путем удержания из заработной платы работника <32>.

Неправильно, однако, полагать, что борьба с формализмом должна выражаться в упрощении правовых процедур. Формализм может выражаться и в неоправданно "легковесной" правовой процедуре, не обеспечивающей надлежащего уровня законности в установлении юридических фактов и составов. Так, отмечают В.К. Мамутов и Г.Л. Знаменский, "обоснованность процедуры (процесса), на основе которой осуществляются выплаты весьма значительных сумм поощрения по результатам оценки, имеет не меньшее значение, чем, например, обоснованность процедуры возложения на предприятия материальной ответственности по хозяйственным спорам. Между тем если последней юридическая наука уделяет довольно значительное внимание, то первая по существу выпала из поля ее зрения" <33>. Упрек представляется справедливым. Процедуры возникновения поощрительных правоотношений, как правило, менее развиты и детализированы, чем правоохранные процедуры, хотя в регулировании социалистических общественных отношений поощрение, стимулирование занимают все более видное место.

Нуждается в совершенствовании, по нашему мнению, одна из наиболее массовых правовых процедур – проверка жалоб, заявлений, писем комиссиями. Кто должен входить в состав подобных комиссий? Каковы законные методы их деятельности? В какой форме должны представляться результаты проверки и кто должен о них информироваться? Во многих случаях решение этих вопросов зависит от инициативы и опыта лиц, назначающих или возглавляющих соответствующую комиссию. В итоге результаты деятельности комиссий оставляют желать лучшего: вместо объективного установления фактов и компетентной помощи они иногда лишь "дергают" предприятия и учреждения <34>.

В настоящей главе, как можно заметить, больше вопросов, чем ответов. Это не случайно. Многие актуальные проблемы совершенствования процедурно-процессуальных форм установления юридических фактов и фактических составов ждут своего решения. Оно невозможно без отчетливого понимания того, что как усложнение, так и неоправданное упрощение процедурно-процессуальной деятельности ведут к деформации фактических предпосылок правоотношений, снижают эффективность социалистического правового регулирования.

Глава VII. Дефектность юридических фактов

В процессе установления юридических фактов нередко обнаруживается, что они имеют различного рода недостатки, дефекты. В одних случаях эти дефекты связаны с содержанием юридического факта (например, отсутствие необходимого стажа), в других – с внешней формой его выражения и закрепления (например, дефект в документе, удостоверяющем стаж). Должны ли приниматься во внимание дефектные юридические факты? Могут ли они породить правовые последствия?

1. Проблема дефектности юридических фактов не нова. Уже в римском праве можно найти немало суждений по поводу дефектов воли и волеизъявлений при заключении сделок <1>. Одновременно римское право требовало строжайшего соблюдения установленного порядка при совершении юридических действий. Малейший "дефект" мог вызвать недействительность сделки <2>. Определенное внимание проблеме дефектности юридических фактов уделяет буржуазная юридическая наука: рассматриваются недействительные договоры <3>, анализируются противозаконные административные акты <4>.

Проблема дефектности юридических фактов существует и в советской правовой системе. Нельзя игнорировать то обстоятельство, что определенная часть правовых поступков граждан, актов государственных органов и других юридических фактов содержит различного рода дефекты. Законодательство и правоприменительная практика далеко не во всех случаях считают их недействительными. Как справедливо отметил К.Л. Разумов, интересы социалистической законности, необходимость обеспечения стабильного хозяйственного оборота требуют дифференцированного подхода к дефектным юридическим фактам (сделкам), а не формального признания их недействительными <5>. Существенное значение вопросов дефектности юридических фактов для правотворческой и правоприменительной практики заставляет обратиться к теоретической стороне этой проблемы.

Какие юридические факты следует считать дефектными? Каковы критерии дефектности? По нашему мнению, существует два критерия – юридический и социальный. Юридический факт дефектен в тех случаях, когда его признаки не соответствуют модели, закрепленной в гипотезе юридической нормы. Например, лицо, не принимавшее творческого участия в разработке признаков, содержащихся в отличительной части формулы изобретения, не может быть признано соавтором изобретения <6>.

Нельзя не учитывать, однако, что в норме права закреплена абстрактная (а значит, обобщенная, упрощенная) модель фактического обстоятельства. Любой

конкретный социальный факт значительно богаче признаками по сравнению со своей нормативной моделью. Как отграничить "допустимое" своеобразие юридического факта от существенного, юридически значимого нарушения? Для этого необходим социальный критерий. На наш взгляд, дефектом юридического факта следует считать наличие в нем таких признаков, которые свидетельствуют о существенном изменении в его содержании. Так, сделка, совершенная с целью, противной интересам государства и общества (ст. 49 ГК РСФСР), дефектна именно в силу своего социального содержания, хотя она может обладать всеми необходимыми формально-юридическими реквизитами.

Дефектность юридического факта может быть абсолютной и относительной. Абсолютная – означает, что социальное обстоятельство вообще теряет юридическое значение, не может использоваться как юридический факт. Относительная – это дефектность только для данного правоотношения. Она не исключает юридической роли факта в других правоотношениях. Например, непризнание стажа дающим право на назначение пенсии на льготных условиях не исключает использование этого юридического факта для назначения пенсии в общем порядке,

Дефектность юридического факта нельзя отождествлять с противоправностью. Противоправность поступка, акта – это крайняя форма его дефектности. Но последняя может быть вызвана и такими обстоятельствами, которые не расцениваются в качестве правонарушения (отступление от формы акта, пропуск сроков, нарушение процедуры). Вместе с тем не все противоправные действия (преступления) имеет смысл рассматривать как дефектные, ибо ничто не может сделать их правомерными. Как дефектные могут выступать не только действия, но и факты-события, если они не влекут правовых последствий или вызывают их в ограниченном объеме (например, отсутствие необходимого возраста). Таким образом, дефектность факта и противоправность – не совпадающие юридические характеристики.

Необходимо разграничивать дефектность самого юридического факта и дефектность доказательств о нем. Суд или другой правоприменительный орган вправе отвергнуть доказательство, если оно отягощено теми или иными дефектами и вызывает сомнения в истинности. Заключение эксперта, например, не может быть принято как доказательство, если оно неполно и противоречиво, не содержит глубокого анализа объективных данных <7>. Однако дефектность одного из доказательств не исключает, как правило, представления иных доказательств, не означает дефектности самого социального обстоятельства (юридического факта), доказываемого в правоприменительном процессе.

Дефектность юридического факта не следует смешивать также с его неправильной юридической оценкой (квалификацией). Если первое – недостаток самого юридического факта, то второе – дефект правоприменительного процесса. Необходимость новой квалификации факта может быть вызвана и таким обстоятельством, как изменение юридических фактов непосредственно в процессе

разрешения юридического дела либо изменение действующего законодательства <8>.

2. Дефектность юридического факта имеет в своей основе дефектность социально-юридической ситуации. Дефектной следует считать такую ситуацию, в которой отсутствуют некоторые необходимые признаки либо наличествуют иные, не предусмотренные законодательством.

Ситуационный подход в данном случае позволяет увидеть, что предмет регулирования юридических норм, институтов, отраслей права складывается не из стандартных ситуаций. Внутри массива ситуаций, составляющих предмет правового регулирования, как правило, можно обнаружить "ядро" – наиболее типичную разновидность ситуаций. Именно на их разрешение ориентируется механизм правового регулирования. К ним примыкают варианты, модификации – ситуации, имеющие те или иные особенности в содержании, составе субъектов и в силу этого требующие более детального регулирования. Наконец, на самой "кромке" массива располагаются дефектные ситуации. В зависимости от того, относят дефектную ситуацию к данному массиву или не относят, и определяется ее правовое значение.

Рассмотрим в качестве примера массив ситуаций, связанных с переводом рабочих и служащих. Три группы ситуаций выделяются в нем в качестве основных, исходных: перевод на другую работу в данном предприятии, учреждении, организации; перевод на другое предприятие в данной местности; перевод на работу в другую местность (ст. 25, ч. 1, КЗоТ РСФСР). К ним примыкают несколько более узких групп ситуаций (модификаций): перевод рабочего или служащего в другую местность вместе с предприятием, учреждением, организацией (ст. 25, ч. 1, КЗоТ РСФСР); временный перевод рабочего или служащего (ст. ст. 26, 27, 135 КЗоТ РСФСР). Дефектными ситуациями в данном массиве будут перевод рабочего или служащего на другую работу без его согласия и перевод квалифицированного работника на неквалифицированные работы. Эти разновидности ситуаций специально урегулированы ст. 25, ч. 1, и ст. 28 КЗоТ РСФСР.

Изучение массива ситуаций, составляющего предмет правового регулирования, имеет не только теоретический интерес. В процессе нормотворческой деятельности, при кодификации законодательства правотворческий орган должен: правильно определить границы массива ситуаций, закрепленного за каждой юридической нормой, нормативным актом, институтом или отраслью права; выявить типичные ситуации и обеспечить их надежное регулирование; не упустить из поля зрения варианты (модификации) ситуаций, требующие более детальной регламентации. С этой точки зрения отчетливо видно, что дефектные ситуации – не какое-то случайное явление в правовом регулировании, а один из элементов предмета правового регулирования. Определение в законодательстве юридического значения дефектных ситуаций

способствует большей стабильности социалистического правового порядка, более надежной защите регулируемых правом общественных отношений.

3. Существенное научное и практическое значение имеет классификация дефектных фактических предпосылок (юридических фактов и составов). По нашему мнению, она не менее значима, чем традиционная типология юридических фактов. Такая классификация может служить подспорьем для оценки нарушений в юридических фактах и составах, помогать правильному разрешению дефектных ситуаций правоприменительными органами. Настоящая работа не претендует на рассмотрение всех аспектов типологии дефектных юридических фактов, в ней намечаются лишь некоторые подходы к решению этой важной проблемы.

Дефекты в юридических фактах и составах можно классифицировать по нескольким основаниям.

В зависимости от их *юридического значения* выделяются следующие разновидности:

несостоятельность. Этот тип дефектности выражается в том, что фактическая предпосылка не состоялась, ее нет. Социальные факты лишь имитируют некоторые юридически значимые обстоятельства, не будучи таковыми по существу. Примером несостоятельного факта является заключение брака в церкви или с лицом, неспособным понимать значение своих действий <9>. Юридически несостоятельный факт не может вызывать правовых последствий (если он одновременно не является правонарушением). Если же позитивные правовые последствия ошибочно наступили, то они подлежат полному и безусловному аннулированию;

недействительность. Этот тип дефектности заключается в том, что фактическая предпосылка возникает с существенными нарушениями, при которых невозможно наступление правовых последствий. Например, недействительным является брак, заключенный без намерения создать семью, – фиктивный брак (ст. 43 КоБС РСФСР). Несостоятельность и недействительность факта близки по юридическому значению, но не тождественны. Для наступления их правовых последствий может быть предусмотрен неодинаковый процедурно-процессуальный порядок. Законодательство допускает в известных ситуациях возможность исправления недействительных фактических предпосылок и придания им юридической силы. Так, брак не может быть признан фиктивным, если лица, зарегистрировавшие фиктивный брак, до рассмотрения дела судом фактически создали семью. Что касается несостоявшихся юридических фактов и составов, то они ни при каких условиях не могут быть признаны действительными;

частичная дефектность. Данный тип дефектности означает, что в фактической предпосылке можно разграничить "здоровую" и дефектную части. Правовое значение таких предпосылок различно: они могут повлечь возникновение дополнительных прав и обязанностей, связанных с устранением

нарушения, наступление правовых последствий в "усеченном" объеме, наконец, после устранения нарушения – полное наступление правовых последствий. Понятие частичной дефектности (недействительности) используется, например, в науке международного права. В.М. Шуршалов рассматривает ряд дефектов, с которыми может быть связана полная или частичная недействительность международного договора (ошибка, обман, подкуп представителя государства, принуждение при заключении договора и др.) <10>;

малозначительное нарушение. "Не каждый дефект акта делает его неправомерным, – отмечает Р.Ф. Васильев. – Дефекты могут быть незначительными настолько, что вообще нет надобности вносить в акт поправки" <11>. Этот тип дефектности связан, как правило, с процедурой установления юридических фактов, их документальным оформлением. Несущественные процедурно-процессуальные нарушения не должны служить препятствием для наступления правовых последствий.

Однако относиться к ним безразлично законодательство тоже не может. Наличие процедурно-процессуальных нарушений может повлечь отсрочку в наступлении правовых последствий, истребование дополнительных доказательств и т.д.

Классификация дефектов в юридических фактах и составах может быть проведена по признаку их *исправимости*. На основе этого признака нарушения в фактической предпосылке подразделяются на:

исправимые – это нарушения, которые можно исправить, восстановив полноценность фактического обстоятельства. Исправление нарушений может быть достигнуто путем совершения действий, которые не были ранее совершены, совершением повторных действий, аналогичных уже совершенным, и другими способами <12>. Исправимым дефектом фактического состава является, например, пропуск срока. Как правило, в законодательстве предусматривается возможность восстановления пропущенного срока при наличии уважительных причин;

частично исправимые – такие нарушения, которые можно исправить лишь в некотором объеме. Частично исправимыми могут быть административный акт, гражданско-правовая сделка, трудовой договор и др.;

неисправимые – это дефекты, которые невозможно исправить. Наличие неисправимого дефекта вызывает чаще всего полную недействительность юридического факта (состава).

Классификация дефектов в юридических фактах и составах может быть связана с *моментом их обнаружения*. По этому признаку все дефекты подразделяются на:

выявление до наступления правовых последствий;

выявленные после наступления правовых последствий.

Юридические последствия дефектности существенно отличаются в зависимости от того, когда обнаружено нарушение в фактической предпосылке.

На стадии формирования правоотношения может предусматриваться задержка в наступлении правовых последствий, санкция недействительности. После возникновения правовых последствий их применение существенно ограничивается.

Дефектные юридические ситуации можно классифицировать в зависимости от *степени их нормативной урегулированности*. По этому признаку они подразделяются на: урегулированные, относительно урегулированные, неурегулированные.

В первую группу включаются дефектные ситуации, непосредственно урегулированные в законодательстве. Например, ст. 35 КЗоТ РСФСР предусматривает, что увольнение рабочего или служащего по инициативе администрации без предварительного согласия профсоюзного комитета является незаконным, а уволенный работник подлежит восстановлению на работе. Таким образом, в данной области отношений законодательно регулируются не только "нормальные", но и дефектные ситуации. Некоторым дефектным юридическим фактам посвящаются целые правовые институты (недействительные сделки, неправильности в записях актов гражданского состояния). Прямое законодательное регулирование правовых последствий дефектов в юридических фактах и составах – наилучшее решение проблемы, но такое регулирование существует не всегда. Иногда в законе можно найти лишь отдельные указания, ориентирующие на тот или иной способ разрешения дефектных ситуаций, которые в этом случае следует считать относительно урегулированными. Если же в законе нет никаких указаний о юридическом значении дефектной ситуации, ее следует считать неурегулированной.

Существенным подспорьем для юридической оценки и правильного разрешения дефектных ситуаций является публикуемая судебная практика. Значительная ее часть посвящена сложным, нетипичным, в том числе дефектным, юридическим ситуациям. Так, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РСФСР указала, что удостоверение ненадлежащим лицом доверенности на совершение обмена жилых помещений влечет признание обмена недействительным <13>. Предметом судебного рассмотрения в данном случае стала дефектная ситуация в области жилищных отношений.

Классификация нарушений в фактических предпосылках может вестись по некоторым другим основаниям: степени вероятности нарушения (вероятные и исключительные); в зависимости от причины (по уважительной, по неуважительной причине); в зависимости от элемента состава (материальные, процедурно-процессуальные).

З.Д. Иванова разграничивает нарушение в главном факте и во вторичных элементах состава <14>. Развернутая типология позволяет дифференцировать различные виды нарушений в юридических фактах и составах, способствует точному определению их правового значения.

4. Возникновение дефектного юридического факта или состава – это нарушение правопорядка либо непосредственная угроза такого нарушения. Законодательство не может относиться к ним безразлично. Каким образом реагирует законодательство на дефектность юридических фактов и составов?

Один из видов юридической реакции может быть условно назван *стабилизацией правовых последствий*. Существо ее заключается в том, что в определенных ситуациях законодательство сохраняет (стабилизирует) правовые последствия, возникшие из дефектных юридических фактов или составов. Стабильность общественных отношений, регулируемых правом, представляет немалую социальную ценность. Она обуславливает стабильность правового положения граждан, надежную защиту их прав и интересов, позволяет строить отношения и жизненные планы на длительную перспективу. Важно учитывать и то, что правовые отношения тесно взаимосвязаны. Распад одного правоотношения может лишить правового основания другое, которое в свою очередь повлечет прекращение третьего и т.д. Разумеется, распад целой цепи правоотношений не способствовал бы укреплению правового порядка. Поэтому законодательство проявляет гибкость, сохраняя юридическую силу правовых отношений (семейных, трудовых), сложившихся с некоторыми нарушениями. Так, признание брака недействительным не влияет на права детей, родившихся в недействительном браке (ст. 15, ч. 2 Основ законодательства о браке и семье).

Для стабилизации правовых последствий существенное значение имеют характер нарушения и момент его обнаружения. Как правило, объектом стабилизации может быть не слишком существенный дефект фактической предпосылки, обнаружившийся уже в процессе реализации (или длительного существования) правовой связи. Стабилизация во многих случаях присутствует в скрытом, не явном виде. Представляется, что при условии точного определения пределов ее применения она может получить прямое закрепление в целом ряде институтов законодательства, связанных с регулированием дящихся правоотношений (пенсионных, земельных и др.).

Другой вид реакции на нарушение в фактической предпосылке – *отсрочка в наступлении правовых последствий* – уже анализировался выше. Он широко применяется, когда то или иное юридически значимое нарушение обнаруживается на стадии формирования правоотношения, до наступления правовых последствий. Например, установив, что исковое заявление подано с нарушением установленных требований, судья выносит определение об оставлении заявления без движения, о чем извещает истца и предоставляет ему срок для исправления недостатков. Если истец выполнит все установленные требования и уплатит государственную пошлину, заявление считается поданным в день первоначального представления его в суд (ст. 130 ГПК РСФСР). Таким образом, наступление правовых последствий откладывается до исправления всех юридически значимых недостатков. Разумеется, применение данного приема имеет вполне определенные рамки. Отсрочка наступления правовых последствий с последующим

исправлением дефектов возможна лишь в отношении исправимых дефектов, связанных, как правило, с процедурно-процессуальным оформлением юридических фактов.

Разновидностью юридической реакции на дефектность фактической предпосылки выступает *санкция недействительности*. Существо этого типа реакции заключается в аннулировании юридического значения фактической предпосылки, невозникновении правовых последствий, на которые рассчитывали субъекты. Различаются простой и сложный варианты санкции недействительности. Если первый ограничивается простым ненаступлением правовых последствий, то во втором случае дефектный юридический факт (например, приговор, административный акт) подлежит отмене.

С санкцией недействительности связан ряд дискуссионных вопросов. Прежде всего является ли она санкцией в точном смысле этого слова? В научной литературе существуют различные точки зрения на понятие "санкция" <15>. По нашему мнению, правы те авторы, которые не ограничивают понятие "санкция" мерами юридической ответственности. Непризнание юридического значения факта или состава выступает как форма государственного принуждения, следовательно, как санкция за допущенное нарушение. Санкции недействительности образуют своеобразную группу мер защиты, назначение которой заключается в том, чтобы "вывести из оборота" дефектные юридические факты и составы, устранить их правовые последствия <16>.

Существенно модифицировал свою точку зрения на санкцию недействительности О.Э. Лейст. В монографии 1981 года, в отличие от предыдущей <17>, он не относит недействительность к санкциям, так как она наступает, по его мнению, за формальные нарушения. Иначе, считает О.Э. Лейст, стирается качественное различие между противоправными, общественно вредными или общественно опасными деяниями и действиями, юридически не вполне завершенными, но правом не запрещенными <18>. Разграничивать правонарушения и действия "не вполне завершенные", конечно, необходимо. Выше отмечалось, что противоправность и дефектность – несовпадающие юридические характеристики. Однако вряд ли санкция недействительности может служить надежным разграничительным признаком. Эта санкция может применяться и за запрещенные, общественно вредные и даже общественно опасные действия (поставка недоброкачественной, некомплектной, немаркированной продукции; издание незаконного правового акта и др.). Она применяется как в сочетании с другими санкциями, так и самостоятельно. Ее назначение – отменить противоправное действие, аннулировать его юридический эффект.

Санкция недействительности, как и любая санкция, должна использоваться в строго определенных рамках. Как правило, она может применяться на стадии формирования правовой связи в отношении правообразующих юридических фактов. Если же правовые последствия наступили, то законодательство

использует эту санкцию ограниченно. Практически не встречается санкция недействительности в отношении правопрекращающих юридических фактов и составов. И это понятно: последствием ее применения явилось бы возникновение прекратившегося правоотношения. Например, возвращение лица, признанного безвестно отсутствующим, не влечет автоматического восстановления брака, расторгнутого в связи с безвестным отсутствием (ст. 42, ч. 2 КоБС РСФСР). Необходимы дополнительные факты – совместное заявление супругов, восстановление брака органом ЗАГС.

Санкции недействительности не всегда в достаточной степени регламентированы, что существенно снижает их эффект. Действующее законодательство (особенно в области административно-правовых отношений) не во всех случаях дает точные указания о том, кто и в каком порядке правомочен применять эту санкцию. В процессе совершенствования законодательства нуждаются в четком определении юридические факты и составы, к которым может быть применена санкция недействительности.

Одним из средств юридического реагирования на дефектность юридических фактов и составов при сохранении их юридической силы выступают *активные санкции*. Понятие "активные санкции" охватывает разнообразные средства воздействия, однако всем им свойствен общий отличительный признак: санкция выражается либо в перестройке фактического состава, либо в некотором изменении содержания правоотношения, либо в корректировке иных, смежных правовых отношений. Таким образом, в отличие от санкций недействительности данный тип юридической реакции носит активный, корректирующий характер. Наличие активных санкций подтверждает то, что в советском законодательстве существует разветвленная охранительная система <19>. Помимо мер ответственности, применяемых юрисдикционными органами, она включает меры защиты, превенции, оперативные санкции и др. Рассмотрим некоторые разновидности активных санкций.

Изменение содержания возникающего правоотношения. Результатом дефектности фактической предпосылки может быть появление новых прав, отпадение некоторых обязанностей, т.е. изменение в содержании правоотношения, возникающего из этой предпосылки. Например, если лицо для увеличения страхового возмещения включает в опись погибшего имущества вещи, которые фактически не погибли, не были повреждены или похищены, то у вышестоящего управления Госстраха возникает право снизить размер причитающегося возмещения до 50% <20>. Результатом частичной дефектности юридических фактов явилось, таким образом, возникновение права другой стороны (управления Госстраха) на одностороннее изменение правоотношения.

Юридическая возможность на совершение одностороннего акта, изменяющего или прекращающего правоотношение, в юридической литературе получила наименование секундарного правомочия. Это правомочие – чрезвычайно своеобразное правовое явление: ему не корреспондирует конкретная

обязанность другой стороны, оно, как правило, не переходит в притязание, вместе с тем оно представляет собой именно правомочие – конкретную правовую возможность, которая может перейти в порядке правопреемства <21>. Секундарное правомочие выступает как временная правовая возможность, возникающая у субъектов правовых отношений в связи с теми или иными нарушениями, в том числе дефектами юридических фактов. С известной долей условности его можно назвать "административным моментом" внутри гражданских, трудовых и иных правоотношений. В конечном счете назначение секундарного правомочия заключается в том, чтобы оперативно управлять развитием правоотношения в условиях изменяющихся фактических обстоятельств.

Дефектность юридического факта или состава может повлечь и другие изменения содержания правоотношения: возникновение прав и обязанностей в "усеченном" объеме, появление дополнительных обязанностей по исправлению нарушения, изменение порядка реализации прав и обязанностей и т.п.

Изменение незавершенной части фактического состава. Рассматриваемый тип юридической реакции заключается в том, что в ответ на дефектность начальных звеньев фактического состава законодательство корректирует заключительные звенья состава. Данная корректировка может выражаться, во-первых, в подключении в незавершенную часть состава дополнительных элементов. Например, заключение сделки от имени другого лица без полномочия или с превышением полномочия вызывает введение в состав дополнительного юридического факта – последующего одобрения сделки представляемым лицом (ст. 63 ГК РСФСР). Разумеется, в данном случае изменение фактического состава преследует прежде всего организационные цели – не допустить заключения ненужной, невыгодной сделки. Вместе с тем оно косвенно выступает как неблагоприятное последствие для лица, превысившего свои полномочия, т.е. как санкция. Во-вторых, корректировка незавершенной части состава может выражаться в условном признании некоторых фактов существующими (или отсутствующими). Так, если в условной сделке одна из сторон недобросовестно воспрепятствовала наступлению условия, оно признается наступившим (ст. 61, ч. 3 ГК РСФСР). Право отреагировало на дефектность фактического состава автоматическим признанием факта существующим.

Приведенные примеры интересны тем, что они показывают правовые возможности для борьбы с юридически дефектными действиями еще до возникновения правоотношения, на стадии формирования фактического состава. Это свидетельствует о том, что функции юридических фактов не ограничиваются установлением, изменением, прекращением правовых отношений. Юридические факты могут активно использоваться в механизме правового регулирования для предотвращения дефектных действий, устранения их отрицательных последствий. В этом – еще одна их дополнительная функция.

Появление или отпадение прав и обязанностей в других правоотношениях. В силу системной связи правовых отношений дефектность фактического состава одного правоотношения не безразлична для нормального осуществления иных правовых связей. Например, несоблюдение письменной формы сделки затрудняет ее доказывание в правоприменительном процессе. В законодательстве предусмотрено, что в случае подобного нарушения стороны лишаются права ссылаться в подтверждение сделки на свидетельские показания (ст. 46 ГК РСФСР). Таким образом, реакция на нарушение в фактическом составе материального правоотношения выразилась в корректировке прав субъектов в возможном процессуальном правоотношении.

Рассмотренные выше санкции реализуются двумя основными способами – в порядке самозащиты или автоматически.

Самозащита представляет собой допускаемую законом возможность односторонних действий по обеспечению своего субъективного права. Она – один из древнейших способов защиты прав. "В ранние времена развития римского и германского права, – писал Л. Эннексерус, – самопомощь имела очень большое значение... Вероятно, что государственная защита права, в частности, принудительное исполнение родилась в этих обеих правовых системах из самопомощи" <22>. Самозащитой является, например, упоминавшееся выше снижение страхового возмещения. Этот прием позволяет поднять активность участников правоотношений, ориентирует на использование различных социальных возможностей для защиты своих законных прав и интересов. Но реализация санкций в форме самозащиты имеет пределы. Как отмечают Ю.Г. Басин и А.Г. Диденко, в области хозяйственных отношений законодательство вынуждено "подстраховать" интересы должника от излишне активных действий кредитора, защищающего свои права <23>.

Автоматическое наступление санкций имеет место в тех случаях, когда негативные правовые последствия наступают непосредственно в силу указания нормы права, без каких-либо действий участников правоотношения или правоприменительных органов. В автоматическом порядке могут наступать и санкция недействительности, и некоторые активные санкции. Например, несоблюдение нотариальной формы сделки, письменной формы соглашений о неустойке, о поручительстве (ст. ст. 47, 188, 203 ГК РСФСР) влечет автоматическую недействительность этих сделок.

Достоинство автоматического порядка наступления санкций заключается в том, что дефектная юридическая ситуация разрешается на уровне самих участников правоотношений, без обращения к правоприменительным органам. Это способствует повышению "саморегулируемости" общественных отношений. Автоматический порядок не требует сложного юридического механизма, каких-либо особых процедур. В его основе лежит реальная взаимозависимость общественных отношений, которую право оформляет и усиливает, придавая ей автоматический характер.

Автоматический порядок наступления санкций имеет и негативные стороны. Далеко не всякая санкция может наступать подобным способом. Это происходит лишь в относительно простых юридических ситуациях, когда можно однозначно зафиксировать в норме права и юридические факты, и правовые последствия. Данный порядок рассчитан на добровольное признание возникших из закона правовых последствий. Если же стороны оспаривают юридические факты или не признают наступивших последствий, неизбежно обращение к юрисдикционному органу для разрешения конфликтной ситуации. Нельзя исключить и ошибочной реализации автоматической санкции. "Нарушение формы сделки, требующей нотариального оформления, – пишет Т.И. Илларионова, – отнюдь не всегда вызвано попыткой сторон обойти закон, а "автоматическое" лишение силы юридического факта иногда приводит к существенному нарушению интересов одного из контрагентов" <24>.

Использование в законодательстве автоматической санкции требует тщательного регулирования сопряженных с ней правовых отношений. В противном случае эффект от оперативного наступления правовых последствий будет сведен к нулю неэффективностью правового механизма в целом. Так, в законодательстве предусмотрено автоматическое взыскание повышенных процентов за пользование кредитом при нарушении сроков проектирования или строительства. Даже тогда, когда сроки строительства сорваны по вине заказчика, с подрядчика взыскиваются повышенные процентные ставки в полном объеме <25>. Очевидно, что автоматическая санкция в данном случае недостаточно эффективна. Она должна быть дополнена механизмом, который позволил бы взыскивать суммы с действительного виновника нарушения сроков.

Каково место активных (в том числе автоматических) санкций в системе санкций советского законодательства? Для ответа на этот вопрос необходимо принять во внимание несколько обстоятельств. Во-первых, значительная часть рассматриваемых санкций реализуется в одностороннем порядке (путем самозащиты) либо автоматически. Во-вторых, указанные санкции применяются за сам факт нарушения, независимо от вины лица, допустившего нарушение. В-третьих, задача преодоления нарушений сочетается в них с позитивными организационными функциями. Это позволяет отнести активные санкции, применяемые за нарушение в юридическом составе, к оперативным санкциям законодательства <26>.

В итоге следует прийти к выводу, что советское законодательство располагает широкой системой средств юридического реагирования на дефекты в юридических фактах и фактических составах. Использование этих средств обеспечивает дифференцированный подход к дефектным юридическим фактам и составам, сохранение (в полном объеме или частично) юридической силы за некоторыми из них.

5. Дефектные юридические факты и составы – негативное явление в правовой системе. Возникновение юридического факта с тем или иным

нарушением затрудняет нормальный процесс правового регулирования, защиту законных прав граждан и организаций. Каковы причины дефектности юридических фактов? Существуют ли средства для ее предотвращения?

Одна из основных причин дефектности юридических фактов – их скрытое перерождение. С течением общественной жизни факты не остаются неизменными. Как уже отмечалось, могут измениться общественная оценка факта, его юридическое значение. Изменения в факте бывают и внутренними, скрытыми. Они могут выражаться в расхождении между содержанием факта и внешней формой его выражения. Например, гражданин, имеющий диплом о специальном образовании, может утратить со временем необходимые знания и навыки. Но юридический факт (наличие специального образования) внешне останется без изменений. Он сохраняется, поскольку существует "внешняя оболочка" – документ, диплом. Скрытое перерождение фактов возникает и из-за расхождения между первичными и производными фактами, когда производный обобщающий показатель (такие примеры приводились) "теряет контакт" с той сферой реальности, которую он призван отражать.

Скрытое перерождение юридических фактов – не какая-то частичная проблема. "Текучесть" социальных фактов, способность их к внутренней трансформации имеет принципиальное значение. Она должна учитываться при определении "конструкции" правового регулирования в той или иной области отношений, в процессе кодификации законодательства, в правоприменительной деятельности. Очевидно, что в правовом регулировании ряда длящихся правоотношений (трудовых, земельных и др.) должен предусматриваться периодический контроль за юридическими фактами, на которых основывается предоставление прав и возложение обязанностей. Некоторые формы такого контроля существуют (например, переизбрание на должность, аттестация), но в целом проблема остается открытой. Очевидно, что правовое регулирование не может быть эффективным, если в каких-то случаях государственные органы руководствуются "видимостью фактов", не вникая в их действительное содержание.

Одна из причин (и форм) дефектности – фальсификация юридических фактов. Следует разграничивать два вида фальсификации. Во-первых, это искусственная фабрикация фактических обстоятельств, имитирующих юридические факты, чтобы добиться получения прав или освобождения от обязанностей (например, имитация болезни), и, во-вторых, создание фиктивных доказательств (фальшивых документов, справок, вещественных доказательств) о несуществующих юридических фактах. Необходимо различать также полную, частичную фальсификацию юридического факта и фальсификацию одного из элементов фактического состава.

Фальсификация юридических фактов – один из наиболее грубых видов нарушений, ибо подобным путем добиваются целей, как правило, не имеющих ничего общего с интересами общества, государства, не совместимых с

социалистической законностью. Юридические последствия фальсификации фактов определяются ее характером и теми целями, которые при этом преследовались. За некоторые виды фальсификации установлена уголовная ответственность (ст.ст. 80, 133, 152.1, 175, 180, 181, 196, 198.1, 201, 249 УК РСФСР). В других случаях законодательство ограничивается тем, что признает фальсифицированный факт недействительным. Например, если граждане совершают притворную сделку для того, чтобы "прикрыть" другую, которая ничего противозаконного в себе не содержит, то притворная сделка недействительна, но ее недействительность не лишает юридической силы прикрываемое соглашение (ст. 53 ГК РСФСР).

Фальсификация юридических фактов не всегда еще вызывает надлежащие последствия. Так, в настоящее время не привлекаются к какой-либо ответственности лица, представляющие фиктивные документы (характеристики, копии трудовых книжек, медицинские справки) в приемные комиссии учебных заведений. Не несут юридической ответственности и должностные лица, удостоверяющие подобные документы. Нуждается в совершенствовании порядок "выведения из оборота" документов, лишенных юридической силы. Оповещение в печати о том, что определенный документ (диплом, например) признан недействительным, не достигает цели, так как это не исключает его незаконного использования. По нашему мнению, в законодательстве должна быть установлена административная ответственность за отказ возвратить подлинник документа, признанного недействительным.

Фальсификация юридических фактов имеет свои причины, в том числе и объективного характера. В частности, как отмечается в печати, фальсификация нарядов, составляемых для оплаты строительных работ, во многом порождена несовершенством нормирования и организации труда в строительстве <27>. Глубокое изучение причин и условий фальсификации юридических фактов – необходимая предпосылка для успешной борьбы с этим негативным явлением.

Предупреждение дефектности юридических фактов непосредственно связано с совершенствованием правового режима документов. Как отмечает А.Б. Венгеров, в юридической науке существовала известная недооценка проблем документа <28>. В результате в правовых режимах различных видов документов (статистических, архивных, отчетных, внутриорганизационных и др.) сложились не всегда оправданные различия. Неодинаков уровень их нормативной регламентации, различаются формы ответственности за ошибку и преднамеренное искажение информации, неодинаковы правовые последствия фальсификации фактов. Требуют специального изучения условия, облегчающие фальсификацию документов. Имеется в виду неоптимальность форм документов (отсутствие необходимых реквизитов или, наоборот, перегруженность реквизитами), ненадежность технической защиты (отсутствие специальной бумаги, защитных сеток, контрольных знаков), плохая организация учета бланков документов и т.д. На наш взгляд, вопросы правового режима документов, функционирующих в

государственном управлении, должны получить комплексное регулирование в специальном нормативном акте.

Одна из перспектив предупреждения дефектности юридических фактов связана с дальнейшим внедрением вычислительной техники, средств автоматизации управления. На современном этапе становится возможным и все более необходимым создание всесоюзного централизованного учета некоторых юридических фактов – местожительства граждан, гражданского состояния, наличия жилплощади, специального образования и некоторых других. Подобный учет, ни в чем не ущемляя законных прав и интересов личности, способствовал бы значительному упрощению правовых процедур, облегчил доказывание юридических фактов, практически исключил бы необоснованное возникновение некоторых видов правоотношений, незаконное получение льгот и преимуществ. Такой учет способствовал бы дальнейшему совершенствованию социалистического правопорядка, более оперативной защите законных прав граждан и организаций.

(с. 134-144)

Примечания

К введению

<1> См.: Покровский И. А. История римского права, 4-е изд. Пг., 1918, с. 306; Хвостов В. М. История римского права, 7-е изд. М., 1919, с. 299 – 325; Римское право / Под ред. И.Б. Новицкого и И.С. Перетерского. М., 1948, с. 89 – 93, 269 – 270, 384, 539 – 540.

<2> См. об этом: Гримм Д.Д. Лекции по догме римского права. 5-е изд. Пг., 1916, с. 87.

<3> Цит. по: Manigk A. Tatsachen, juristische – Handwörterbuch der Rechtswissenschaft. В. 5. Berlin und Leipzig, 1928, S. 847.

<4> Синайский В. И. Русское гражданское право. Вып. I. Общая часть. Вещное право. Авторское право. 2-е изд. Киев, 1917, прим. 1 на с. 80.

<5> См.: Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. 2-е изд. Т. 2. СПб., 1910, с. 458 – 459.

<6> Paralegal's Encyclopedic Dictionary. By Valera Crapp. N.J., Prentice-Hall, 1979, p. 237; Jowitt's Dictionary of English Law. 2 ed. vol. I, L., Sweet & Maxwell, 1977, pp. 764 – 765.

<7> Dictionnaire de droit. 2-me ed. vol. I, P., Dalloz, 1966, pp. 31 – 55.

<8> Де ла Морандьер Л.Ж. Гражданское право Франции. Т. 1. М., 1958, с. 70.

<9> Adomeit K. Gestaltungsrechte, Rechtsgeschäfte, Ansprüche. Zur Stellung der Privatautonomie im Rechtssystem. – Schriften zur Rechtstheorie, Heft 13. Berlin, Duncker & Humblot, 1969; Novissimo Digesto Italino. Diretto da A. Azara e E. Eula. vol. VII., pp. 111 – 133.

<10> См., например: Pamm Thilo. Einführung in das Privatrecht. Allgemeiner Teil des BGB. Bd. 1, 2. Aufw., München, Deutschen Taschenbuch. Ver 1, 1974.

<11> Гражданское Право / Под ред. М.М. Агаркова и Д.М. Генкина. М., 1944, т. 1, с. 66.

<12> Пашуканис Е.Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. М., 1980, с. 43.

<13> См.: Витрук Н.В. Актуальные проблемы теории личности в свете решений XXVI съезда КПСС. – В сб.: XXVI съезд КПСС и проблемы теории государства и права. М., 1982, с. 167.

<14> См.: Материалы Внеочередного пленума Центрального Комитета КПСС 13 февраля 1984 года. М., 1984, с. 14.

К главе I

<1> Александров Н.Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М., 1955, с. 163.

<2> См.: Садовский Г.И. Диалектика мысли. Логика понятий как отражение сущности развития. Минск, 1982, с. 199 – 206.

<3> Дьяков В.А. Методология истории в прошлом и настоящем. М., 1974, с. 113.

<4> См.: Малкей М. Наука и социология знания. М., 1983, с. 54 – 76.

<5> См., в частности: Дюрягин И.Я. Применение норм советского права. Теоретические вопросы. Свердловск, 1973, с. 57 и сл.

- <6> См.: Ушаков А.А. Очерки советской законодательной стилистики. Пермь, 1967, с. 137 – 186; Научные основы советского правотворчества. М., 1981, с. 293.
- <7> Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. М., 1960, с. 246.
- <8> См.: Матюхин А.А. Нормативные условия осуществления норм советского права. – Вестник МГУ. Серия "Право", 1982, № 6, с. 67.
- <9> Подробное изложение их взглядов и критику см.: Судариков Н.Т. Социалистические правовые отношения. Канд. дисс. М., 1948, с. 420 – 422.
- <10> См.: Бернгефт Ф., Колер И. Гражданское право Германии. СПб., 1910, с. 81 – 82.
- <11> См.: Manigk, A. Uber Rechtswirkungen und Juristische Tatsachen. Ein Beitrag zur Lehre von der Willenserklärung. – Jherings Jahrbucher fur die Dogmatik des burgerlichen Rechts. Jena, 1925, SS. 459 – 486.
- <12> Петражицкий Л. И. Указ. работа, с. 456 – 457.
- <13> Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву. – Ученые труды ВЮОН НКЮ СССР. Вып. 3. М., 1940, с. 86.
- <14> Судариков Н. Т. Указ. работа, с. 421.
- <15> Дудин А. П. Диалектика правоотношения. Саратов, 1983, с. 99.
- <16> См.: Криминология. М., 1979.
- <17> См.: Гримм Д. Д. Указ. работа, с. 81 – 83.
- <18> Manigk, A. Tatsachen, juristische. – Handwörterbuch der Rechtswissenschaft. S. 855.
- <19> См.: Матюхин А. А. Нормативные условия осуществления права развитого социализма. Автореф. канд. дисс. М., 1983.
- <20> См.: Баринов О. В. Юридические факты в советском трудовом праве. Канд. дисс. Л., 1980, с. 101 – 102; Попондопуло В. Ф. Динамика обязательственного правоотношения и гражданско-правовая ответственность. Автореф. канд. дисс. Л., 1981, с. 9 – 10; Бодерскова Г. С. Юридические факты в процессе развития трудового правоотношения. Автореф. канд. дисс. М., 1983, с. 12 и др.
- <21> См., например: Гинцбург Л.Я. Социалистическое трудовое правоотношение. М., 1977, с. 210 и сл.
- <22> См., в частности: Матузов Н. И. Общие правоотношения как разновидность социалистических правовых отношений. – В кн.: Вопросы теории государства и права. Саратов, 1976, вып. 4, с. 69 – 99.
- <23> См.: Бодерскова Г. С. Юридические факты в механизме правового регулирования трудовых отношений рабочих и служащих. – В сб.: Процессуальные средства реализации конституционного права на судебную и арбитражную защиту. Межвузовский тематический сборник. Калинин, 1982, с. 183.
- <24> Подробнее о структуре и видах фактических составов см.: Исаков В.Б. Фактический состав в механизме правового регулирования. Саратов, 1980.
- <25> См.: Кудрявцев В. Н. Причины правонарушений. М., 1976, с. 34 – 38; Налетов И. З. Причинность и теория познания. М., 1975, с. 13.
- <26> См.: Баринов О.В. Указ. работа, с. 71.

К главе II

- <1> См.: Тилле А.А., Швеков Г.В. Сравнительный метод в юридических дисциплинах. М., 1978, с. 67.
- <2> Аренс Г. Юридическая энциклопедия или органическое изложение науки о праве и государстве на основании принципов этической философии права. М., 1863, с. 387 – 389;

Стальгевич А.К. Некоторые вопросы теории социалистических правовых отношений. – Сов. государство и право, 1957, № 2, с. 31; Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. М., 1958, с. 160 – 170; Manigk, A. Tatsachen, juristische. – Handwörterbuch der Rechtswissenschaft... SS. 856 – 857; Maiorca C. Fatto giuridico – Fattispecie. Novissimo Digesto Italiano, vol. VII, pp. 123 – 124.

<3> См., в частности: Криминология / Под ред. Н.А. Стручкова. М., 1982, с. 57 – 58.

<4> См.: Формальная логика. Л., 1977, с. 142.

<5> Александров Н.Г. Трудовое правоотношение. М., 1948, с. 220.

<6> См.: Формальная логика, с. 139.

<7> См.: Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии (о структуре индивидуального преступного поведения). М., 1968; Он же. Причины правонарушений. М., 1976; Он же. Право и поведение. М., 1978; Он же. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982; Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н. Генетика, поведение, ответственность (о природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения). М., 1982.

<8> См.: Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология, с. 8 – 10.

<9> См. об этом, в частности: Якуба О.М. Административная ответственность. М., 1972, с. 32 – 48; Коваль Л.В. Административно-деликтное отношение. Киев, 1979, с. 80 – 99.

<10> См.: Самощенко И.С. Понятие правонарушения по советскому законодательству. М., 1963, с. 39 – 42; Общая теория советского права. М., 1966, с. 392 – 393.

<11> Трубецкой Е.Н. Указ. работа, с. 198. О юридических фактах-состояниях писал также Ю. Барон (см.: Барон Ю. Указ. работа, с. 168).

<12> См.: Толстой Ю.К. К теории правоотношения. Л., 1959, с. 14; Общая теория государства и права / Под ред. В.С. Петрова и Л.С. Явича, т. 2; Общая теория права. Л., 1974, с. 373.

<13> См.: Красавчиков О.А. Указ. работа, с. 85 - 86.

<14> См.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое право. М., 1973, с. 529 – 530; Алексеев С.С. Общая теория права. М., 1982, т. 2, с. 177 – 178.

<15> См.: Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958, с. 173; Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974, с. 288 – 289.

<16> См. там же.

<17> См.: Рабочая книга социолога. М., 1976, с. 122; Социальные показатели образа жизни советского общества. Методологические проблемы. М., 1980, с. 207 – 212.

<18> См.: Якушев В.С. Юридическая личность государственного производственного предприятия. Свердловск, 1973, с. 171 – 191.

<19> Значительное внимание проблеме юридических фактов-правоотношений уделил О.А. Красавчиков (см.: Красавчиков О.А. Указ. работа, с. 70 и сл.).

<20> Иванова З.Д. Основания возникновения правоотношений по советскому праву. Канд. дисс. М., 1951, с. 59.

<21> См., например: Теория государства и права / Под ред. А.И. Денисова. М., 1980, с. 337.

<22> См.: Красавчиков О.А. Указ. работа, с. 160 – 170.

<23> Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. 9-е изд. СПб., 1909, с. 160 – 161.

<24> Шептулин А.П. Диалектический метод познания. М., 1983, с. 165.

<25> См.: Воронина Н.П. Правообразующие юридические факты в советском жилищном праве. Канд. дисс. Свердловск, 1982, с. 57, и сл.

<26> См.: Мельникова Ж., Целмс Г. Лучшая кафедра. – Лит. газета, 1981, № 49, 2 дек., с. 13.

<27> Кулиняк Д. Водись, рыбка! – Комс. правда, 1982, 5 дек.

<28> См.: например: Красавчиков О.А. Указ. работа, с. 80 – 93; Алексеев С.С. Общая теория права, т. 2, с. 167 – 191.

<29> См.: Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник, 2-е изд. М., 1976, с. 464 – 465.

К главе III

<1> См.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое право, с. 176 – 181.

<2> Лазарев В.В. Сфера и пределы правового регулирования. – Сов. государство и право, 1970, № 11, с. 39.

<3> См.: XXV съезд КПСС и вопросы теории государства и права. М., 1977, с. 240 – 242; Радько Т.Н. О тенденциях развития права в условиях социализма. – В сб.: XXVI съезд КПСС и проблемы теории государства и права. М., 1982, с. 49 – 50; Роль гражданского и семейного права в обеспечении конституционных прав и обязанностей граждан СССР. М., 1983, с. 11 и др.

<4> См., например: Александров Н.Г. Законность и правоотношения в советском обществе, с. 94; Ткаченко Ю.Г. Методологические вопросы теории правоотношений. М., 1980, с. 74 – 94; Фаткуллин Ф.Н. Проблемы общей теории социалистической правовой надстройки. Казань, 1980, с. 66 – 72.

<5> См.: Литвинова Г.И. Право и демографические процессы в СССР. М., 1981, с. 3 – 5.

<6> Венгеров А.Б. Научно-технический прогресс и законодательство развитого социализма. – Сов. государство и право, 1981, № 6, с. 29.

<7> См.: Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М., 1973, с. 39 – 48.

<8> См.: Пospelова Д.А. Большие системы (ситуационное управление). М., 1975, с. 21 – 22, 61 – 62; Клыков Ю.И. Ситуационное управление большими системами. М., 1974, с. 5 – 19 и др.

<9> См.: Кхол Й. Эффективность управленческих решений. М., 1975, с. 41 – 42.

<10> Цит. по: Теория государства и права / Под ред. Н.Г. Александрова. М., 1974, с. 139.

<11> См. об этом: Лебедев М.П. Государственные решения в системе управления социалистическим обществом. М., 1974, с. 265.

<12> Хулсман Л.Х.С. Общие принципы планирования в уголовной политике. – В сб.: Планирование мер борьбы с преступностью. М., 1982, с. 20.

<13> Забигаило В.К. Право и социальное развитие (Критика реформистского направления в современной буржуазной юридической науке). – Сов. государство и право, 1981, № 7, с. 113.

<14> Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии (о структуре индивидуального преступного поведения). М., 1968, с. 38.

<15> См.: Номоконов В.А. Взаимодействие личности и ситуации как выражение свободы воли преступника. – В кн.: Проблемы Советского государства и права. Вып. 7. Проблемы повышения эффективности борьбы с преступностью. Иркутск, 1974, с. 12 – 20.

<16> См.: Яковлев А.М. Криминализация деяний в системе социального контроля и социального планирования. – В сб.: Планирование мер борьбы с преступностью, с. 31.

<17> См., например: Образцов В.А., Танасевич В.Г. Понятие и криминалистическое значение следственной ситуации. – Сов. государство и право, 1979, № 8, с. 109 – 115; Драпкин Л.Я. Методологические аспекты ситуационного подхода в криминалистике. – В сб.: Проблемы развития криминалистики в условиях научно-технического прогресса. Свердловск, 1982, с. 9 – 27.

<18> См., например: Грановский Г.Л. Ситуационный анализ в криминалистике и судебной экспертизе. – В сб.: XXVI съезд КПСС и укрепление законности и правопорядка, с. 234 – 240.

<19> См., например: Лазарев В.В. Понятие и разновидности нетипичных ситуаций правоприменительного процесса. – В сб.: Применение советского права. Свердловск, 1974, с. 54 – 64; Оболонский А.В., Рудашевский В.Д. Методология системного исследования проблем государственного управления. М., 1979, с. 162 – 174.

<20> Синцова Т.А. Основания возникновения и динамики государственно-правовых отношений. – Сов. государство и право, 1981, № 1, с. 30.

<21> См.: Витченко А.М. Метод правового регулирования социалистических общественных отношений. Саратов, 1974, с. 44 – 52; Сорокин В.Д. Метод правового регулирования. Теоретические проблемы. М., 1976, с. 19, 84.

<22> Курьлев С.Ф. О структуре юридической нормы. – Труды Иркутского ун-та. Т. XXVII. Серия юридическая. Вып. 4. Иркутск, 1958, с. 145.

<23> См.: Бегичев Б. К. Субъектная дифференциация правового регулирования в советском трудовом праве. – Ученые записки Свердловского юридического института. Вып. 2. Свердловск, 1964, с. 135 – 178; Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. Свердловск, 1972, с. 76 и др.

<24> См.: Голунский С.А. К вопросу о понятии правовой нормы в теории социалистического права. – Сов. государство и право, 1961, № 4, с. 21 – 36; Самощенко И.С. О нормативно-правовых средствах регулирования поведения людей. – Правоведение, 1967, № 1, с. 29 – 38 и др. Обзор данной дискуссии и анализ ее результатов см.: Рабинович П.М. Упрочение законности – закономерность развитого социализма (теоретико-методологические проблемы). Докт. дисс. Львов, 1978, с. 266 – 277.

<25> См.: Самощенко И.С. Указ. статья, с. 37.

<26> Божьев В.П., Фролов Е.А. Уголовно-правовые и процессуальные правоотношения. – Сов. государство и право, 1974, № 1, с. 88.

<27> См., например: Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое право, с. 87 – 89.

<28> Гревцов Ю.И. Проблемы теории правового отношения. Л., 1981, с. 73. См. также: Александров Н.Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. М., 1960, с. 188 – 213; Витченко А.М. Указ. работа, с. 35; Алексеев С.С. Общая теория права, т. 2, с. 27.

<29> Реутов С.И. Юридические факты в семейном праве. Автореф. канд. дисс. М., 1976, с. 5. См. также: Толстой Ю.К. Указ. работа, с. 5 – 6; Радько Т.Н. Системный анализ правового регулирования. – Труды Высшей следственной школы МВД СССР. Вып. IV. Волгоград, 1971, с. 36 – 37; Матузов Н.И. Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. Саратов, 1972, с. 60; Яковлев В.Ф. Общая часть гражданского права в современном законодательстве и юридической практике. Свердловск, 1979, с. 16 и др.

<30> Шептулин А.П. Диалектический метод познания. М., 1983, с. 168.

<31> См.: Бачило И.Л. Функции органов управления (правовые проблемы оформления и реализации). М., 1976, с. 23 – 44.

<32> См.: Андреев И.Д. Методологические основы познания социальных явлений. М., 1977, с. 21.

<33> См.: Ремнев В.И. Социалистическая законность в государственном управлении. М., 1979, с. 127.

<34> Воронина Н.П. Роль юридических фактов в осуществлении конституционного права граждан на жилище. – В сб.: Государство и право в системе социального управления. Свердловск, 1981, с. 63.

- <35> См.: Баранов В.М. Поощрительные нормы советского социалистического права. Саратов, 1978, с. 36 – 40.
- <36> См.: например: Толстой Ю.К. Указ. работа, с. 6 – 7; Недбайло П.Е. Указ. работа, с. 104 – 105.
- <37> Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М., 1957, с. 284.
- <38> См.: Общая теория советского права, с. 308.
- <39> См.: Ворожейкин Е.М. Семейные правоотношения в СССР. М., 1972, с. 72 – 74.
- <40> См.: Алексеев С.С. Общая теория права, т. 2, с. 164.
- <41> Халфина Р.О. Указ. работа, с. 286.
- <42> См.: Александров Н.Г. Трудовое правоотношение, с. 219 – 256; Карпушин М.И. Социалистическое трудовое правоотношение, М., 1958, с. 103 – 122; Рускол А.А. Колхозные правоотношения в СССР. М., 1960, с. 124 – 142; Основин В.С. Советские государственно-правовые отношения. М., 1965, с. 25 – 30; Шуршалов В.М. Международные правоотношения. М., 1971, с. 179 – 228; Ворожейкин Е.М. Указ. работа, с. 71 – 91; Козлов Ю.М. Административные правоотношения. М., 1976, с. 112 – 131.
- <43> Санталов А.И. Теоретические вопросы уголовной ответственности. Л., 1982, с. 52 – 53.
- <44> См.: Попондопуло В.Ф. Динамика обязательственного правоотношения и гражданско-правовая ответственность. Автореф. канд. дисс. Л., 1981, с. 7; Бодерскова Г.С. Юридические факты в процессе развития трудового правоотношения, с. 7 – 11.
- <45> См., в частности: Попов В.И. Предупреждение трудовых споров. М., 1981, с. 31 – 44; Ставцева А.И., Хохрякова О.С. Трудовой договор. М., 1983, с. 68 – 111.
- <46> См. об этом: Щеглов В.Н. Юридические факты, вызывающие возникновение и изменение гражданских процессуальных правоотношений. – Труды Томского ун-та. Серия юридическая. Т. 183. Томск, 1966, с. 152.
- <47> См.: Захарова Н.Б. Правопреемство международных договоров. Автореф. докт. дисс. М., 1974, с. 6 – 7.
- <48> Кузьмина Т.М. Советское право социального обеспечения. Саратов, 1982, с. 116.

К главе IV

- <1> Беккариа Чезаре. О преступлениях и наказаниях. М., 1939, с. 209.
- <2> Синайский В.И. Указ. работа, с. 22 – 23.
- <3> Де ла Морандьер Л.Ж. Указ. работа, с. 76; Adomeit, K. Op. cit., SS. 7 – 40.
- <4> См.: Ковалев В.А. Буржуазная юстиция: с кем и против кого? М., 1981.
- <5> Яковлев А.М. Принцип социальной справедливости и основания уголовной ответственности. – Сов. государство и право, 1982, № 3, с. 91.
- <6> СП СССР, 1983, № 20, ст. 109.
- <7> См.: Вопленко Н.Н. Социалистическая законность и применение права. Саратов, 1983, с. 75 – 78.
- <8> См.: Алексеев С.С., Дюрягин И.Я. Функции применения права. – Правоведение, 1971, № 2, с. 25 – 27; Ушаков А.А., Реутов В.П. Социально-управленческая природа применения права. – В сб.: Применение советского права / Свердловск, 1974, с. 12 – 13; Карташов В.Н. Применение права. Ярославль, 1980, с. 70 – 71.
- <9> См., например: Явич Л.С. Общая теория права. М., 1976, с. 163.
- <10> См.: Лазарев В.В. Сфера и пределы правового регулирования. – Сов. государство и право, 1970, № 11, с. 40.

- <11> Безина А.К. Судебная практика в механизме регулирования трудовых отношений рабочих и служащих на этапе развитого социализма. Автореф. докт. дисс. М., 1980, с. 13.
- <12> См.: Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М., 1972, с. 173.
- <13> См.: Комиссаров К.И. Судебное усмотрение в советском гражданском процессе. – Сов. государство и право, 1969, № 4, с. 49 – 56; Алексеев С.С. Проблемы теории права. Т. 1. Свердловск, 1972. с. 245.
- <14> См.: Черданцев. А.Ф. Правовое регулирование и конкретизация права. – В кн.: Применение советского права, с. 35 – 37.
- <15> Гурвич М.А. Судебное решение. Теоретические проблемы. М., 1976, с. 100 – 101.
- <16> Лазарев В.В. Применение советского права. Казань, 1972, с. 59.
- <17> См.: Юков М.К. Структурно-сложное содержание гражданских процессуальных правоотношений. Автореф. канд. дисс. Свердловск, 1972, с. 18 – 19.
- <18> СП СССР, 1981, № 13, ст. 75.
- <19> См.: Тихомиров Ю.А. Управленческое решение. М., 1972, с. 142.
- <20> См.: Жеребкин В.Е. Логический анализ понятий права. Киев, 1976, с. 134 – 136.
- <21> См.: Лазарев В. В. Пробелы в праве и пути их устранения. М., 1974, с. 5.
- <22> См.: Аунапу Ф.Ф. Научные методы принятия решений в управлении производством. М., 1974, с. 35.
- <23> См.: Юсупов В. А. Правоприменительная деятельность органов управления. М., 1979, с. 55 – 56.
- <24> См., например: Коренев А.П. Нормы административного права и их применение. М., 1978, с. 117 – 125.
- <25> Бахрах Д.Н., Боннер А.Т. Административная юстиция: развитие и проблема совершенствования. – Сов. государство и право, 1975, № 8, с. 20.
- <26> XXVI съезд КПСС и развитие Советского государства и права. М., 1982, с. 90.
- <27> См.: Капица П.Л. Эксперимент. Теория. Практика. М., 1977, с. 136.
- <28> См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 547.
- <29> Хиншелвуд С. Качественное и количественное. – В кн.: Философские проблемы современной химии. М., 1971, с. 29.
- <30> См.: Кашанина Т.В. Оценочные понятия в советском праве. Автореф. канд. дисс. Свердловск, 1974, с. 6.
- <31> Ивин А.А. Основания логики оценок. М., 1970, с. 223.
- <32> См.: Рассохин В. П. Правовой механизм единой политики развития науки и техники. – Сов. государство и право, 1980, № 4, с. 98.
- <33> См.: Белиловский Е.Л. Формализация оценки творческой деятельности и ее правовые последствия. – Сов. государство и право, 1980. № 6, с. 128 – 133.
- <34> См.: Парфенов В. Поиск ведет министерство. – Правда, 1978, 13 мая.

К главе V

- <1> Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 30. с. 350.
- <2> Керимов Д.А. Соотношение теоретической и практической деятельности в процессе познания права. – Сов. государство и право, 1980. № 3, с. 13.
- <3> См. об этом: Лившиц Ю. Личность и общественный порядок (уголовно-правовые и криминологические проблемы). Галлин, 1975, с. 55 – 71.
- <4> См.: Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву. М., 1981, с. 47.

- <5> См.: Совершенствование советского законодательства на основе Конституции СССР. Киев, 1982, с. 38 – 39.
- <6> См.: Какое пополнение получили. – Правда, 1978, 27 авг.; Тетельбаум М. Ответственность школы и "благополучный" процент. – Коммунист, 1981, № 7, с. 125 – 126.
- <7> См.: Халфина Р.О. Указ. работа, с. 46 – 48, 65 – 68 и др.
- <8> См.: Ионас В.Я. Произведения творчества в гражданском праве. М., 1972, с. 103, 134 и др.
- <9> См.: Зенин И. Определение размера авторского вознаграждения за изобретения. – Сов. юстиция, 1973, № 1, с. 17.
- <10> См.: Керимов Д.А. Философские проблемы права. М., 1972, с. 278 – 280; Шебалин В.А. Методологические вопросы правоведения. Саратов, 1972, с. 139 – 140.
- <11> См.: Эшби У.Р. Введение в кибернетику. М., 1959, с. 93 – 108; Лернер А.Я. Начала кибернетики. М., 1967, с. 279 – 280.
- <12> См.: Поспелов Д.А. Большие системы (ситуационное управление). М., 1975, с. 4 – 5.
- <13> См.: Халфина Р.О. Указ. работа, с. 300 – 301.
- <14> См.: Михайлов А.И. Трудовые права и обязанности работников здравоохранения. М., 1976, с. 111 – 112.
- <15> См.: Яшкин И. С точки зрения директора. – Правда, 1983, 29 июня.
- <16> См.: Кузнецова Н.Ф. XXVI съезд КПСС и проблемы повышения эффективности борьбы с преступностью. – В сб.: XXVI съезд КПСС и укрепление законности и правопорядка. М., 1982, с. 8.
- <17> См.: Научные основы советского правотворчества. М., 1981, с. 254 – 258.
- <18> См.: Попов Г. Х. Проблемы теории управления. М., 1980.
- <19> См.: Гамбаров Ю.С. Курс гражданского права. Т. 2. Часть общая. СПб., 1911, с. 632; Гримм Д.Д. Указ. работа, с. 74.
- <20> Гамбаров Ю.С. Указ. работа, с. 632.
- <21> См.: Гейхман В.Л. Сложные фактические составы как основания возникновения трудовых правоотношений. Канд. дисс. М., 1970, с. 97 – 98.
- <22> См.: Коренев А.П. Акты применения норм советского административного права. – Правоведение, 1971, № 2, с. 49.
- <23> См.: Словарь международного права. М., 1982, с. 146.
- <24> См.: Кунрютер Г. Проблемы принятия решений в условиях риска. – В сб.: Проблемы и процедуры принятия решений при многих критериях. Вып. 6. М., 1982, с. 6.
- <25> См.: Зенин И.А. Эффективность норм права в области научно-технического прогресса. – Сов. государство и право, 1981, № 2, с. 46.
- <26> См.: Прокопьев А. Авторитет паспорта. – Правда, 1983, 13 июня; Макаров В. А что скажет юрист? – Правда, 1979, 20 марта.

К главе VI

- <1> Кузьмина Т.М. Советское право социального обеспечения. Саратов, 1982, с. 100.
- <2> См. там же, с. 106, 120 – 121.
- <3> Ведомости Верховного Совета СССР, 1983, № 32, ст. 492.
- <4> Ведомости Верховного Совета СССР, 1968, № 17, ст. 144; 1980, № 11, ст. 192.
- <5> См. об этом: Миронов Н. Документ: как он оформлен. – Правда, 1974, 28 авг.
- <6> См.: Шатуновский И. Была бы только справка... – Правда, 1976, 11 янв.
- <7> СП СССР, 1960, № 6, ст. 33.

- <8> См.: Авторитет паспорта. – Правда, 1983, 13 июня.
- <9> См.: Тепло родного дома. – Комс. правда, 1983, 24 июля.
- <10> См.: Тарасова В.А. Юридические факты в области пенсионного обеспечения. М., 1974, с. 21 – 38; Додин Е.В. Доказывание и доказательства в правоприменительной деятельности органов советского государственного управления. Киев – Одесса, 1976.
- <11> См. об этом: Вахтер В.В. Общетеоретические вопросы понятия фактической основы применения норм советского права. Автореф. канд. дисс. Свердловск, 1979, с. 1 – 2.
- <12> Обзор точек зрения см., например: Теория доказательств в советском уголовном процессе, 2-е изд. М., 1973, с. 197 – 228; Треушников М.К. Доказательства и доказывание в советском гражданском процессе. М., 1982, с. 5 – 9.
- <13> См.: Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы. М., 1976, с. 94.
- <14> См.: Мотовиловкер Я.О. О фактической и юридической сторонах уголовного дела (Обзор литературы). – Сов. государство и право, 1982, № 9, с. 140 – 145.
- <15> См.: Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань, 1976, с. 7.
- <16> Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972, с. 17. См. также: Наумов А. В., Новиченко А.С. Законы логики при квалификации преступлений. М., 1978, с. 21.
- <17> См.: Треушников М.К. Указ. работа, с. 42 – 43.
- <18> См.: Кац А.К., Кошкин В.М. Особенности рассмотрения судами дел, вытекающих из брачно-семейных отношений. Свердловск, 1982, с. 45.
- <19> См.: Юридическая процессуальная форма: теория и практика / Под ред П.Е. Недбайло и В.М. Горшенева. М., 1976, с. 21 – 26.
- <20> Вопленко Н.Н. Социалистическая законность и применение права. Саратов, 1983, с. 63.
- <21> См.: Добровольский А.А., Иванова С.А. Основные проблемы исковой формы защиты права. М., 1979, с. 146 – 157; Юсупов В.А. Правоприменительная деятельность органов управления. М., 1979, с. 29 – 35.
- <22> См.: Вопленко Н.Н. Указ. работа, с. 68 – 69. См. также: Перлов И.Д. Процессуальный режим рассмотрения уголовных дел на пленумах Верховных Судов. – Сов. государство и право, 1972, № 1, с. 101 – 109.
- <23> См.: Шергин А.П. Административная юрисдикция. М., 1979, с. 93 – 103.
- <24> См. об этом: Эффективная система. – Правда, 1977, 4 сент.
- <25> См.: Петрухин И.Л., Батуров Г.П., Морщакова Т.Г. Теоретические основы эффективности правосудия. М., 1979, с. 9 – 11.
- <26> См.: Сорокин В.Д. Административно-процессуальное право. М., 1972, с. 70 – 76.
- <27> См., например: Юридическая процессуальная форма: теория и практика, с. 22 - 23.
- <28> Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 51.
- <29> См.: Пугинский Б. Заботы партнера. – Правда, 1983, 6 мая.
- <30> См.: Глазырин В.В. Трудовое право и качество продукции. – Сов. государство и право, 1982, № 2, с. 56 – 57.
- <31> См.: Свиридов С.А. Эффективность правовых норм о материальной ответственности рабочих и служащих. Воронеж, 1982, с. 109.
- <32> СП СССР, 1983, № 21, ст. 116.
- <33> Мамутов В.К., Знаменский Г.Л. Регламентация оценки результатов хозяйственной деятельности. – Сов. государство и право, 1981, № 1, с. 51.
- <34> См.: Парамонов И.В. Учиться управлять. Мысли и опыт старого хозяйственника. М., 1983, с. 86 – 87.

К главе VII

- <1> См.: Новицкий И.Б. Основы римского гражданского права. 3-е изд. М., 1972, с. 158 – 163.
- <2> См.: Черниловский З.М. Всеобщая история государства и права. М., 1973, с. 93, 97.
- <3> См., в частности: Саймонд и Вильямс. Основы договорного права. М., 1955, с. 247 – 444; Саватье Р. Теория обязательств. М., 1972, с. 278 – 288.
- <4> См.: Ведель Ж. Административное право Франции. М., 1973, с. 340 – 386.
- <5> Разумов К.Л. Пороки воли как основание недействительности сделки (сравнительно-правовой анализ и международная унификация). Автореф. канд. дисс. М., 1979, с. 6.
- <6> См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1984, № 1, с. 1.
- <7> См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1983, № 11, с. 14 - 15.
- <8> См. об этом: Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972, с. 321 – 322.
- <9> См.: Ворожейкин Е.М. Правовые основы брака и семьи. М., 1969, с. 39.
- <10> См.: Шуршалов В.М. Международные правоотношения. М., 1971, с. 196 – 197.
- <11> Васильев Р.Ф. Правовые акты органов управления. М., 1970, с. 104.
- <12> См.: Зайцев И.М. Устранение судебных ошибок как способ реализации конституционного права на защиту. – В сб.: Процессуальные средства реализации конституционного права на судебную и арбитражную защиту. Калинин, 1982, с. 28 – 37.
- <13> См. Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1984, № 1, с. 3 – 4.
- <14> См.: Иванова З.Д. Юридические факты и возникновение субъективных прав граждан. – Сов. государство и право, 1980, № 2, с. 37.
- <15> См. об этом: Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность (Очерк теории). М., 1976, с. 121 – 162.
- <16> См.: Илларионова Т.И. Механизм действия гражданско-правовых охранительных мер. Свердловск, 1980, с. 44 – 48.
- <17> См.: Лейст О.Э. Санкции в советском праве. М., 1962, с. 72 – 78.
- <18> См.: Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву (теоретические проблемы). М., 1981, с. 29.
- <19> См.: Илларионова Т.И. Система гражданско-правовых охранительных мер. Томск, 1982, с. 6 – 74.
- <20> См.: Правила добровольного страхования домашнего имущества. Утверждены Приказом по Министерству финансов СССР № 196 от 26 ноября 1980 года, п. 24.
- <21> См.: Реутов В.П. К вопросу о вторичных правомочиях в советском праве. – Ученые записки Пермского университета, № 264. Вып. 3. Пермь, 1972, с. 159 – 173.
- <22> См.: Эннексерус Л. Указ. работа, с. 446. В советской литературе о самозащите см.: Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М., 1972, с. 168 – 186; Гражданско-правовое положение личности в СССР. М., 1975, с. 48 – 51.
- <23> См.: Басин Ю.Г., Диденко А.Г. Дисциплинирующее воздействие оперативных санкций. – Сов. государство и право, 1983, № 4, с. 51.
- <24> Илларионова Т.И. Механизм действия гражданско-правовых охранительных мер, с. 47.
- <25> См.: Басин Ю.Г., Диденко А.Г. Указ. статья, с. 55.
- <26> См.: Семеусов В.А. Санкции в хозяйственном законодательстве. Иркутск, 1982, с. 46 – 52 и др.

<27> См.: Клевцов В., Пашкевич А., Тихонов О. Сердобольные прорабы? – Комс. правда, 1978, 14 ноября.

<28> См.: Венгеров А.Б. Право и информация в условиях автоматизации управления (Теоретические вопросы). М., 1978, с. 108 – 109.